

2020

ТОМ: 1

■
ГОМЕР: 2

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. № 2. 2020.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Бушуева О.С.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. № 2. 2020.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

**Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-X – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Канестри Хорхе (Италия), Ph.D., профессор психологии в Università degli Studi di Roma Tre, обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Европейской психоаналитической федерации (EPF)

Коротецкая А.И. (Россия), проректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, доцент Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. № 2. 2020.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

**Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDV), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, эксперт Oxford Russia Fund

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Watzwater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Росохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф. программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Сама Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том I
№ 2.2020**

НОВОСТИ

6

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

РОССИЙСКИЙ КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Россохин А.В.

Искушающее насилие первосцены. Интерперенос как интертекст невроза переноса

9

Потапова В.А.

Между нарциссизмом жизни и нарциссизмом смерти. От тоталитарного объекта к внутреннему тоталитарному объекту

20

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Ален Жибо

Символизация и психоз. Переход от матрицида в виде совершенного акта к фантазму о матрициде (часть 2)

29

ПСИХОАНАЛИЗ ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА

Дельфин Миермон Шилтон, Франсуа Ришар

Дистанционный психоанализ: скайп или телефон?

53

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Айсина Т.В.

Мазохизм и отказ от женского

63

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Медведев В.А.**
Миссия прикладного психоанализа: история и современность 89

ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП

- Гордон В. Лоренс, Алистер Бэйн и Лоуренс Голд**
Пять базовых допущений 101

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

- Манфред Кетс де Врис**
Паутины бесконечных возможностей или жизненные уроки от «Великой Матери», поведенные Черной Вдовой и ее десятью маленькими паучками-внучатами 128

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ольшанский Д.А.**
Психоанализ и нейрофизиология: перспективы взаимодействия в лечении обсессивно-компульсивного расстройства (МКБ код 42.0) 148

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

- Белухина С.В.**
Куда бежит Эсти? Психоаналитическая рефлексия о мини-сериале «Неортодоксальная» 156

- Шафрановская К.**
От Эроса сына к Эросу отца. Психоаналитическое видение пути героя фильма «Интерстеллар» 169

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

- Манфред Кетс де Врис**
Какой будет наша жизнь после пандемии? 175

- Манфред Кетс де Врис**
Семь способов, с помощью которых руководители компаний могут подготовиться к постпандемическим временам 180

НОВОСТИ

Поздравляем главного редактора Журнала Андрея Владимировича Россохина, ставшего первым в России титулярным членом Парижского психоаналитического общества.

<https://www.spp.asso.fr/les-membres-de-la-spp/>

SOCIÉTÉ PSYCHANALYTIQUE DE PARIS

Association Reconnue d'Utilité Publique – Décret du 8 août 1997

21 rue Daviel – 75013 Paris Tél. 01 43 29 66 70
Télécopie : 01 48 78 11 60 E-mail : spp@spp.asso.fr Site : www.spp.asso.fr

CB/RH/AG/SPP/2020-075

Paris, le 1er juillet 2020

Monsieur Andrey ROSSOKHIN
ANDREEVSKAYA NABEREZNAYA 1-1-8
119334 MOSCOU
RUSSIE

Cher Collègue,

Nous avons le plaisir de vous informer que le Collège électoral, réuni le mardi 23 juin 2020, vous a élu membre Titulaire de la Société Psychanalytique de Paris, suite à la présentation de votre candidature.

Avec nos sincères félicitations.

Bien cordialement.

Clarisse BARUCH
Présidente

Roland HAVAS
Secrétaire Général

par pays | par code postal | par ville | par département | par nom...

Мме ROCHETTE-GUGLIELMI Joëlle - Adh.
 Мме ROCHUT Patricia - Adh.
 Dr RODDE Benoît - Adh.
 М. ROGUET Jean-Philippe - Adh.
 Мме ROLS Nadia * - Adh.
 М. ROSE Daniel - Tit. hon.
 Мме ROSENBERG Anne - Adh.
 Мме ROSENBERG Dinah - Adh.
 Мме ROSENBERG Hélène - Adh. hon.
 Мме Dr ROSENBLUM Rachel - Adh.
 Мме Dr ROSET-JAULT Sylviane - Adh.
 Dr ROSSELLO Jean-Jacques - Adh.
Prof. ROUSSILLON René - Tit.
 Мме ROTCEJG-ZLOTO Martine * - Adh.
 Мме ROURE Marie-Thérèse - Adh.
 Prof. ROUSSILLON René - Tit.
 Мме Dr ROUX Annie - Tit.
 Мме RUBIN Gabrielle - Adh. hon.
 Dr RYBAK Henryk - Adh.
 Dr RYBAK Henryk - Adh.
 Dr SAADIA Yossef - Adh.
 Мме Dr SABOURET Emmanuelle - Adh.
 Dr SACCO François * - Tit. hon.
 Мме SAFERIS Véronique - Adh.

Создана и начала работу Московская Психоаналитическая Ассоциация.
<https://www.facebook.com/maspsy/>

Главная цель МПА – создание на ее базе учебной группы Международной Психоаналитической Ассоциации, которая будет развиваться под руководством Спонсорского Комитета IPA по французской модели психоаналитического образования.

МПА ожидает приезд в Москву IPA Site Visiting Committee, который примет решение о дальнейшем развитии МПА.

18 октября 2020 Московская Психоаналитическая Ассоциация проведет свою первую научно-клиническую Конференцию, которая будет посвящена психоаналитической работе со сновидениями.

Программу Конференции см.: <http://asso-mpa.com/>

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

РОССИЙСКИЙ КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Искушающее насилие первосцены. Интерперенос как интертекст невроза переноса

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. Кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. Магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МРА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа»

В статье утверждается, что в ходе психоаналитического процесса интерперенос проявляется в виде интертекста и представляет собой сложное неиерархическое пространство со всевозможными переходами, нелинейными связями между отдельными переносами, выраженными в виде отдельных текстов. Это утверждение проиллюстрировано детальным анализом двух психоаналитических сессий. Ключевые слова: психоанализ, первосцена, интерперенос, интертекст, невроз переноса.

Каждый психоаналитик рано или поздно сталкивается с клиническим материалом, связанным с реальными или воображаемыми сценами соблазнения ребенка. Ребенок в этих сценах предстает пассивным объектом сексуальных домогательств со стороны другого лица (чаще взрослого). Когда такой материал появляется в ходе анализа, у аналитика возникает совершенно естественное контртрансферентное желание пожалеть своего пациента и помочь ему – тому, чей детский мир с его языком нежности был взломан взрослой сексуальностью с ее языком страсти (*Ferenczi, 1949*). Будучи реализованным, этот контрперенос приведет аналитика к бессознательному сговору с защитами пациента, согласно которым пациент представляет собой жертву извращенного взрослого соблазнителя. Детская сексуальность с присущими ей еще до этого возможного соблазнения возбуждением, тревогами, страхами и желаниями здесь полностью игнорируется и избегается. Избегается и чувство вины пациента за собственные сексуальные и агрессивные влечения.

В тоже время если не поддаться этому первому и конечно очень естественному желанию воспринимать своего пациента как пассивную жертву соблазнения, то в психоаналитическом процессе может открыться более глубокое и значительно более важное понимание конфликтного развития детской сексуальности и ее влияния на развитие личности пациента.

В своих работах Фрейд ясно показывает, что реальные или воображаемые сцены соблазнения часто могут не оказывать немедленного психотравмирующего воздействия, которое, однако, возникает позднее, в ходе переживания пациентом другого события, не обязательно имеющего собственное сексуальное значение. «Мы имеем здесь уникальную возможность увидеть, как воспоминание приводит к гораздо более значительному эффекту, нежели само событие» (*Freud, 1887–1902, p. 157*). Этот феномен, или точнее сказать, процесс – «апреку» – детально описан во французской психоаналитической школе. Согласно А. Грину, концепция апреку стала фундаментальным теоретическим стержнем для французского психоанализа (*Green, 2000*).

В отличие от линейной концепции времени, в соответствии с концепцией апреку *настоящее может влиять на прошлое*. Это означает, что с человеком может произойти некоторое событие, которое не будет иметь для него серьезного смысла и последствий в тот момент – только «оставит свои отметки на психике» (*A. Green*). Эта «психическая матрица» получит повторное пробуждение и новое значение позже – *ретроспективно* – когда спустя определенное время другое более или менее случайное событие внезапно придаст *новый смысл* прошлому событию. Таким образом, второе событие ретроспективно придает первому событию значение, которое существовало до этого лишь в состоянии *виртуальности, наряду с целым рядом других возможностей*.

Точно так же эпизоды соблазнения с их часто искушающим насилием ретроспективно вносят свой деструктивный смысл в ключевые, в том числе даже в самые ранние переживания ребенка – в бессознательные фантазмы о первосцене и в его психическое взаимодействие с архаическим

материнским образом внутри себя. Рассмотрим это на клиническом материале двух сеансов, взятых из анализа госпожи Елены Ф., женщины 40 лет, состоящей в браке в течение 18 лет и имеющей одного ребенка – дочь в возрасте 10 лет.

Елена была средней из троих дочерей своих родителей. Ее отец работал в российском посольстве в Канаде вплоть до рождения младшей сестры Елены, после чего семья вернулась в Москву. Через два года после рождения Елены ее мать начала изменять своему мужу, отцу Елены. Позднее она не скрывала этого от дочери, рассказывая ей некоторые подробности, и делая ее тем самым своей сообщницей. Елена чувствовала, что предавала своего отца, не решаясь ни отказаться от рассказов матери ни встать на сторону отца.

Впрочем, она не только любила, но и очень боялась своего отца. Когда ее мать поздно возвращалась домой, отец, подозревая жену в измене, начинал ее бить и кричал: «Ты проститутка». Позднее он также кричал и на Елену: «Ты такая же проститутка, как и твоя мать».

Рассказывая о раннем детстве, она вспоминает, что мать часто забывала забрать ее из детского сада, и она должна была оставаться там на ночь. Мать также часто оставляла ее у различных знакомых, и Елена помнит, как она плакала и кричала, прося мать не уходить. У нее осталось одно воспоминание: она смотрит в окно и видит на улице уходящую мать, которая ни разу не оборачивается. Маленькая Елена держит в руках блузку матери и вдыхает ее запах.

После 10 месяцев анализа череда снов и последовавших за ними воспоминаний привели Елену к почти вытесненным переживаниям, которые она испытала в возрасте 8 лет и от которых в ее сознании до этого момента оставались лишь небольшие следы. Тем летом мать Елены постоянно оставляла ее у своей сестры на весь день, забирая только поздно вечером. Сын ее тети, которому в то время было 16 лет, постоянно находился дома. Он закрывался вместе с маленькой Еленой в своей комнате и играл с ней, в то время как его мать проводила все время на кухне. Постепенно игры, по словам Елены, перешли в сексуальное злоупотребление. Маленькая девочка, чувствуя одновременно возбуждение, отвращение, стыд и страх, должна была играть с пенисом своего двоюродного брата и брать его в рот, позволяя ему при этом ласкать себя.

Елена не могла вспомнить, как долго это могло продолжаться, но, видимо, не больше 2-х недель. Ей казалось, что каждый вечер она хотела рассказать об этих играх своей матери, но что-то ее останавливало. Наконец, она все рассказала матери. Мать не поверила ей и снова отвела дочь к сестре. Через несколько дней она все же поговорила об этом со своей сестрой. Тетя обвинила Елену во вранье, и мать перестала водить Елену к ней домой.

Разворачивающийся в ходе анализа эротический перенос, ощущаемый мною в контрпереносе как соблазняющее насилие, отчетливо проявился на одном из сеансов в материале сновидения пациентки.

«Я хотела бы рассказать вам о так многом, – начинает Елена. – Я видела сон с Вашим участием. Я ехала с вами в желтом автобусе. Именно на

таким желтом автобусе мы с сестрой ездили в гости к отцу. Сеанс психоанализа происходил прямо в этом автобусе. Я заняла место рядом... ой, нет... сзади вас. Вы сидели один на двойном сиденье, место рядом с вами было свободно. Я сидела за вами и место рядом со мной также было свободно. Странно, кто-то должен был бы занять эти места?

Вы повернулись ко мне, и мы начали разговаривать. Сначала я чувствовала сильную нервозность. Это был необычный сеанс анализа, мы разговаривали друг с другом, а при этом вокруг нас было много людей. У меня было ощущение, что каждый в этом автобусе смотрел на нас и слушал то, о чем мы говорили.

Я внезапно подумала: "Какая интересная форма работы!". Вы предложили мне это. Это что-то нелегальное, незаконное. Все глаза, слушают. Я наклоняюсь к Вам и шепотом говорю: "Они же все слышат!". В ответ, вы говорите: "Продолжайте". Это была нестандартная ситуация. У меня было смешанное чувство... то ли это рабочая встреча, то ли... (после небольшой паузы) меня уводит в какую-то другую сторону... то ли встреча друзей.

Рядом с нами стояла женщина зрелого возраста. Мне казалось, что она была озадачена. Я ставлю себя на ее место и мне кажется она думала: "Кто это встретились? Друзья?.. Сослуживцы?.. (у Елены вырывается) любовники?..».

Она говорит в замешательстве: «Совершенно непонятно» и добавляет после некоторой паузы: «интересно, все развивается само собой...». Она надолго замолкает и затем уже с меньшим возбуждением продолжает: «Та женщина в автобусе напоминает мне мою тетку, мать моего двоюродного брата. Ее губы были странно покрашены – не полностью, уголки рта не были покрашены совсем. Это придавало ее строгому лицу еще большую суровость и злость. Губы казались сильно сжатыми». Елена снова замолкает, на этот раз ненадолго и почти выкрикивает: «А вы мне говорили постоянно: "Что вы туда все время смотрите, не обращайтесь на нее внимание". А я не могла не обращать на нее внимание. Ее взгляд понижывал меня, она не отводила глаз, смотрела глаза в глаза, сквозь меня. Словно она уже все поняла про меня и углубилась в свои мысли. Она думает, что я легкомысленная, несерьезная. Она думает, что я маленькая и вот так легко общаюсь с таким взрослым дядей. Это вызывает сильное чувство стыда».

Думая о том, что разворачивающийся в ходе психоаналитического процесса перенос имеет отчетливую отцовскую и материнскую составляющие, я решаю обратить внимание Елены на то, что я играю в ее внутреннем мире роль не только взрослого дяди-соблазнителя, но и этой наблюдающей и осуждающей ее женщины (тети). Я говорю изнутри переноса: «Стыд передо мной... как если бы я уже все понял про Вас и углубился в свои мысли».

Елена мгновенно отвечает, ясно демонстрируя в своем эдиповом дискурсе смешение в трансферентном образе психоаналитика отцовских и материнских репрезентаций: «Стыд за свое поведение, мне кажется вы будете осуждать меня... Как будто я... кокетничаю... с Вами (выдавливает из себя)... (долгое молчание)... Другой поворот событий...».

Елена замолкает, пораженная осознанием собственных эдиповых желаний, направленных на психоаналитика. У нее еще нет понимания, что, испытывая вину и страх наказания за свои влечения, она избавляется от них, проецируя их на отцовский объект. Это именно он соблазняет ее, переходя запретные границы. Устранив материнский образ с соседнего со мной сиденья, Елена сохраняет за ним функцию наблюдения–подсматривания. Мы можем увидеть здесь начало бессознательного повторения сцены соблазнения из ее раннего детства, в которой ее брат предлагал ей запретные сексуальные игры, а его мать, в соответствии с фантазиями Елены, все знала и непостижимым для нее образом наблюдала за ними из-за закрытой двери. Это также может привести нас и к возможным фантазиям Елены о первосцене: это она была маленькой девочкой, смотрящей на закрытую дверь родительской спальни и воображавшей себе нечто тайное, возбуждающее и пугающее одновременно. Елена меняется здесь с матерью местами, помещая ее за дверь и оставляя за ней способность видеть все происходящее внутри сквозь дверь.

«Взрослый дядя», – слышу я снова внутри себя слова Елены и внезапно вспоминаю ее рассказ об играх со своим дядей – отцом того самого двоюродного брата. Мать обычно забирала Елену домой поздно вечером, и поэтому она всегда ужинала у своей тети вместе с братом и его отцом, своим дядей. Ее дядя, приходя домой с работы, очень любил играть с маленькой Еленой. Он сильно сжимал ее уши своими руками и поднимал девочку над полом. Елена кричала от боли и звала на помощь жену дяди, свою тетю. Тетя прекращала эту «игру», но спустя несколько минут Елена снова начинала прыгать вокруг дяди и, как она сказала мне, «завлекать его», снова провоцируя на игру. Это снова и снова повторялось до тех пор, пока, по словам Елены, ее тете не надоело приходить к ней на помощь. Тетя все больше раздражалась и, в конце концов, взрывалась криком гнева, обращенным как к мужу, так и к Елене.

Нет сомнения, что Елена бессознательно проигрывала с дядей садомазохистские фантазии о первосцене, в которых она занимала материнскую позицию. Ее тетя выступала как спаситель от болезненного и в тоже время захватывающего Елену перевозбуждения, но и, одновременно с этим, как «уничтожающий, все видящий глаз», источник осуждения, обвинения и наказания.

Эти мысли проносятся у меня в голове, пока Елена молчит.

После длительного молчания Елена замечает, что, по-видимому, именно сильный страх, что та женщина увидит ее желание кокетничать со мной, заставляет ее уговаривать эту женщину сесть рядом с ней. «Я помню, как я несколько раз обращалась к той женщине и предлагала ей сесть рядом со мной. Но она каждый раз отказывалась, потому что вы громко говорили в этот момент: "Никто не хочет садиться". Кроме этого, вы смотрели на эту женщину устрашающим взглядом, который вызывал у нее ужас. Она отвечала мне: "Нет, нет, я не хочу садиться"».

В ответ на мою реплику, что в этой фантазии Елена хочет, чтобы я принадлежал только ей и никому другому больше, Елена говорит: «Мы едем в автобусе и говорим с вами по делу. Но внезапно что-то пробежало между

нами. Атмосфера меняется. Она становится более теплой. Мы смотрим друг на друга иначе. Это как ... (пауза)... как после первого свидания. Удивительное чувство загадки, тайны... Я выхожу из автобуса, наполненная теплыми чувствами».

В следующий момент я неожиданно для себя произношу многословную интерпретацию, совершенно не свойственную моей обычной аналитической работе: «В вашем сновидении вы сидите за мной, а я сижу перед вами и поворачиваюсь к вам лицом. Здесь, в аналитическом кабинете, все наоборот – я сижу сзади вас, а вы лежите на кушетке передо мной и возможно хотели бы повернуться и говорить со мной лицом к лицу. В этом сне вы занимаете мое место и помещаете меня на ваше место. Тем самым вы наделяете мой образ в вашем сне вашими собственными желаниями и запретными чувствами».

Говоря все это, я ощущал внутри конфликт: «почему я так много говорю?», «от чего хочу защититься?», «что отыгрываю?», «что оказалось для меня невыносимым в этот момент?». Почему я решил дать быстрый и рациональный ответ на мучающие Елену, на самом деле не имеющие однозначных ответов вопросы: «Что это за игры? Кто кого соблазняет? Чьи это желания? Запретны ли они? Кто виноват – она? Или отец, дядя, кузен, аналитик? Или мать, тетя, аналитик?».

В явном содержании сновидения я играю роль дяди-брата-искусителя, предлагающего ей неформальные, инцестуозно-окрашенные отношения. Елена предстает здесь невинной жертвой. Однако в глубине разворачивается совсем иная картина. Глубже в контрпереносе я чувствую искушающее насилие с ее стороны, как если бы это именно она старалась соблазнить меня, воспользоваться мною и затем оставить меня.

Ощущая в глубине себя рост напряжения в ответ на нарастающее возбуждение Елены, я осознал контртрансферентное желание защититься от Елены и укрепить «границы». Благодаря этому я понял, что Елена с помощью проективной идентификации бессознательно соблазняет меня так, как это делал с ней ее двоюродный брат, проигрывая в своем сновидении обе роли одновременно. При этом мне также отводилась роль «всевидящего ока» – внутреннего регулятора ее собственного невыносимого возбуждения, проистекающего из фантазмов о первосцене. Того самого сексуального возбуждения, с которым, как писал Фрейд, «детское понимание не может справиться, а может лишь от него отстраниться». «Отстранившись» с помощью своей интерпретации от невыносимого возбуждения первосцены, я перешел во внутреннем мире пациента из соблазняющей–соблазняемой отцовской репрезентации (а еще глубже – из репрезентации ее возбужденного детского Я) в материнскую осуждающую и угрожающую репрезентацию. Какой бы верный вербальный смысл не несла моя интерпретация, в действительности, он не был полностью воспринят Еленой. Скорее Елена «услышала» контртрансферентный посыл этой интерпретации – «это я сама виновата во всем, так как это только мои сексуальные желания. Это значит, что я должна быть наказана за них». Эти слова Елена уже говорила раньше, а на этой сессии после некоторого молчания, следовавшего за моей интерпретацией, она

произнесла: «Чтобы снять с себя вину... Чтобы показать той женщине, что я тут ни при чем, я не виновата... Это вы виноваты, а не я... (пауза)... где-то это уже было... в другом сне, где я стояла перед Вами в одной мужской рубашке... Это мужчины пытаются меня соблазнить, а я чиста и невинна... Чтобы скрыть свои желания, я даже предлагаю этой женщине сесть рядом со мной, хотя я этого совсем не хочу... (молчание)... Ваш образ во сне это как мой собственный развратный образ. Как будто с вами я могу подойти к тому, чтобы реализовать свои скрытые желания... (пауза)... Иногда в моих сексуальных фантазиях появляется ваш образ. Он возникает на мгновение, но ничего не происходит... раз – и все отключается. Внутренний запрет не дает развиваться этой фантазии. Это как стоять возле костра, перед огнем... хорошо, тепло, жар... но, если прикоснешься, то сразу же обожжешься».

«Однажды Вы уже прикоснулись к огню», – говорю я. В кабинете висает долгое молчание. Наконец, Елена, медленно выговаривая слова, начинает говорить: «Странно... Навязчивый, отвратительный образ меня преследует уже две недели... образ с картины. Друзья подарили нам с мужем картину, которую мы повесили в спальне. Это абстрактная картина, которая меня чрезвычайно раздражает и чем-то пугает. Мне очень хочется выкинуть ее или, по крайней мере, убрать куда-нибудь подальше, но я почему-то не могу это сделать... (пауза)... Я вижу там два огромных вытаращенных красных глаза, похожих чем-то на пчелиные глаза. На этой картине можно также увидеть женские ноги, полностью и бесстыдно раскрытые, и вагину между ними. Образ гигантской пчелы – глаза, жало... Рядом со всем этим я вижу также большой половой член. Я пытаюсь не смотреть на эту картину, но она все время привлекает мое внимание. Этот пенис острый, как жало у пчелы...».

Сеанс заканчивается и Елена, вздохнув, встает с кушетки. Я был уверен, что на следующий сеанс она придет с усилившимся сопротивлением, но, к моему удивлению, она продолжила рассказ о картине. «Картина, о которой я говорила вчера, преследует меня, она стоит у меня перед глазами. Словно кто-то неотрывно следит за мной... Эти пчелиные глаза кажутся безумными, они выпучены и нереально большие. Когда пчелы летят к цветку, их глаза выпучиваются от возбуждения и желания. Они выпускают свое жало».

Кажется, это реверси, сон наяву Елены лучше всего может быть описан двумя словами – *искушающее насилие* или *насилующее искушение* – словами, описывающими невыносимость возбуждения, абсолютную невозможность ни удовлетворить его, ни избавиться, ни успокоить, ни преодолеть. Мы видим, как в этой ужасающей и одновременно притягивающей фантазии Елены встречаются и смешиваются образы и переживания из разных временных и фантазийных пластов. Фантазии о первосце не получают новый смысл, сталкиваясь с переживаниями и фантазиями вокруг ранних сексуальных игр с кузеном. И наоборот, последние приобретают еще более возбуждающий и отвратительный контекст, заряжаясь от первых. Думая о том, что для того, чтобы справиться с невыносимым возбуждением («выпученные глаза») Елена прибегает к защитной

идентификации с агрессором, к фантазии об обладании пенисом, я решаю интерпретировать не первосцену с ее невыносимостью, а защиту от нее. Поэтому я говорю: «В этой фантазии, возможно, это именно Вам хотелось бы быть возбужденной пчелой, которая выпускает свое жало, чтобы обладать цветком».

Елена опять замолкает и спустя некоторое время тихо произносит: «Сложно... Мужское и женское переплетаются. В какой-то момент мужское выходит на первый план, в другое время – женское. Но все это страшные образы». За этим следует долгое молчание. Я чувствую, что поторопился, интерпретируя защитную фаллическую идентификацию Елены, и решаю вернуться к фантазиям о первосцене. Стремясь помочь Елене запустить ассоциативный процесс, я произношу: «Выпученные глаза, возбужденные глаза...». В ответ Елена внезапно осознает связь между переживаниями, связанными с образами на картине, и отсутствием сексуальных отношений с мужем в последние две недели. «Я только сейчас поняла, что точно на следующий день после того, как мы повесили картину в спальню, у меня начались женские проблемы... молочница... она вызывала такой сильный дискомфорт, что я была вынуждена полностью отказаться от секса с мужем... (пауза)... Теперь ясно, что это, видимо, несчастливо... (пауза)... То, что меня больше всего раздражало в этой картине, это была вагина, которая была всегда открыта, всегда в постоянном ожидании... (пауза)... Безумная картина... (пауза)... Безумные глаза... (пауза)... Словно должен быть постоянный секс, постоянный контакт...».

Я тихо произношу: «Картина в спальне: вагина, пенис и выпученные глаза...». Елена сразу же произносит: «Для всего этого есть одно слово – страх. Словно *эта вагина и пенис*... ой, я оговорила... я хотела сказать глаза и вагина *принадлежат женщине*». Елена опять надолго замолкает, пораженная своей много о чем говорящей оговоркой. Внезапно прорвавшийся из бессознательного архаический образ фаллической матери снова устраняется, и Елена возвращается к своим более эдиповым переживаниям. «От этой картины идет такое возбуждение и страх... пенис такой острый, что он может поранить вагину... проткнуть ее насквозь... (пауза)... Если вагина нуждается в постоянном удовлетворении, то для этого должен быть конвейер... много мужчин, которые идут и... она открыта – берите, кто хочет... и многие идут...».

«Возбужденная вагина... Она опасна своей ненасытностью?» – спрашиваю я Елену. Она отвечает сквозь зубы: «Да, именно так». Следует долгое молчание, и Елена продолжает: «Что интересно, у этой вагины очень маленькая щелочка, дырочка... просто как вход, но очень маленький... (пауза)... Как у маленьких детей... может быть поэтому так страшно... жало-пенис-то очень большой». «У маленьких детей...», – повторяю я. Елена отвечает: «Два года... это первое, что мне пришло в голову... (пауза)... Мне было 2 года, когда моя мать начала свои любовные похождения... (пауза)... Моя дочь никогда не имела ни малейшего шанса увидеть или услышать что-либо. Когда мы с мужем занимаемся любовью, я контролирую это специально. Я слушаю все звуки... Словно я знаю, что, если она увидит хоть что-нибудь, это запечатлется в ней навсегда. Когда

она была маленькой, мне часто казалось, что я замечаю ее любопытство, ее интерес... что она хочет подсмотреть, подслушать... пытается увидеть что-то... Да и сейчас у меня есть такой страх... (долгая пауза)... Я только что подумала о том, что я помню только два или три момента из того времени, когда мы жили в двухкомнатной квартире в Канаде. Мне было около четырех лет, когда мы вернулись в Москву. Мне всегда казалось, что какая-то тайна была связана с той квартирой в Канаде, что там происходило что-то таинственное, удивительное. Я всегда хотела узнать, что же там было такое...».

«Тайна, любопытство...» – произношу я. Елена мгновенно реагирует: «Вы сказали "любопытство", и я сразу вспомнила одну сцену из фильма "Москва слезам не верит". Там был момент, когда дочь неожиданно приходит домой и застаёт врасплох своих родителей, занимавшихся любовью. Они сделали вид, что ничего не было. Она не успела увидеть ничего конкретного, но она все поняла...». После долгой паузы Елена говорит, уже значительно тише и с напряжением в голосе: «Мне сейчас показалось, что я вспомнила... а может быть я это и придумала... диван, на котором спали мать и отец в той канадской квартире был все время растелен и никогда не складывался... Это как вагина, которая всегда наготове...». Я слышу, как Елена тихо плачет, борясь со слезами. «Я рассказывала вам об этом... когда я была подростком, мы с матерью ездили в дом отдыха. Она ушла в ресторан, а я легла спать. Я проснулась от того, что услышала скрип двери. Мать привела мужчину к нам в номер и все это происходило на соседней кровати... Это было так ужасно... Она совсем не беспокоилась о том, видела ли я что-нибудь. Я сомневаюсь, что она переживала об этом, и тогда, когда я была совсем маленькой».

Описанный клинический материал ясно иллюстрирует одновременное существование в психической реальности пациента различных временных и фантазийных пластов, которые сталкиваются, заряжают, активируют и блокируют друг друга, создавая при всем этом взрывоопасные и угрожающие комбинации.

Вся эта конфликтная смесь в концентрированной форме оживает и проявляется в развивающемся в ходе анализа неврозе переноса, который, таким образом, становится принципиально нелинейным и многомерным. В каждый момент времени трансферентный образ аналитика оказывается под влиянием самых различных психических репрезентаций. Аналитик одновременно имеет «вагину и пенис»; обладает «ненасытной вагиной»; «огромным угрожающим пенисом»; у него «красные возбужденные глаза»; он превращается в «беспощадное всевидящее око», в соблазняющего «взрослого дядю», в строгую «осуждающую тетю», в маленькую кокетливую девочку, в ребенка, переполненного невыносимым возбуждением, и др. Все эти образы и состояния не переходят плавно из одного в другое, они сосуществуют как различные продолжающиеся писаться тексты в многомерном нелинейном пространстве интертекстуальности (Kristeva, 1969), развивающегося в ходе анализа невроза переноса, а точнее – ин-терпереноса (Россохин, 2010, 2020).

Интерперенос проявляется в анализе в виде интертекста и представляет собой сложное неиерархическое пространство со всевозможными переходами, нелинейными связями между отдельными переносами, выраженными в виде отдельных текстов. Поэтому *что и как* будет сказано и прочитано (услышано, пережито, понято), пути «прочтения» возникающего в анализе материала могут быть совершенно различными и принципиально непохожими друг на друга. Выбор движения по многомерному нелинейному пространству интерпереноса будет определяться сознательными и бессознательными, ассоциативными, мыслительными и аналитическими побуждениями обоих участников психоаналитического диалога.

Благодаря аналитической работе не только прорабатываются и изменяются те переносы, которые находят свое прямое воплощение в интерпереносе, но также претерпевают совместную эволюцию и бесконечное количество потенциально возможных, но не проявившихся в анализе, переносов.

Итак, установление, развитие и разрешение невроза переноса происходит в многомерном нелинейном пространстве интерпереноса. Таким образом, терапевтическое ожидание, что пациент по мере анализа будет плавно переходить от одного переноса к другому вплоть до окончательного разрешения невроза переноса, может быть неоправданным. Это означает, что в каждый момент анализа мы в своем контрпереносе должны быть готовы к «чтению совершенно нового текста», сохраняя память обо всех предыдущих.

Интертекст создается совместно обоими участниками процесса, которые являются его создателями и читателями, одновременно. Внутри интерпереноса как интертекста пациент и аналитик формируют собственные сюжетные линии (трансферентную, контртрансферентную, аналитическую), которые сталкиваются друг с другом, конфликтуют, сопротивляются, взаимодействуют и влияют друг на друга. Разрешение невроза переноса не означает слияния этих различных линий в одну «столбовую» дорогу, но, скорее, признание обоими участниками психоаналитического путешествия в многомерном нелинейном мире бессознательного права на одновременное существование различных психических состояний наряду с развитием пациентом сексуальной и личностной идентичности (зрелого индивидуального языка), позволяющей «входить» в интертекст бессознательного и «выходить» из него без потери своего языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ferenczi S.* (1949). Confusion of the Tongues Between the Adults and the Child – (The Language of Tenderness and of Passion). *Int. J. Psycho-Anal.*, 30:225–230.
2. *Freud S.* *Aus den Anfängen der Psychoanalyse, 1887–1902.*
3. *Green A.* *Le temps éclaté, Les Éditions de Minuit, 2000.*
4. *Kristeva J.* *Sèmiôtikè. Recherches sur une sémanalyse, Seuil, coll. «Tel Quel», Paris, 1969.*

5. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010.
6. *Россохин А.В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа, 2020, т.1, в.1, с. 5–51.

The tempting violence of the primal scene. Intertransference as the intertext of the transference neurosis

A.V. Rossokhin

***Rossokhin Andrey Vladimirovich** – Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", full-time member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis.*

The article argues that in the course of the psychoanalytic process, intertransference manifests itself as an intertext and is a complex non-hierarchical space with all kinds of transitions, nonlinear connections between individual transferences expressed in the form of separate texts. This statement is illustrated by a detailed analysis of two psychoanalytic sessions.

Keywords: psychoanalysis, primal scene, intertransference, intertext, transference neurosis.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

Между нарциссизмом жизни и нарциссизмом смерти. От тоталитарного объекта к внутреннему тоталитарному объекту

В.А. Потапова

Потапова Виктория Анатольевна – кандидат медицинских наук, психиатр-психоаналитик, старший научный сотрудник Отделения психоанализа Института судебной и социальной психиатрии им. В.П. Сербского, дипломант Университета Рене Декарт, Сорбонна, Париж, действительный член Парижского психоаналитического общества, Международной психоаналитической Ассоциации, доцент кафедры психоанализа и бизнес консультирования НИУ ВШЭ.

Автор, исследует социально-психологические феномены современного российского общества, опираясь на психоаналитическую парадигму. Прослеживает влияние культурального и социально-экономического взрывов на формирование травматических фиксаций, проявляющихся в навязчивом повторении пережитого травматического опыта. Раскрывает, проводя оригинальные теоретические рассуждения, понятие «внутренний тоталитарный объект».

Ключевые слова: травматические фиксации, форклюдия травмы, прегенитальные фиксации, первичный нарциссизм, нарциссическое всемогущество, внутренний тоталитарный объект.

Как аналитики, находясь в одиночестве в своем кабинете, мы неизбежно сталкиваемся, согласно образному определению Андре Грина, с двуликим Янусом нарциссизма, который нас конфронтирует с постоянными колебаниями между Я-один и Другим. Наша способность услышать, понять, принять другого, предоставить ему место в аналитическом и в своем психическом пространстве зависит от нашей возможности знать и понимать себя. В этом процессе мы вновь и вновь обращаемся к курсу вглубь себя, в свой личный психоанализ, вглубь своей семейной,

культуральной и профессиональной истории. Понимание специфики сегодняшней России, личного профессионального места и опыта возвращает нас к важному историческому моменту – Октябрьской революции 1917-го года, когда произошло важнейшее событие, заблокировавшее на долгие годы социально-культурное и гражданское развитие общества – убийство царя-отца, царицы, царевича-наследника и его сестер, имевших статус практически живых богов в земном их воплощении. Это убийство, происшедшее без какого-либо суда и следствия, представляло собой атаку на естественные законы природы и, очевидно, носило оттенок ритуального тотемического пожирания – известно, что тела были закопаны в глубокой яме и покрыты мгновенно разъедающей известью. Увы, вместо реализации фантазмов эдипового уровня произошло регрессивное отреагирование грубых каннибалистических влечений. Такой характер избавления от «праотца» принципиально отличался от процесса над Людовиком XVI, казненным после суда на площади перед своим народом. Его последними словами были: *Si cela peut servir à mon peuple*¹.

Хронику, связанную с убийством царя, свидетельствует современница – русская балерина Нина Тихоновна, эмигрировавшая во Францию: «Здесь я узнала, что в доме Ипатьевых была уничтожена вся царская семья. Слухи быстро разнеслись по городу, и говорили, что тела убитых были покрыты живой известью и брошены в какую-то шахту в глубоком лесу где-то неподалеку от нашей дачи. Весь город затаил дыхание. Люди на улицах избегали смотреть друг другу в глаза» (Н. Тихонова, 1992, с. 372).

Ужас и вина, переполнявшие народ, очень быстро отщепились, вытеснились и заместились нарциссическим триумфом. Чувства всемогущества и грандиозности переполняли сынов, вырвавших наконец такую завидную и желанную власть у отца. Везде пели тогда: «Кто был ничем – тот станет всем». Грандиозные квазибредовые идеи и проекты захватывали все сферы социальной и культурной жизни России в течение 70 лет. Например, социалистическая экономика должна была опередить мировую, течение больших рек северной Сибири необходимо было изменить, новые искусство и литература «социалистического реализма» должны были украсить человеческую цивилизацию в целом и привести к достижению так называемого счастливого «нового человека» коммунизма.

Лев Троцкий (1879–1940), кровавый романтический революционер, воплощающий идеи скорее ницшеанские, нежели марксистские, декларировал: «Реализация улучшенной и обновленной версии человека – вот высшая задача коммунизма» (Л. Троцкий, Сочинения, т. XXI). Он поддерживал проект учреждения Московского Государственного Института Психоанализа и «Дома ребенка» при условии решения психоаналитиками «актуальных целей и задач» Коммунистической Партии, а именно – по созданию «нового человека». Директор одновременно Института и

¹ Пер.: «Если это может послужить моему народу».

«Дома ребенка», Иван Ермаков, должен был оставить свои ранние до-революционные интересы в области прикладного психоанализа, искусства и литературы в пользу педагогики. Сабина Шпильрайн, скованная коммунистическими узами, была вынуждена оставить свои клинические интересы в сфере женской сексуальности и метапсихологии, чтобы развивать «новую» педагогику, читая теоретические курсы по психоанализу ребенка.

Странное учреждение «Дом Ребенка», объединившее около 30 детей от года до 5 лет, большинство из которых были детьми коммунистических чиновников высшего ранга (в том числе сын Сталина), имело цель, помимо научного наблюдения за развитием ребенка, поиск путей для создания «нового человека». Идеализация нарциссизма и инфантильной прегенитальности этих детей одновременно с отрицанием естественного горя по разделению с родителями, в целом, воплощают симптомы этой первертной педагогики, выросшей из убийства сынами «без вины и изъяна» Отца «виновного».

Ермаков так сформулировал «психоаналитико-педагогические» принципы: «То, что негативно для взрослого, может быть таковым и для ребенка. Любое проявление ребенка ценно, потому что оно позволяет узнать глубже его внутриспсихический мир. Чтобы ребенок мог открыто представить себя миру, ему необходимо расти в атмосфере взаимного доверия и уважения к взрослым» (И. Ермаков, 1923, цит. по: А. Эткин, 1993). К чести Ермакова, надо добавить, что он также обращал внимание на необходимость личного анализа для всех, кто работал с этими детьми, чтобы избежать влияния собственных комплексов на работу. В идее этого детского дома было заложено создание двух идеальных образов – ребенка и родителя. Это поддерживало расщепление, оставляя место для переносов и всего «плохого» только в «Доме Ребенка», превращая родителей в совершенные идеальные объекты, конфликт с которыми невозможен.

Эти первые русские детские психоаналитики, подчиненные коммунистической идеологии, писали отчеты о своей работе коллегам в Вене и Берлине, в частности самому Фрейду, который в ответ предупредил об утопичности оной: «Вы знаете правду – наша наука не может быть на службе ни у какой партии, и она нуждается в свободе мышления» (M. Miller). Однако такая зависимость теоретической и практической работы института и детского дома от государственной службы, от партии, а также отсутствие профессионально подготовленных педагогов, специалистов, прошедших анализ и необходимое образование, неизбежно привела к институциональному конфликту. В 1924 году сотрудники написали письмо, адресованное в министерство образования, где они, подчеркивая необходимость психоаналитического подхода в педагогике, жаловались на сложную атмосферу их работы, в которой есть путанность из-за феномена переноса и сложности преодоления зависимости детей от педагогов, что, в свою очередь, очень тяжело вынести воспитателям, не имеющим личного анализа. Они просят разрешить личный анализ, по сути дела, у коммунистической партии или у министерства образования. Сабина Шпильрайн сетовала, что не может ни работать с детьми,

ни анализировать персонал, а работа ее приобрела исключительно теоретический характер. Коммунистическая партия дала типичный директивный ответ – коллективное письмо повлекло за собой несколько комиссий, которые с каждым разом все больше отклонялись от первоначальной сущности вопроса, поставленного персоналом. Внедрение людей далеких, более того, враждебных к психоанализу и, естественно, к вопросам психосексуального развития детей привело к скандалу. 14 августа 1925 года комиссар народного здравоохранения (Семашко) и комиссар образования (Луначарский), закрыли и Институт Психоанализа, и Дом Ребенка. Психоаналитическое общество еще кое-как жило до 1926 года. Последним его докладом стал доклад Вульфа: «Фантазии и реальность психики ребенка». В том же 1926-м Общество предложило и обсуждало уже новую науку, наиболее адаптированную к существующей системе, так называемую «педологию». Она все больше отдалялась от психоанализа, забывая об индивидуальности и неповторимости каждого ребенка, исключая его психосексуальное развитие, все больше подчиняясь и соответствуя догмам партии коммунизма и социальным приоритетам создания «нового человека» в рамках этой культурной коммунистической революции. Коммунистическая партия претендовала довести до конца то, что теоретизировал Мишель Фуко – «контроль над телом». Но для Партии «контроля» было недостаточно. Она рассчитывала даже на трансформацию самой человеческой природы, желая создать новых «роботов, полных радости жизни» (из фольклора того времени). Комиссар образования, Луначарский, декларировал: «Изучая то, что есть ребенок, и закон его развития, педология совершает свой путь, также экономический путь, выполняя высшую задачу, важнейшую задачу – процесс создания нового человека в параллели с продукцией новых машин и инструментов» (цит. по: А. Эткинд, 1993). Николай Бухарин продвинулся еще дальше в своих всемогущих фантазиях: «В ближайшем будущем мы создадим необходимое количество работников, живых квалифицированных машин, специально обученных, способных заработать в любой нужный момент» (цит. по: А. Эткинд, 1993). Эти специально обученные «машины» и были портретом «нового человека», идеального создания коммунизма.

Советская литература (в том числе и детская) изобилует примерами комиссаров, моделей для подражания, чуждых человеческим переживаниям, несомненно, чтобы усилить вытеснение чувства вины за убийство Отца и бойню Гражданской войны. Национальным героем считался Павлик Морозов, донесший, предавший и отказавшийся от своего отца. Процесс атаки на связь с отцом отражал сталинский слоган: «Сын за отца не отвечает».

Это разрыв связи отца и сына, связи и преемственности поколений. Последующее поколение сынов вынуждено было при обвинении их отцов «врагами народа» либо скрывать свое родство, либо публично отказываться от них. Многие даже сумели искренне ненавидеть родителей.

Вульф, впоследствии эмигрировавший, пытался протестовать: «В идеале педагогика должна быть свободна от любых целей и принципов, чуждых интересам ребенка». Даже антифрейдистский физиолог И. Павлов

говорил: «Вы <...> слишком упрощаете человека» (из письма И. Павлова Бухарину, 1931 год, цит. по: А. Эткинд, 1993). Но они оба не были услышаны.

Сабина Шпильрайн, покинув Москву в 1924 году, уехала в родной город Ростов-на-Дону, где работала педологом в одной из школ. Пыталась ли она таким образом спасти психоанализ? В 1942 году два русских психоаналитика, начинавших развивать психоаналитическое направление в России в надежде справиться с «трудностями цивилизации», удивительным образом закончили свою жизнь. Ермаков расстрелян в ГУЛАГе, а Сабина Шпильрайн уничтожена немецко-фашистской армией.

С такой «преисторией» психоанализа я, молодой психиатр, и другие коллеги, работающие в области «психического» уезжали учиться в другие страны с огромной надеждой понять и найти пути преодоления первичного нарциссического всемогущества советской эры, в поисках смысла, основанного на психоаналитическом дискурсе, пытаюсь опереться на язык Другого. Следуя парадигме Фрейда, стараясь понять историю свою и своей страны, в процессе работы психоаналитика вновь и вновь мы задаем вопрос о возвращении вытесненного: как, против чего могут конструироваться защиты в таком историческом и социальном контексте? Какие вытесненные репрезентации способны вернуться в сознательное и насколько возможно возвращение вытесненного, если объект уничтожен? И вообще, как можно представить уничтоженный объект, обращенный в Ничто? Какую психическую конфигурацию может иметь такая репрезентация?

На наш взгляд, основной путь защиты против травматического возбуждения, не имеющего репрезентации, в усилении репрессивного Сверх-Я и создании «ложного Я», воплощенного в ложной советской антигуманной идеологии и моральном кодексе Строителей Коммунизма. Репрессивное Сверх-Я не объясняет почему «это делать нельзя». Как это так естественно и просто описал в своих, ставшими крылатыми, строчках поэт Маяковский: «Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: – что такое хорошо и что такое плохо?» Отец малыша терпеливо и доступно отвечает сыну, открывая ему эдипальный вектор развития. Когда же невозможно объяснить и не к кому обратиться, Сверх-Я не может быть эдипальным, а лишь архаическим и запрещающим. Далее, единственным компромиссом становится сотворение ложного: ложной советской культуры и искусственного образования единой общности – советского народа, поклоняющегося бессмертному телу – тотему Ленина и его земной реинкарнации (генеральному секретарю партии), объединенных нарциссическим пактом и моральным кодексом строителей коммунизма. За этим феноменом стоят основные нарциссические символы: бессмертие, вечность, неизменность, отсутствие боли и горя, абсолютное счастье. Этот народ выбирает себе ложного отца – Сталина, «одного из наших», «одного из нас», образ которого, по своей сути, воплощает некое психическое приспособление к пережитому травматизму. Он и отец-бог, и воскресший сын, его земное воплощение. Он обладает совершенно божественной властью и одновременно наделен всемогуществом братьев-убийц, которые,

поскольку это часть их самих, наделяют его властью уничтожать себе подобных, проводить геноцид собственного народа, собственных братьев. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» (А. Солженицын, 2009). Солженицын описывает удивительную покорность и пассивность советских граждан перед арестом. Что это? Принятие неизбежности наказания, призванное облегчить вину за убийство царя-праотца? Однако поразительное повторение истории в современный период свидетельствует скорее об отказе (*deny*) осознать и проработать пережитое, о травматической фиксации как форклюзии травматического события, ставшего, в свою очередь, «искусственным водителем» ритма исторического развития по типу бесконечного повторения этого травматического паттерна, недоступного для репрезентации. Жаннин Шассге-Смиржель (*J. Chasseguet-Smirgel, 2005*) описывает культуру создателя ложного, который стремится избежать, отбросить самый тяжелый момент отношений со своим сожженным праотцом, а именно момент, связанный с интроекцией значимых отцовских атрибутов. Идеал Я такого субъекта больше не проецирует свои желания на отца и на его пенис, но на прегенитальность. Поскольку отец уничтожен, то нет необходимости ему завидовать. Таким образом развивается компульсия к идеализации, предназначенной для того, чтобы придать видимость своему прегенитальному (инфантильному) пенису иллюзию равенства и даже превосходства над отцовским. Таков смысл слогана из гимна коммунистической партии: «Кто был ничем – тот станет всем». Речь идет, согласно Шассге-Смиржель (*J. Chasseguet-Smirgel, 1988*) об эффекте имитации, подражания гениталиям, на самом деле связанном с анально-садистической фазой. Следуя статье Фрейда «О трансформации влечений в анальном эротизме» (1917), Шассге-Смиржель рассматривает анально-садистическую фазу, как определенный сорт прегенитальности или псевдогенитальности, где объекты и зоны удовольствия приспособлены к актуальным способностям и возможностям ребенка. Выгода очевидна: он создает иллюзию, что нет необходимости ждать, развиваться и работать, чтобы занять место отца, дорасти до него. Речь идет об отрицании принципа отсроченности удовольствия, который, в свою очередь, определяет принцип реальности. Остается поддерживать иллюзию, что нет ни боли, ни потери всемогущества, ни разделения, ни смерти, ни, конечно, наказания – кастрации за совершенное. Зато есть фекальный пенис, который в отличие от генитального, бесконечно возобновляем. Он позволяет отрицать реальность, замещая ее на ложную и идеализированную. В таком психическом приспособлении, происходящем в тоталитарную эпоху, время стирается, психическая динамика тоже. Все застывает в пользу грандиозного Я и репрессивного Сверх-Я, подталкивая, таким образом, Я в замкнутый круг идентификации с агрессором. Такую метапсихологию я бы предложила для **понятия** «внутренний тоталитарный объект», изначально введенного Михаилом Шебеком (*M. Sebek, 1996*).

Здесь превалирует первертный путь развития, где согласно Шассге-Смиржель происходит ложное замещение, подлог такого завидного фаллоса отца на фекальный материнский фаллос. Эта перверсия содержит, согласно Грину, первичную камуфлированную сексуальную перверсию,

создавая первичное материнское сумасшествие абсолютного триумфа монады над отцом. Возникает аналогия с советским плакатом военных лет, на котором изображена мать, приложившая палец к плотно сжатым губам, пенетрирующая своим взглядом, заставляющая хранить тайну уничтожения Отца любой ценой.

Какова же может быть личностная и социально-культуральная динамика такого наследия? В естественной логике психосексуального развития, организация частичных влечений под приматом аутоэротизма с последующим преодолением нарциссизма позволяет выход к целому объекту и затем ко вторичным объектам (к Другому). Нарциссизм же, как отмечает Андре Грин, бесконечно колеблется между Я-один, Другим и нулем. Если объект первичных идентификаций превращен в Ничто, уничтожена, аннигилирована первосцена – убит царь и царица, и все их дети – то есть естественное доказательство из плоти и крови существования этой первосцены, а затем все это закрепляется бесконечным ритуальным повторением в геноциде – тогда Один, рожденный из ничто, не может производить ничего иного, кроме бесконечного всемогущего Одного, равного нулю (замкнутому кругу). Когда уничтожается Другой, стирается и разница полов и поколений, происходит триумф вечного всемогущества архаического материнского имаго.

В таком случае речь идет не о замещении запрещенного и вытесненного удовольствия на неудовольствие, как обычно происходит в невротической динамике, а о «негативной галлюцинации» (A. Green, 1983), замещающей такое завидное и уничтоженное желание Другого, то есть здесь превалирует не желание субъекта, а зависть к желанию Другого, к желанию отца, к первосцене, которая где-то существует за закрытой дверью. Это желание убивается за счет превращения Другого в Ничто. Место репрезентации первосцены, разрушенной слепой завистью, занимает «негативная галлюцинация» этого Ничто, что и определяет современный клинический патормоз, выражающийся в динамике в сторону пограничных психических расстройств с обеднением процессов ментализации, способности к ярким психическим репрезентациям, к фантазмированию. В обществе сильнее проявляются тенденции к преобладанию так называемых нормопатов, согласно яркому определению аналитика Джойс МакДугалл (J. McDouglas, 1978), хорошо управляемых и подчиняемых, находящихся в вечном движении по замкнутому кругу, по этому нулю. Не это ли реализация мечты кремлевских фантазеров (вышеупомянутых Бухарина и Луначарского) о создании нового, идеального человека «светлого будущего»?

Российская аналитическая среда в поиске своих идентификаций неизбежно сталкивается с проблемой описанного исторического, культурального и личностного наследия, а также с трудностями принятия языка Другого. Появление дискурса, базирующегося на теории влечений, на внутриспсихическом конфликте, на психосексуальности и на аналитической метапсихологии, может восприниматься российским аналитическим сообществом как нечто беспокоящее, непонятное, но на самом деле запрещенное внутренним тоталитарным объектом и далее отвергаемое

как устаревшее и ненужное. И конечно, этот новый дискурс, с одной стороны, будоражит, вызывая желание развития, динамики, освоения новых знаний, с другой, упираясь в запрет внутреннего тоталитарного объекта, – провоцирует огромное сопротивление. Возможно ли преодолеть это сопротивление, строящееся в целом на травматической форкклюзии, на этом запрещающем регрессивном архаическом Сверх-Я и на Я, фиксированном на прегенитальности?

Не случайно именно в советской действительности возник феномен «лысенковщины» – своеобразный тоталитарный режим в руководстве наукой и подмене ее псевдонаучным эрзацем, угодным существовавшему режиму. Это явление уничтожило успехи в области генетики и кибернетики, заставило многих ученых предать свои научные идеи, учителей и коллег.

Неизбежен вопрос: какое влияние такая predisпозиция оказывает на аналитическую практику, предполагающую свободу слова, размышлений, доверие и разделение своего клинического опыта с коллегами? На какие идентификации мы можем опираться в своем аналитическом слушании? Способны ли мы свободно мыслить, занимая эго-дистонную позицию к своей истории и идентифицироваться в своем мышлении с Другим и далее с многообразием других, без страха быть «проглоченным» или контролируемым им(и)?

Возможно ли иное слушание, которое слышит не свое привычное и ожидаемое эхо, а язык Другого, не сразу понятный, беспокоящий, требующий времени и пространства для понимания. Как аналитик, работающий в российской действительности, чувствует и слушает своих пациентов? Насколько обучение, знания, приносимые Другим, способны интегрироваться и стать опорой, оставляя свободу для нового познания, для новых идей, для интеграции других теоретических и практических парадигм? Способны ли будущие аналитики принять и интегрировать разницу поколений, опыт и наследие первого поколения «отцов», быть благодарными, способными к творческому развитию без навязчивого повторения пережитого травматизма, превращающего в Ничто предшествующие достижения? Нет ли опасности восприятия знания как некой очередной сакральной догмы, а Другого – как аналога, проекции внутреннего тоталитарного объекта? «В стране невозможного Эроса» (А. Эткинд, 1993) возможно ли достижение Эдипальной конфигурации?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ». М.: изд. Алфа-Книга, СПб.: изд. Медуза, 1993, 463 с. Москва, 1992, 372 с.
2. Н. Тихонова. «Девушка в синем». М.: изд. Арт, 1992, 372 с.
3. Л. Троицкий. К 1 Всесоюзному съезду научных работников. Сочинения, т. XXI, с. 262А.
4. А. Эткинд. «Эрос невозможного». СПб.: Медуза, 1993.

5. *J. Chasseguet-Smirgel*. «Le pervers s'avance masqué» in *Pouvoirs du négatif dans la psychanalyse et la culture*, sous la direction de Murielle Gagnebin. Edition Champ Vallon, 1988, Seyssel, p. 21–26.
6. *J. Chasseguet-Smirgel*. «Les deux arbres du jardin. Essais psychanalytique sur le rôle du père et de la mère dans la psyché». Edition Des femmes-Antoinette Fouque, 2005, Paris
7. *A. Green*. «Narcissisme de vie et narcissisme de mort». Les éditions de minuit, Paris, 1983.
8. *J. McDougall*. *Plaidoyer pour une certaine anormalité*. Paris. Gallimard, 1978.
9. *M. Miller*. *Freudian Theory under bochevic Rule*. «Slavic review», 1985.
10. *Sebek M*. *The fate of the totalitarian object*. // *International Forum Psychoanalysis*, 1996, 5, p. 289–294.
11. *Eric Smadja*. *Freud et la culture*. PUF, 2013.

Between the narcissism of life and the narcissism of death. From a totalitarian object to an internal

V.A. Potapova

Potapova Victoria Anatolyevna – Ph.D., psychiatrist-psychoanalyst, Senior Scientific researcher of the department of psychoanalysis of Serbsky Institut of forensic and social psychiatry, Full member of the Paris Psychoanalytic Society, IPA member, Associate Professor, Department of Psychoanalysis and Business Consulting, HSE.

The author explores the socio-psychological phenomenas of modern Russian society basing on psychoanalytical paradigm, traces the impact of cultural and socio-economic explosions on the formation of traumatic fixations, manifested in the obsessive repetition of traumatic experience Reveals, giving original theoretical background, the concept of internal totalitarian object.

Keywords: traumatic fixation, trauma forclusion, primary narcissism, narcissistic omnipotence, internal totalitarian object.

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Символизация и психоз. Переход от матрицида в виде совершенного акта к фантазму о матрициде (Часть II)

Ален Жибо

(Перевод с фр.: О.В. Чекунова)

Ален Жибо – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), экс-президент Европейской федерации психоанализа, экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации, Почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов.

В предлагаемой статье автор под разными углами рассматривает концепцию символизации, которая является результатом процесса, предполагающего наличие способности создавать репрезентации отсутствующего объекта, когда субъект способен понять, что символ не является объектом, который он символизирует. У психотических пациентов наблюдается провал в символизации, поэтому при работе с ними необходимо материализовать измерение третичности для того, чтобы создать благоприятные условия для процесса интериоризации. Именно поэтому для психотических пациентов наиболее благоприятным кадром является кадр психоаналитической психодрамы.

Ключевые слова: символизация, психоз, интерпретация, интериоризация, психодрама, объектное инвестирование, отрицание, расщепление.

Психоз и индивидуальная психоаналитическая психодрама

Аналитическая работа с психотическими пациентами показывает, что они неспособны к языковым играм, играм с репрезентациями. Еще в 1915 году Фрейд (1915 [1917d]) замечает, что сновидение включает в себя *топическую регрессию*, суть которой – реинвестирование системы перцепция-сознание, к чему психотические пациенты неспособны ввиду того, что у них нарушена циркуляция между бессознательным и предсознательным по причине деформации психической топики. Подобная неспособность к топической регрессии также является синонимом неспособности к *формальной регрессии*, которая представляет собой превращение бессознательных мыслей в образы. Поскольку только непрерывная последовательная интеграция топической и формальной регрессии, конфликтов и найденных способов их решения для того, чтобы справиться с порожденной ими тревогой, делает возможным появление *временной регрессии*, которая согласно Фрейду (1916–1917) проявляется в трех формах: *объектной* – возвращение к объектам из прошлого, *либидинальной* – реинвестирование эрогенных зон, соотносящихся с первичными либидинальными организациями, и *нарциссической* – возвращение в состояние слияния с матерью, в котором отсутствует дифференциация между Я и объектом, ностальгия по состоянию полного удовлетворения (с. 431–453), аналитическая работа с психотическими пациентами показывает, что сначала необходимо позволить им приобрести способность к топической и формальной регрессии для того, чтобы временная регрессия стала возможной.

Размышления о «различных регрессиях в терапии» включают в себя вопрос о том, что аналитический процесс и условия, необходимые для его установления, представляют собой единое целое. В данном случае целью является выделение идеи об особенностях аналитического процесса или аналитической ситуации в крайне отличающихся друг от друга аналитических условиях, а не стирание различий между различными формами аналитической работы. Под этим углом зрения Андре Грин (2002) предлагает описывать аналитический процесс не через триаду Фрейда «психоневроз перенос / невроз переноса / инфантильный невроз», а используя в качестве отправной точки триаду «кадр / сновидение / интерпретабельность» (с. 62). Это другой способ представления об аналитическом сеансе, основанный на модели онирической регрессии и описанных выше трех формах регрессии, который позволяет учитывать различия между классической моделью анализа и вариациями классической модели.

Основной конечной целью технического подхода при работе с психотическими пациентами является создание благоприятных условий для свободной игры в регрессии в аналитическом смысле этого термина, при этом важно, чтобы предлагаемые условия терапии не привели к психической дезорганизации. Таким образом, в своей работе аналитик достигает целей в равной степени через использование *предлагаемого кадра* и *интерпретативных техник*, создавая *пространство для игры*, которое

позволит пациенту проявить интерес к своей психической продукции вместо того, чтобы иметь дело с ощущениями без репрезентаций или быть захваченным репрезентациями, исходящими из преследующего внешнего мира. Речь идет о том, что аналитик предлагает пациенту мысли и гипотезы о психической работе, которые пациент может понять и использовать по-своему.

Индивидуальная психоаналитическая психодрама представляет собой одну из форм психотерапии, вариацию кадра и техники, которая позволяет психотическим пациентам обрести способность играть с репрезентациями и языком. Действительно, парадокс аналитической психодрамы состоит в том, что пациенту рекомендуется систематически воспроизводить в виде игры то, что в других обстоятельствах рассматривалось бы как препятствие для развития аналитического процесса, особенно это касается развития латерального переноса и двигательного или вербального отреагирования. В самом деле возвращение к игровой форме позволяет избежать развития сопротивления, присущего тем защитам, которые относятся к разряду отреагирования, кроме того, это наиболее подходящий способ работы для тех пациентов, которые неспособны переносить отношения переноса, организованные вокруг одного аналитика. Если мы считаем перенос двигательной силой и конечной целью классического анализа, отличия психодрамы от классической техники являются важной составляющей кадра.

Аналитическая психодрама в том виде, в котором она была теоретически разработана в 50-х годах такими психоаналитиками, как Серж Лебовиси, Рене Дяткин, Эвелин и Жан Кестемберг (*Lebovici, Diatkine & Kestemberg, 1969–70; Kestemberg & Jeammet, 1987*) и в последующие годы Жаном Жиллибером (1985) и Филиппом Жамме (1981) действительно выполняет экономические и топические условия, благодаря которым интерпретация может быть услышана, не восприниматься внедряющейся и поэтому она может быть интроецирована. Речь идет о психодраме, где фокус внимания группы терапевтов, включая ведущего, направлен на единственного пациента, ведущий интерпретирует игру, а ко-терапевты, которых должно быть минимум четверо, половина женщин и половина мужчин, являются потенциальными участниками игры. Сеанс психодрамы происходит раз в неделю и длится полчаса.

Кадр индивидуальной аналитической психодрамы показан таким пациентам, взрослым или детям, для которых характерны чрезмерное возбуждение или подавление, зачастую их можно отнести к психотическому уровню функционирования или они проходят через важную фазу реорганизации – препубертатный или пубертатный период. Различие между ведущим игры и другими членами группы позволяет разделить на части массивное инвестирование переноса и тем самым облегчить экономический вес этого возбуждения: чередование интерпретаций в игре и вне игры в самом лучшем случае приведет к концентрации переноса, амбивалентного и смещенного, на фигуре ведущего игры, в этом случае создаются благоприятные условия, подобные аналитической работе с единственным аналитиком.

После каждой сцены ведущий игры предлагает пациенту сказать, что он думает по поводу того, что было только что сыграно, опираясь таким образом на механизм *отрицания*, описанный Фрейдом в 1925 году, который создает благоприятные условия для развития процесса мышления. Отрицание, которое по определению Фрейда представляет собой защитный механизм, позволяющий вытесненному частично подниматься, становится в данном случае для пациента средством для идентификации с интерпретирующей функцией аналитика и обеспечивает для интерпретации такие условия, в которых не совпадают и не смешиваются интерпретативный акт и содержание интерпретации (J.L. Donnet, 1983). Различные гипотезы, которые предлагаются, а не навязываются пациенту, обладают следующей функцией: придать психической реальности присущий ей амбивалентный характер, неопределенность, сомнения, в отличие от психотических защит, стремящихся к отрицанию конфликта амбивалентности и созданию для субъекта абсолютно предсказуемого и определенного мира.

Таким образом, психодрама является *символизирующим* кадром, поскольку опирается на *материализованного* третьего, который определяет различные зоны: ведущего игры и психодраматистов, пациент при этом включается то в одну, то в другую зону, когда он разговаривает с ведущим или играет сцену с участием одного или нескольких психодраматистов. Отличительные черты психоаналитической индивидуальной психодрамы отсылают нас к концепции *третьичного персонажа*, представленной в работах Эвелин Кестемберг. Психоаналитическую психодраму можно также рассматривать как терапевтическую форму *третьичности*, которую Андре Грин (2002) определяет как «общую теорию триангуляции через заменяемого третьего» (с. 267). Подобная материализация третьего создает условия для интериоризации третьего в психическое функционирование, особенно для тех пациентов, которым сложно опираться на дифференцированную психическую топикку.

Данная концепция материализованного третьего, которая в определенной степени стала причиной для создания в 1974 году Центра Психоанализа и Психотерапии Э. и Ж. Кестемберг, ввела новые отношения между психиатрией и психоанализом и дала возможность разрабатывать и развивать новый опыт в психоаналитическом подходе к лечению пациентов с психотическим уровнем функционирования. Психопатология пациентов в значительной степени определила правила и условия работы Центра. Стоял выбор между двумя возможными вариантами: либо включить психотерапевтов в команду психиатров, либо создать Центр Психоанализа и Психотерапии как отдельное место, которое даст пациентам возможность отличать психиатрическую функцию от психоаналитической, а также защищать их от угрозы распада, поглощения, идущей со стороны одного объекта. Выбор пал на второй вариант.

Первичное интервью: встреча

История Жана, пациента с шизофренией, совершившего убийство, позволит мне проиллюстрировать условия, при которых, благодаря

психическим изменениям и появлению процесса символизации, стал возможным переход от перцепции к репрезентации, от матрицида в виде *акта* к формированию *фантазма* о матрициде. Психоаналитическая индивидуальная психодрама, которая была показана пациенту, позволила ему найти новые психические решения, отличные от ярости, отреагированной в поведении, в акте насилия, убийстве и/или бредовой проекции.

Жан был направлен ко мне для прохождения первичного интервью моим коллегой, доктором Капсамбелисом, который встречался с пациентом раз в неделю. В то время Жан полтора года находился в психиатрической больнице. В процессе психиатрического лечения речь пациента была крайне монотонной, однообразной, поэтому коллега подумал о том, что аналитическая работа сможет создать благоприятные условия для психических изменений.

История двадцатидевятилетнего Жана была трагической. Все свое детство он прожил в маленькой деревне с отцом-алкоголиком и матерью, которая позволяла мужу жестоко с собой обращаться. Первая психотическая декомпенсация случилась с ним в возрасте восемнадцати лет, после которой его в первый раз госпитализировали и прописали лечение нейролептиками. После улучшения своего состояния он решил переехать в Париж, чтобы пройти курс профессионального обучения ресторанному делу. Жан перестал регулярно принимать нейролептики, и у него случился рецидив с бредовым эпизодом, после чего он был помещен в больницу Суази-сюр-Сен, которая входит в состав Ассоциации Психического Здоровья 13 округа Парижа. Из-за нарушений мышления он отказался проходить психиатрическое лечение, предложенное ему доктором Капсамбелисом во время первой встречи. Жан сказал психиатру загадочную фразу: «Я узнал, как Вас найти, я узнаю, как найти Вас снова».

В то время он регулярно навещал Арлетт, немолодую женщину, подругу и ровесницу его бабушки, которая кормила его и давала немного денег, чтобы купить сигареты. Семья Арлетт выражала беспокойство, и однажды ее зять сказал Жану, что они не хотят, чтобы он приходил. В этих обстоятельствах, боясь потерять Арлетт, Жан убивает ее ножом. После этого Жана помещают на год в отделение для тяжелых больных, после чего переводят его в больницу Суази-сюр-Сен, где он «вновь находит» доктора Капсамбелиса.

Во время первичного интервью со мной Жан без затруднений говорил о своем одиночестве и тоске, причинах психической дезорганизации, которая выразилась в «трех годах, наполненных слезами» и бреде. Бред, в частности, проявлялся в том, что еще до переезда в Париж у него появилось чувство, что он перестал *узнавать* свою мать, это могло быть проявлением отрицания перцепции, а на более глубинном уровне – отрицанием родственной связи и своего происхождения. Позже в процессе интервью он подтвердит эту гипотезу, сказав, что он думал о том, что мать могла быть ее сестрой-близнецом, которой в реальности не было.

Через ассоциации он вспоминал о тоске, которую испытывал в момент убийства. Он легко говорил о том, что называл «драмой» или «убийством», выражая одновременно растерянность и желание понять, что же

с ним произошло, не показывая при этом чувства вины. Поскольку психиатр Жана выдвинул гипотезу, что он должен был убить Арлетт, чтобы не потерять ее, Жан объяснял: «Эта фраза очень понятна, когда ее произносишь, но в то же время внутри человека, который совершает убийство или который... Я только о себе говорю, что-то постепенно происходит, *что-то цепляется друг за друга*, как эффект снежного кома, в таком виде внезапно появилась проблема между мной, Арлетт и ее дочками, в этот момент я почувствовал, что я как будто совершенно один, я стоял, как столб, с одной стороны были дочери Арлетт с мужьями, с другой стороны – Арлетт, я подошел к Арлетт, чтобы быстро решить проблему, и убил ее. Это тяжело... это случилось под воздействием того, как все это внутри меня цеплялось одно за другое. Я не знаю, хорошо ли Вы меня понимаете?».

Примечательно, что единственное решение, которое он мог себе представить, чтобы справиться с потерей Арлетт, было ее убийство. Он мог «решить проблему» только устранив объект проблемы. Расщепление Я проявляется в описании движения влечений, в механизме «что-то цепляется одно за другое», который захватывает субъекта против его воли, не оставляя ему никакой возможности контроля.

Отдельно хотелось бы отметить, что пациент не способен установить связь между словом и аффектом, что проявляется в его воспоминании о том, как все «зацепилось одно за другое», и как будто без его участия было совершено действие, автором которого он был и одновременно не был. Таким образом, расщепление Я привело к тому, что с юридической точки зрения дело было закрыто ввиду отсутствия состава преступления. Если проанализировать то, что произошло с точки зрения психического функционирования, мы можем рассматривать это убийство как невозможность представить себе отсутствие объекта в тот момент, когда воспринимаемый объект внезапно ощущается отделенным от субъекта, когда появляется угроза больше никогда не увидеть Арлетт. Потеря Арлетт представляет собой для Жана непереносимую опасность, направленную на его нарциссическую целостность, поэтому он должен уничтожить Арлетт, чтобы устранить эту угрозу. Парадоксальным образом, Жан убивает объект с целью его сохранить (*Claude Balier 1988, 1996*).

Пытаясь найти объяснение причин, которые привели к убийству, Жан затем рассказал о череде смертей своих родственников в течение пяти лет: бабушка по отцовской линии, дядя, отец, дедушка и бабушка по материнской линии. Бабушка по материнской линии, к которой пациент был особенно привязан, поскольку она жила в той же деревне и знала его с раннего детства, умерла за три месяца до убийства Арлетт. Эффект снежного кома, о котором говорил пациент, сместился на череду непереносимых смертей.

На протяжении первичного интервью я увидел боль, которую он мог чувствовать, и показал пациенту, что его ежедневные слезы, когда он переехал в Париж, были способом оплакать потери. И тогда Жан ответил: «я плакал до того, как они умерли», поскольку чувствовал себя охваченным тем, что он называл «эффектом *déjà vu*», который ощущал и раньше.

Ощущение «*déjà vu*» было объяснено Фрейдом в 1914 году как воспоминание о фантазме или бессознательных мечтаниях, в случае же Жана речь шла об отрицании потери и смерти.

С одной стороны, психоз соотносится с процессом дезинвестирования объекта или дезобъектализацией, необходимыми для того, чтобы справиться с тревогой, связанной с отсутствием дифференциации между Я и объектом, и одновременно с этим представляет собой разрыв, описанный Фрейдом (1938 [1940e]) как «трещина в Я» (с. 222), выражение, которое используется, чтобы описать расщепления Я. Подобное дезинвестирование часто ощущается как *нечто белое*, и Жан, пытаясь в ходе первичного интервью объяснить мне то, что он пережил, так, чтобы мне было понятно, сказал: «В моей жизни были моменты, когда я был в белой пустоте, полностью потерянный. Я ничего не помню из того, что происходило в моей жизни между 21 и 22 годами, я вообще не помню, что я делал в это время, где я был, где я жил – еще с родителями, мамой и папой или уже в квартире, один или с кем-то, кого я больше не помню?». Как верно отмечает Ракамье (1992): «прилагательное белый через игру образов одновременно напоминает экономический перегрев и фантазматическую пустоту... *Явления такой природы и мощности приводят к состоянию подавленности и исступления* – речь идет о психотической катастрофе» (с. 171).

Когда я заметил, что белая пустота вызывает очень сильную тревогу, Жан ответил: «Да, это как ничто, небытие». Приглашая меня к исследованию средств, которые он использовал, чтобы справиться с пустотой, он объяснил, что у *déjà vu* была цель – «сделать так, чтобы не оказаться снова в белой пустоте». Конечно, речь в данном случае идет о галлюцинаторном опыте, который позволил вновь найти знакомый объект, в этом и состоит основная задача бредового решения, которое Фрейд называл попыткой выздоровления.

Поскольку я хотел оценить его способности видеть сны, Жан рассказал мне свой повторяющийся сон: «Я видел сны, когда был совсем маленьким, и есть сон, который я никогда в жизни не забуду. Я был в комнате родителей, там была кровать и все остальное, а еще светильники, бра, понимаете, о чем я говорю? Люстра на потолке и бра на стене. Я увидел, как кетчуп стекает, будто кровь, стекает по стенам, я видел этот сон совсем маленьким, совсем маленьким, должно быть, мне было пять лет, пять или шесть, и это то, что я никогда, никогда, никогда не забывал, сон, который я никогда не забывал». Каким был характер этого повторяющегося детского сна? Я почувствовал, что первосцена мгновенно смешивается со смертоносным насилием: родители мертвы, оставлены явные следы в виде крови, которая стекает по стенам. Они убили друг друга или скорее были убиты самим пациентом.

Затем он вспоминает кошмары последнего времени, которые он не помнит, и задает себе вопрос о том, не были ли они связаны, например, с нашей будущей встречей. Очевидно, что первичное интервью могло вызвать персекуторную тревогу, которую он тем не менее смог преодолеть, чтобы наш разговор о его психической жизни стал возможным.

Когда в конце первичного интервью я спросил о том, что он о нем думает, Жан дал мне вполне релевантный ответ: «Это только встреча, не знакомство, а встреча». И в самом деле то, что происходило между нами, можно было назвать встречей, для меня цель первичного интервью состояла в том, чтобы оценить, насколько он способен и хочет рассказать мне о трагедиях своей жизни и есть ли у него желание понять свою психическую реальность. Я подумал, что психоаналитическая работа может быть для него полезной и предложил психодраму как подходящий для него метод исследования внутреннего мира.

Символизация и психодрама¹

Первый сеанс психодрамы состоялся через шесть месяцев после первичного интервью. Во время ожидания Жан позвонил секретарю центра, беспокоясь о том, когда начнется психодрама, что свидетельствует о его желании начать лечение.

В начале первого сеанса Жан долгое время думал о том, какую сцену выбрать, затем он предложил сыграть воспоминание о дне, когда бабушка по материнской линии подарила пациенту и его брату чеки на десять тысяч франков после того, как продала часть своего имущества. В то время Жану был двадцать один год. Жан вошел в игру и в открытую показывал свое удовольствие при получении подарка, который, как он сказал, он положит в банк, чтобы использовать в будущем для своего развития.

Когда после сыгранной сцены Жан делился своими ассоциациями, он сказал, что чувствует тревогу, ему сложно отделить реальное воспоминание о «подарке в десять тысяч франков» от «редактирования текста», поскольку, по его словам, «тогда все происходило не так». Очевидно, Жан тревожился из-за того, что он не может опереться на свои «дежавю», ложные воспоминания, и столкнуться с измерением воображаемого. Воображение было для него потенциальным источником персекуторной тревоги, поскольку невозможно было одновременно контролировать реакцию другого и собственные влечения, которые могли запустить деструктивные аффекты. Тем не менее, когда я спросил его о том, что он чувствовал во время сеанса, удовольствие или страх, Жан ответил ассоциацией в виде вопроса: «Этого я не знаю, потому что не знаю, что именно является целью: помочь мне или что-то другое, чего я не знаю?». Когда я ответил Жану, что цель – помочь ему расширить угол зрения, уменьшить потенциальный страх преследования, он добавил: «Да, с целью подарить мне что-то, что превратится в другое». Ответ пациента показывает, насколько чувствительным он оказался по отношению к символизирующей

¹ В начале работы состав группы психодрамы был таким: ведущий – Ален Жибо; психодраматисты: Клеман Бонне, Анн Энгеран, Мюриэль Ганбен, Моник Израэль, Марина Лукомская, Пьер Маттар, Лоран Мюлдворф, Брижит Рид-Дюваль, Марта Вилларино. В течение следующих лет группа менялась: в октябре 2008 Анн Энгеран скоропостижно скончалась, в 2009 году Клеман Бонне и Пьер Маттар ушли на пенсию; в 2011 трое новых коллег присоединились к группе: Лаэрт Коараси, Карлос Пашеко и Кэтрин Дрифилд. И в 2018 Карлос Пашеко ушел из группы и его место занял Бенуа Майда.

функции психодраматического кадра. Однако это не помешало ему выражать тревогу по отношению к измерению воображаемого и неизвестного.

Здесь, как и в аналитической ситуации, Жан сталкивается с необходимостью принять разрыв между реальностью, которую он называет «конкретными вещами», и воображением, которое имеет отношение к «не конкретным вещам», речь идет о том, чтобы отделиться от контроля, базирующегося на перцепции. Поскольку Жан подчеркнул следующую мысль: «и все-таки мы начали со сцены, которую я хотел увидеть», можно сказать, что он во время первого сеанса понял, что в психодраме нет заготовленного текста, на который можно опираться, и что психодрама «требует импровизации... многого требует... я думаю, нужно играть». И в самом деле, нужно быть способным совладать со своими агрессивными и смертоносными влечениями, опираясь на достаточно хорошее самоуважение. И даже если Жан совершил преступление, находясь в тот момент во власти смертоносного безумия, он сможет здесь снова найти позитивный взгляд на себя и представить себе другое будущее, отличающееся от того, которое он описывал так: «слоняться без дела в психиатрической больнице».

Ярость и вина

Вернувшись в сентябре после каникул, которые наступили после полугода психодрамы, Жан впервые выразил чувство вины по отношению к «преступлению», это слово, наряду со словом «драма», он употреблял вместо слова «убийство». Он использовал образ: «Я несу это на спине» и сказал, что есть что-то «механическое», которое ускользает от него и захватывает против воли, особенно когда он находится в общественном транспорте. В этот момент он испытывает клаустрофобическую тревогу, напоминающую ему детский страх темноты, из-за которого в возрасте шести или семи лет он просил оставлять в его комнате включенный ночник.

Во время сеанса Жан делился со мной своими ассоциациями, и он вспомнил, что ему было страшно, когда он был свидетелем яростных ссор родителей, особенно, когда он видел, как мама садится глубокой ночью в машину и уезжает. Жан боялся, что она больше не вернется. Эти образы отпечатались в его памяти, как «рисунки, выбитые на камне». Потом он рассказал, что после предыдущего сеанса он ехал в метро и стал свидетелем «агрессии, что-то вроде драки между двумя людьми». Он вообще не понял, что произошло, и даже не хотел обернуться, чтобы посмотреть, что происходит. Я предложил ему сыграть эту сцену. Он выбрал двух коллег, мужчину и женщину, на роли пассажиров в метро. Сам он занял скорее позицию наблюдателя, к которому Мюриэль Ганбен повернулась с криком: «Вы так хорошо держитесь, а мне так страшно! Мне страшно, потому что я чувствую, что я способна КОГО-ТО УБИТЬ». Сначала такая реакция очень удивила Жана, а потом он ответил: «Я понимаю, что может появиться желание кого-то побить... но дойти до убийства...», затем он продолжил: «Не могу сказать, что я чувствую себя спокойным...

потому что то, что озвучила эта женщина, есть и у меня внутри». Жан выбирает единственный способ справиться с этой ситуацией, сценой насилия – отвести глаза и отступить, потому что, как он сказал, «я больше не хочу нести это на спине». Другими словами, подвергнуть себя опасности, как это было в детстве, когда он сталкивался с яростью других и своей собственной яростью, которая дополнительной тяжестью ложилась на его спину, усиливая чувство вины, которое он начинал ощущать. Сцена в метро, «драка двух людей», крики и вопли, которые он услышал, напомнила жестокою первосцену из его детства, когда Жан боялся, что родители убьют друг друга.

Таким образом, мы в последствии можем понять конфигурацию повторяющегося детского сна пациента: Жан в реальности был свидетелем травматических сцен насилия с участием родителей, этот опыт мог одновременно проявляться в его смертоносных желаниях и в невозможности фантазматически переработать потерю объекта. Из-за невозможности переработать первосцену, он использует визуальные способы совладания и контроля (ночник в детской замещается бра на стенах родительской спальни), а убийство родителей представлено в образе крови, стекающей по стенам.

В подростковом возрасте у пациента была шизофреническая декомпенсация, мы также можем думать о том, что этот сон, похожий на сцену из фильма ужасов, является пре-психотическим сном, приближенным к детским ночным страхам. Сон пациента, ссылаясь на Ракамье (1976), можно рассматривать как первый звонок, предупреждающий о риске психотического взрыва в будущем, который при этом защищает субъекта. Очень тяжелый, наполненный сгущенными образами, повторяющийся сон свидетельствует о том, что пациент пытался совладать со страхом распада, который мог бы полностью овладеть им. В связи с этим появляется гипотеза о том, что у Жана тем не менее была способность представлять себе, каким смыслом был наполнен этот страх, но у него была нарушена онирическая функция и другие аспекты, относящиеся к области сна.

Кроме того, поскольку в кетчупе выражаются оральные влечения, здесь нужно подчеркнуть важность визуальных ощущений, представленных в сновидении: *белый свет, красная кровь*. Ощущения свидетельствуют о том, что пациент обращается к сенсорному восприятию для того, чтобы справиться со страхом распада. Примечательно, что многие авторы, описывая опыт психического выживания, подчеркивают важность ощущений, которые обеспечивают сохранение жизни. В «Колымских рассказах» Варлам Шаламов (1980) выжил благодаря тому, что опирался на сенсорное восприятие в виде звука шагов, поскрипывания снега. После побега из нацистского концлагеря Аарон Аппельфельд, скрываясь в украинских лесах, выжил в том числе благодаря ощущениям, полученным от контакта с природой, из-за которых он чувствовал себя живым. В романе «История жизни» (1999) он пишет: «Война закончилась больше пятидесяти лет назад. Сердце забыло многое, особенно места, даты, имена людей, тем не менее я ощущаю те дни в своем теле. Каждый раз, когда идет дождь, когда холодно или дует сильный ветер, я вновь оказываюсь

в гетто, в концлагере или в лесу, где я прятался долгое время. Память пускает глубокие корни в теле. Иногда достаточно ощутить запах гнилой соломы или услышать крик птицы, чтобы перенестись далеко, оказаться во внутреннем мире» (с. 60).

Таким образом, сцена психодрамы позволила Жану изобразить с помощью игры свою ярость и вину для того, чтобы лучше, чем в прошлом, справляться со своими смертоносными влечениями и их контролировать. Когда пациент рассказал нам о тревоге, которую он почувствовал в метро, мы могли бы испугаться, что сеансы психодрамы могут быть для него опасными из-за риска совершить самоубийство под влиянием меланхолии. Но доверие к психодраматической группе и команде психиатров было достаточно сильным, чтобы мы справились со страхом, что пациент может совершить суицид.

Благодаря психодраме и команде психиатров, которые занимались пациентом, он больше не чувствовал себя в одиночестве в темноте. Жан начал понимать, что его прошлое частично могло стать причиной того, как он сейчас ощущает происходящее с ним. Было бы интересно отметить, что через несколько месяцев после начала психодрамы Жан перестал упоминать в разговорах с психиатром о своих «дежа вю», единственном психиатрическом симптоме, который у него оставался, поскольку под воздействием нейрорептиков бред и галлюцинации прекратились, и который был единственной преградой для его выписки в будущем из психиатрической больницы. И вместе с тем через год психодрамы Жан смог подумать о том, чтобы выписаться из психиатрической больницы, вновь заняться своей жизнью и принять предложение психиатрической команды переехать в терапевтическую квартиру в Париже. Жан с огромной тревогой принял эти изменения, поскольку ему предстояло вернуться в место страданий, тоски и убийства, и вместе с тем он мог прожить этот новый опыт как возможность установить отношения с людьми, которые больше не воспринимались бы как постоянная угроза для нарциссической дезинтеграции.

Риск меланхолии

Спустя три месяца Жан начал процесс поиска смысла и проработки потери матери в начале подросткового возраста и убийства Арлетт, предложив сцену, в которой он сыграет роль Арлетт, а Лоран Мюлдорф – его самого. На этот раз он пришел с записями, сделанными в промежутке между двумя сеансами, это свидетельствует о том, что он приложил усилия для того, чтобы между нами появился элемент осязаемой реальности, поскольку из-за инвестирования переноса он мог испугаться угрозы, исходящей от поглощающего и внедряющегося объекта. Франсис Паш (1975) обращал внимание на подобный процесс инвестирования материального предмета у ребенка, который с помощью вещи защищается от психической реальности матери. В начале сеанса Жан вспомнил об одиночестве, которое он чувствовал в подростковом возрасте: «Я помню, что до 14–15 лет и после был период, когда... я потерял маму. Я больше не жил

с настоящей мамой, в общем, это очень рано началось». Затем он попытался сделать так, чтобы я лучше понял то, о чем он уже упоминал во время первичного интервью, добавив: «У меня было ощущение, что я больше никогда не увижу снова мою маму. Как будто я ее потерял очень рано. Ощущение, будто моя мама больше не была прежней. Она изменилась. Она больше не была шатенкой, она стала блондинкой, она не носила больше квадратные очки, а носила круглые, она одевалась по-другому и ее поведение не было таким, как раньше». Таким способом Жан пытался объяснить мне свой страх распада, вызванный отрицанием родственной связи со своей матерью, которое было связано со смертоносными влечениями, направленными на нее.

Жан вспоминает о «двойнике», образе, в котором проявляется расщепление Я, и размышляет о «предчувствиях», как он их называет, которые у него появлялись в течение дня и которые отличались от ночных «вещей снов», таким образом он пытается описать галлюцинации, которые были предвестниками убийства: «Когда я потерял отца, я увидел, как мама выходит из гаража, возвращается в кухню и говорит мне: "Повсюду следы от ударов ножа". Что-то вроде того. Что произошло? Этот образ не удержался надолго, я его забыл... а через неделю случилось то, что случилось с Арлетт». Репрезентация убийства отрицалась и была стерта в пользу убийства в виде действия, подобное отрицание проявлялось в виде расщепления связи между потерей Арлетт и череды потерь в семье: бабушки, которая умерла за полтора месяца до убийства, отца, умершего два года назад, и матери в детстве, в период, когда пациенту начал сниться повторяющийся кошмар, о котором он рассказал на первичном интервью, и в подростковом возрасте.

Затем Жан предлагает сыграть сцену с участием его самого и Арлетт, которая поможет лучше понять связь между потерей Арлетт и его матери. С помощью этой сцены появилась возможность показать ему связь между желанием убить мать и риском появления меланхолии. На вопрос Лорана Мюлдворфа, который играл его роль: «Ты не против, если мы поговорим?» Жан ответил удивительным образом: «Да! И даже если, как бы это сказать, ты сегодня вернулся к нам, потому что я мертва, и ты сегодня тоже мертв, и мы можем встретиться, мы можем поговорить о том, что произошло во время войны, во время холодной войны, которая была между нами. Потому что я так и не смогла понять, никто никогда не мог мне объяснить». Сыгранная сцена напомнила об огромной тревоге, которую испытывал Жан при мысли о потере Арлетт, которая казалась ему катастрофой, «концом света». Психодраматист в роли Жана ответил: «Ты была единственным человеком, который у меня остался в этом мире, и я хотел, чтобы ты принадлежала только мне». Затем Жан спросил себя о том, существует ли связь между Арлетт и другими объектами, которых он не называл, но очевидно он думал о бабушке с материнской стороны и о матери: «Ты знал, что потеряешь меня. Ты знал, что что-то потеряешь. Но ты принял меня за кого-то другого, кого-то из другой семьи, кого-то, с кем у тебя были проблемы и всякие истории».

Таким образом у Жана начало подниматься на поверхность расщепление Я, он начал смутно ощущать связь между инцестуозностью и матрицидом, между Арлетт и своей матерью. После этой необыкновенно трогательной сцены я воспользовался случаем, чтобы сказать пациенту, что ему «не нужно умирать, чтобы вновь найти Арлетт» и что он может найти воспоминания о ней, не думая о том, что она мертва и он тоже мертв. Это был другой способ проработать бессознательную вину, связанную с убийством, который не повлечет за собой меланхолию и самоубийство.

Сцена психодрамы и сцена из сна: два «плохих сна»

Символизирующая функция психодрамы позволила Жану превратить не репрезентируемую жестокость драмы, убийства Арлетт, в фантазматическую сцену, в которой через образы и слова связалось невыносимое возбуждение. До этого времени от возбуждения можно было избавиться только через отреагирование в виде убийства. Таким образом, *пространство игры* психодрамы становится подобным *пространству сновидения* и замещает его, благодаря чему через какое-то время Жан рассказывает нам во время сеанса сон, что свидетельствует о том, что у него появляется способность использовать топическую и формальную регрессию и он начинает присваивать себе, интегрировать травматический опыт из прошлого с помощью процессов, соответствующих временной регрессии.

Через полтора года после начала психодрамы наша коллега Анн Ангерран скоропостижно скончалась, находясь у себя дома, из-за сердечного приступа. Когда на следующем сеансе мы сообщили Жану о ее смерти, он вздрогнул, а потом отреагировал примерно так же, как после того, как ему объявляли о многочисленных смертях его близких и особенно отца. На следующем сеансе он сказал, что это событие очень взволновало его и во время выходных ему снились «плохие сны»: «Это были очень плохие сны, не я плохой, а сны, которые мне снились, это были только картинки, образы без голосов. Я увидел в окне отражение моего соседа, который живет в другой комнате». Затем Жан начал размышлять об образе из сновидения: «Может было еще что-то? Я подумал, что кто-то вошел в мою комнату и при этом мне не казалось, что кто-то вернулся в комнату. Вот такой был второй сон».

Я предложил Жану сыграть его сны, немного удивившись, он согласился. В первой сцене он сыграл роль соседа, который был моложе его на десять лет. Сосед недавно переехал в терапевтическую квартиру, и у Жана появилось желание захватить его и страх, что сосед его захватит. По словам Жана, сосед все время разговаривает, ведет себя, как «прилипала». В процессе нашего разговора после сцены Жан признал, что у соседа, который все время говорит «и я, и я, и я», есть его нарциссические стороны. Он также понял, что новость о смерти нашей коллеги оказала на него сильное воздействие в виде затапливающей тревоги, страха, что мы с группой психодраматистов можем овладеть им, поглотить его.

Манифестное содержание второго сна, в котором какой-то человек проникает в его комнату, подтверждает присутствие этой тревоги. Жан говорит, что во сне он мог видеть бармена из кафе, куда он заходил во время «драмы» с Арлетт. По сравнению с прошлым, когда Жану снились кошмары без образов, связанные со страхом быть поглощенным другим, как, например, перед нашим первичным интервью, теперь у Жана появилась способность создавать репрезентации этой психотической тревоги в «плохих снах», позволяющих ему продолжать спать.

В сцене с барменом присутствовал еще бессознательный намек на перенос, поскольку Жан уточнил, что ему было шестьдесят лет. Играя роль бармена, Жан смог вернуться в травматичное прошлое, когда было совершено убийство. В первый раз он вспомнил о своих галлюцинациях, в которых бармен приходил к нему в виде чудовища с лицом Йоды из «Звездных войн» или в виде инопланетянина в гигантских черных очках, напоминающего муху, и о бреде, как будто это бармен заставил его выпить и подтолкнул к убийству Арлетт. В игре он сказал, что во сне еще мог быть дедушка с материнской стороны, умерший за год до этого, от которого он мог ожидать защиты от этого вторгающегося монстра. В разговоре со мной он дал очень уместные комментарии по поводу только что сыгранной сцены, которые свидетельствуют о том, что у пациента есть желание различать фантазм, сон и галлюцинацию: «Я попытался немного переписать, не думаю, что я что-то забыл, кроме этой истории с чудовищем, которого, как я сказал, я увидел у себя дома. В тот день я был в ванной и увидел сзади ужасное существо, это длилось всего секунду, секунду воображения или секунду сна, или секунду, когда я поверил, что это правда». Я предложил ему идею о том, что чудовище могло быть также его частью, поскольку он так называл себя, когда думал об убийстве. Жан согласился с моими словами.

Воспоминания о «драме» с Арлетт привело его к тому, что он смог установить связь между похоронами своей бабушки по материнской линии, он вспомнил, что во время похорон чувствовал голод и у него было ощущение, что лица людей, присутствующих на церемонии, были стерты.

Такие защиты, как отстранение, уход, подобный аутистическому, отрицание и расщепление Я в дальнейшем заменились на отсутствие дифференциации между пациентом и Арлетт, а затем – на символическое инвестирование и слияние ее фигуры с фигурами матери и бабушки по материнской линии. В конце сеанса, на который он принес два своих сна, свидетельствующих об обогащении ассоциативного процесса и о появлении возможности восстановить временной континуум, связь между прошлым и настоящим, Жан смог более ясно выразить то, что он получил в процессе нашей психодраматической работы, пробудившей его способности к регрессии: «В течение долгих лет я был болен, а сейчас наступило время, когда все соединяется, или все немного разъединяется для того, чтобы отобрать действительно нужное».

«Хороший» сон

Через четыре года после начала психодрамы Жан принес нам другое сновидение, выполняющее функцию «хранителя сна», это свидетельство о том, что процесс изменений и развития продолжался. В этот период он уже переехал из общежития, куда его перевели после психиатрической больницы и где он находился под наблюдением специалистов после пройденного курса лечения, и осваивался в терапевтической квартире. В начале процесс адаптации к новым условиям вызвал достаточно много страхов и опасений, эта была привычная реакция Жана на важные изменения в его жизни. Однако в этот раз он сам отправил запрос с просьбой о переезде, что свидетельствует о появлении у него стремления к автономии, и в дальнейшем он достаточно хорошо адаптировался в своем новом мире, который он разделял с двумя другими пациентами.

Переезд на новое место также сопровождался предложением о стажировке, с помощью которой он мог снова вернуться в профессиональную жизнь, пациента особенно заинтересовала стажировка в сфере гостиничного дела. Жан принял предложение и стал проходить стажировку, и хотя этот процесс сопровождался тревогой, он тем не менее смог, опираясь на свои новые способности, преодолеть страх и «прыгнуть в неизвестное». Так психиатрическая и психоаналитическая работа дополняли друг друга, у пациента была возможность опереться на людей, выполняющих разные функции и, таким образом, играющих роль третьего по отношению к другим объектам.

Жан выражал сомнения, он опасался, что при переезде столкнется с теми же трудностями, которые сопровождали его первый переезд из родительского дома, когда он погрузился в одиночество и катастрофическую тревогу.

Поскольку на предыдущей неделе у нас не было сеанса, он рассказал нам о тревожных мыслях, которые появились у него за время нашего отсутствия и из-за которых он плохо спал ночью. Я спросил, что ему снилось, и Жан рассказал мне свой сон: «Я увидел во сне одного друга, которого я подозреваю в воровстве. В этот день он свалился на меня. Я увидел его сидящим на стуле, увидел его обувь, я запомнил только, что его туфли были черными с золотым. Я рассказываю вам этот сон и не знаю, насколько это интересно...». Я отметил, что это интересно, поскольку он увидел сон, а затем спросил, что это за друг. Жан ответил: «Мы с ним были друзьями очень долгое время. Его зовут Поль, в его жизни все очень-очень плохо, даже по сравнению со мной, с тем, кто сбился с пути. Он в самом деле стал... Нужно сказать, что для него тоже жизнь была непростой, его родители, смерть отца, все это стало причиной жестокого поведения, нарушения закона и все такое. Он часто проявлял ко мне неуважение. Когда он так поступал, мы потом не виделись несколько месяцев, а потом снова встречались. Как бы его получше описать? Я его считаю очень нарциссичным, немного. На руке у него вытатуирован цветок. Это слишком... Тома, мой лучший друг, говорил, что он циник. Или мрачный тип. Циник. Это человек с темной стороной, склонный к насилию. Наркотики и тому подобное».

Таким образом, этот друг из подросткового периода был тем, с кем он хотел идентифицироваться, поскольку он олицетворял силу, которая во сне была символически представлена в виде ботинок с золотом, а также он был дьяволом, поскольку ботинки были еще и черными. В этот период Жан проходил новую стажировку, поскольку этот опыт сопровождался тревогой, во сне в образе друга проявляется его желание найти мужскую идентификацию через фантазм кастрации отцовского пениса (украсть ботинки Поля), за которым скрывается страх стать объектом кастрации. Однако сейчас пациент не выбирает прежний способ отреагирования в виде насильственного поведения, в его сне, отличающемся от кошмаров, которых он не помнил, или от плохих снов, которые его полностью захватывали, мы видим проявление скорее генитальной проблематики. Нужно отметить, что в это время его старший брат потерял работу, и Жан испытывал чувство вины при мысли о том, что он работает, а у его брата больше нет работы. Кроме того, во сне снова воспроизводятся те задачи первичной и вторичной идентификации, которые присутствовали в «плохом сне» с участием соседа, тем не менее, в этом случае наличие кастрационной тревоги указывает на возможность опереться на более стабильную первичную идентификацию, благодаря чему укрепляется вторичная идентификация, при этом идентификации относятся не к целостному объекту, а к его частичным аспектам.

Жан был удивлен, когда осознал, что сон приснился ему накануне интервью с новым работодателем, кроме того, в этот день, когда ему было пятнадцать лет, у него украли красный мопед. Эта кража переживалась в семье как страшная катастрофа, а для него лично она символизировала потерю идентичности и стала причиной психотической декомпенсации, именно тогда у Жана появилось ощущение, что он не узнает свою мать. В ассоциациях Жана по поводу сна мы видим его нарциссическую хрупкость и трудности в связывании возбуждения на уровне кастрационной тревоги, страх распада по-прежнему может захватить его. Есть риск, что психическая экономия сновидения может привести к стиранию слишком пугающих внедряющихся репрезентаций и снова погрузить его в белую пустоту: «Бывает, я вижу сны, а когда просыпаюсь, не могу ничего вспомнить. После пояснения, что сны – это увлекательно, я говорю себе, что для меня хорошо, когда я вижу конкретный сон, когда я о нем говорю, но когда я говорю о кошмаре или когда сон очень неприятный или что-то вроде этого, тогда я просыпаюсь и не помню, что мне снилось. Или наоборот, это для меня не проблема, а скорее вопрос, который я себе задаю: когда я вечером ложусь в кровать и закрываю глаза, внезапно ко мне приближается белый свет, я не знаю, что это за свет. Я открываю глаза, чтобы удостовериться, что я потушил свет, и я обнаруживаю себя в темноте со включенным ночником, часто этот белый свет находит меня, когда я закрываю глаза, он приходит ко мне откуда-то сверху, этот белый свет ослепляет меня, заставляет открыть глаза. Я редко о нем говорю, но это то, что меня удивляет».

На протяжении всего своего детства Жан боялся яростных ночных родительских ссор, очевидно, ему бы хотелось, чтобы рядом с его кроватью

был ночник, который бы помогал ему лучше справляться со страхом темноты, при этом деструктивные влечения, направленные на объект, привели к тому, что все репрезентации были стерты, и страх распада проявился через конфигурацию белой пустоты. Жан сталкивается с этим страхом в некоторые моменты, когда он засыпает и входит в характерное для сна состояние, подобное нарциссическому отстранению.

Жан предлагает сыграть свой сон в двух сценах, в которых он сначала возьмет роль Поля, а потом свою собственную роль. Эти сцены являются подтверждением того, что Жан находится в поиске отцовской идентификации, поскольку провал отцовской функции не позволил ему инвестировать достаточно надежную и позитивную отцовскую фигуру. Охваченные ненавистью, отец и сын оказались во власти насилия и неподдающейся контролю ярости, создать репрезентации которых было невозможно, им был доступен единственный путь – отреагирование: «Я по характеру не жестокий, но со временем ненависть овладела мной... Мама может вам об этом сказать. Когда моя девушка бросила меня ради другого, которого я знал, я понял, что для меня это конец. Я понял, я вообразил, что это для меня конец, а потом я подумал, что это не окончательное расставание, может, со временем все наладится. Конечно, есть люди, которые соглашаются расстаться, другие не соглашаются, это от возраста зависит, для кто-то расставание мучительно, а кто-то проще к этому относится, кто-то говорит: "такова жизнь", что все всегда налаживается и еще непонятно, кому больше повезет. Тогда я начал ощущать в себе волны ненависти, очень-очень сильной. Мама с папой удержали меня, когда я хотел взять палку и пойти туда, я не знал точно, куда я хотел пойти, я хотел избить Поля. В подростковом возрасте у меня уже были приступы гнева, но в тот раз... Тогда я много плакал, это точно, но слезы были вызваны яростью, ненавистью, приводили к саморазрушению, о котором я рассказывал, я полностью потерял того открытого и воспитанного мальчика, которым я был, мне казалось, что меня уничтожили, что мою жизнь замарали. Для меня любая вещь является настолько ценной, что, если что-то идет не так, я предпочитаю ее разбить, как это было с Арлетт, мне об этом часто говорили. Я хотел бы быть способным смотреть, как она уходит, как уходит та, кто в то время была единственным, что у меня осталось. Я точно не хотел ничего другого. Но у меня была своя история и вот... я поскользнулся и покатился в пропасть, в какой-то степени это было против моей воли, поскольку прошлое привело меня в те драматичные ситуации, в которых я оказался. Все это настолько драматично, что для описания невозможно найти определение».

Конфигурация расщепления Я и его проработка

Наша задача состоит не в том, чтобы описать весь процесс психодрамы, который разворачивался в течение десяти лет, важно показать, как постепенно у Жана вместо отреагирования в виде деструктивного поведения появились способности к символизации, благодаря чему он смог

создавать конфигурации и перерабатывать генитальную сексуальность, то, что было невозможно сделать в подростковом возрасте, когда из-за невозможности выдержать прорыв генитальной сексуальности в качестве защиты использовалось расщепление Я.

Жан начал сеанс с ошибочного действия, он думал, что меня не было в прошлый раз на сеансе. Но на предыдущем сеансе я был, меня не было на предпоследнем сеансе. Какое-то время Жан сомневался, так это или нет, потом он сказал, что не понимает, как это могло случиться, почему он заблуждался, что на прошлом сеансе я был.

Он вспомнил фильм «Маленькие штучки» с участием Марион Котийяр, в котором главные героини были двойняшками, непохожими друг на друга: одна была очень сексуальной, а вторая – скромницей. Я предложил ему сыграть эту сцену. Он выбрал Мюриэль Ганбэн, чтобы она сыграла роль Марион Котийяр, и Марту Вилларино на роль ее близнеца, Жан решил сыграть себя, но он захотел, чтобы у него тоже был близнец, которого сыграет Лаэрт Коараси. Он не назвал близнеца напрямую, сказал, что хочет, чтобы в сцене был его брат, Пьер. Но на самом деле речь шла о двойнике. Во время сеанса, когда он решил сыграть роль Арлетт, он говорил о том, что ему иногда сложно различить, где он, а где – она (сеанс 21 марта 2008 года).

Лаэрт в роли брата Жана начал сцену со словами: «Сейчас поцелую Марион Котийяр». Жан ответил: «Скорее нужно сказать "помешаю ей"». Здесь мы видим игру слов, которая показывает защиту против его желания по отношению к Марион Котийяр, которую играла Мюриэль Ганбэн, которая замещала меня на сеансе две недели назад. Следует подчеркнуть факт, что в этой сцене мы видим расщепление между невинным ангелоподобным Жаном и сексуальным дьявольским Жаном, что перекликается с фильмом с участием Марион Котийяр в роли сексуальной женщины и ее ангельского и менее опасного близнеца. Это была рефлексивная работа, направленная на исследование расщепления Я и внутреннего разделения, о котором мы уже говорили. Жана взволновала эта сцена, особенно аспекты опасной сексуальности.

Во второй сцене был он и его двойник Лаэрт Коараси. Каждый из них под своим углом зрения говорил о том, что нужно соединиться, преодолеть расщепление, больше не быть разделенными. Лаэрт был очень внимательным, деликатно обращался с нарциссизмом пациента, особенно уязвимым в момент, когда он говорил о сексуальном желании. Жан затронул тему «перехода к действию», мы можем предположить, что он хотел сказать, что начал больше действовать в жизни, поскольку термин «переход к действию» он мог услышать в речи специалистов касательно убийства и его отношений с соседкой Лорой в терапевтической квартире.

Я снова поднял этот вопрос, чтобы показать ему связь между тем, что он пережил в подростковом возрасте, когда, столкнувшись с затопляющей его сексуальностью, он был вынужден в этот момент сказать себе, что мама была не его мамой, а ее сестрой-близнецом. Сцена могла напомнить Жану травматические моменты его переходного возраста, когда инцестуозное желание по отношению к матери могло стать причиной

брета, отрицания родственной связи с матерью. Будучи не способным переработать слишком тесные отношения с матерью, ему было нужно вообразить себе другую мать, ее более чистого двойника. Подобные процессы мы видели и здесь, когда ему под воздействием отцовского переноса нужно было устранить меня и забыть о моем присутствии для того, чтобы остаться наедине с матерью, роль которой играла Мюриэль Ганбэн. Он заинтересовался этим вопросом.

Этот процесс сопровождался усилением его способности к автономии, которой у него не было в прошлом. Он нашел работу в мэрии Парижа и собирался снять свою собственную квартиру и переехать из терапевтической. На этот раз у него не было страха, что переезд возродит чувства из прошлого, одиночество и тоску, которые переполняли его, когда он оказался в Париже в 2000 году.

В первой сцене мы видим, как через образ двойника проявляется расщепление между невинностью и демонической сексуальностью в нем и женщине, во второй сцене с двойником он показал свое желание и возможность соединить две части в единое целое, двигаться в сторону создания психической целостности, поставленной под угрозу расщеплением Я. Функция двойника в данном случае представляет собой одну из технических особенностей работы психодрамы, суть которой – быть посредником между обращением к подобному, использованием двойника, относящимся к первичной идентификации, и принятием инаковости другого, что является целью вторичной идентификации.

В этой работе, которая способствует формированию психической топике у пациентов с недостаточно хорошо функционирующим предсознательным, мы часто опираемся на репрезентацию двойника. Эта репрезентация одновременно *представлена* в игре психодраматиста и *обозначена* через фигуру ведущего. Распределение функций в психодраме создает благоприятные условия для появления аффекта тревожащей странности и ощущения потери границ, которые зачастую находились в отрицании и вытеснении, а также помогает справиться с опытом, полученным в процессе игры: в случае, если психодраматисты и особенно тот, кто берет на себя роль двойника, могут вернуть пациента на уровень функционирования идентификации с перцепцией, ведущий вводит идентификацию с мышлением.

Кем является двойник в психодраме? В «работе сновидения», так же как и в сцене психодрамы, функция двойника состоит в том, чтобы обратиться к пациенту от первого лица, ввести голос, который выразит влечения, фантазмы и репрезентации, о которых пациент не может говорить от своего лица. Функция всех психодраматистов заключается в том, чтобы принять на себя различные аспекты жизни влечений и психических инстанций пациента, при этом речь от первого лица играет особую роль, поскольку дает пациенту возможность узнать себя и играет роль нарциссической опоры. «Закадровый перевод» или зеркальная игра создают благоприятные условия для появления опоры на время *иллюзий*, где нет дифференциации между субъектом и найденным / созданным объектом. Эта опора нужна для того, чтобы в дальнейшем стал

возможным переход на новое время – время *потери иллюзий*, где принимается инаковость другого.

Впрочем, всегда есть риск практически полного совпадения между тем, что чувствует пациент, и тем, что играет психодраматист в функции двойника, в этом случае ситуация может стать травматической. Фрейд (1919 [1919h]) подчеркивает следующую мысль: «достаточно часто и легко тревожащий эффект возникает в случае, когда граница между фантазией и фактической реальностью оказывается стертой, когда в реальном виде перед нами оказывается то, что до этого мы считали фантастическим, когда символ принимает на себя задачи и функции символизируемого» (с. 179). Ведущий выполняет функцию посредника между пациентом и этим «магическим» измерением психодрамы, поскольку через свою третичную функцию он может показать разницу между «это так» и «это не так», разницу между идентичным и похожим («быть, как»). Эдит Якобсон в 1957 году пишет о переходе от идентификации «быть кем-то» (*oneness*) к идентификации «быть похожим» (*sameness*), и, наконец, – к идентификации «быть, как» (*likeness*), когда благодаря наличию дистанции между субъектом и объектом появляется возможность получить опыт близких отношений с другим (*closeness*) без риска внедрения.

Проработка фантазма о матрициде и возвращение травматического сна из детства пациента

Жан совершил убийство, поскольку у него не было возможности создать фантазм о матрициде. Мари-Лиз Ру (2014) предлагает считать его одним из первофантазмов, отталкиваясь от гипотезы Фрейда о четвертом первофантазме возвращения в материнское тело (1905 [1905d], заметка от 1920), который он добавляет к трем описанным ранее первофантазмам (первосцена, соблазнение и кастрация). Действительно, поиск раннего опыта, когда дифференциация с матерью отсутствовала, может также повлечь за собой агрессию и ярость, сопровождающих движение в сторону отделения, которое может восприниматься как желание убить мать. Эта идея соответствует предположению Фрейда (1915) о том, что «внешнее, объект и ненавистное были сначала идентичными» (с. 34).

Во время недавнего сеанса Жан рассказал о болезни матери, он мог бояться, что она умрет. В процессе свободных ассоциаций он вспомнил маленького инопланетянина из фильма Спилберга, который он видел в детстве. Герой фильма должен был постоянно повторять слова «телефондом», чтобы найти своих. Пациент сказал, что он думает о том, что сейчас у него есть «секретное оружие», поэтому он больше не чувствует себя обязанным звонить матери каждый день и которое поможет ему в будущем пережить ее смерть, поскольку он не будет в ней виноват. Затем он вспомнил повторяющийся сон из своего детства и добавил новую подробность о том, что на стене в спальне родителей висела картина с изображением Святой Анны: «На картине была нарисована женщина, задрапированная в красную ткань, я говорил себе, что это стекающий кетчуп». Матрицид превратился в фантазм, представленный в виде красного цвета

крови и плаща Святой Анны. Жан мог думать о смерти своей матери и не быть при этом затопленным невыносимой виной и страхом распада, который невозможно выразить.

Вывод

При работе с психотическими пациентами стратегия терапии и тактика интерпретаций ставят целью создание благоприятных условий для появления функции символизации у пациентов, потерявших способности различать символ и символизированный объект, настоящее и прошлое, отцовское и материнское имаго. Психотическая тревога возвращает пациента в конфликт из прошлого, не имеющий в психике репрезентаций, когда он был одновременно пожирающим субъектом и пожираемым объектом, поэтому необходимо предложить пациенту внутренний и внешний кадр, который поможет создать благоприятные условия для интроекций и интерпретаций. В психодраме роль ведущего, представленная в виде третичной функции посредника, позволяет справиться с тревогой отсутствия дифференциации между Я и объектом и развить у пациента способность играть с репрезентациями, образами, словами, с тем, что согласно Винникотту, относится к основе процесса символизации.

Психоаналитическая психодрама материализует онирическое пространство и экран для снов, которые у психотических пациентов являются дефицитарными, благодаря чему сновидения превращаются в хранителей сна. Согласно гипотезе Ракамье (1976), психотические пациенты сами по себе являются снами: «Вместо того, чтобы видеть сны, психотики сами становятся снами: они являются воплощением снов их объектов и ведут такое же, как у снов, упорное и при этом ненадежное существование» (с. 192). Психоаналитическое приключение Жана показывает нам, что возможно открыть для себя пространство воображаемого и неизвестного, не испытывая при этом страха быть затопленным неистовой силой влечений. Действительно, психодрама дает возможность пациентам, похожим на Жана, который в прошлом был неспособен сказать себе «это всего лишь сон», сказать «это всего лишь игра» и таким образом справиться со страхом распада, которой раньше было невозможно выразить.

Что мы можем думать о процессе психоаналитического лечения психоза и задачах окончания терапии? Речь идет скорее не о том, чтобы ограничиться противопоставлением невроза и психоза, а о том, чтобы оценить изменения в психическом функционировании пациента. В начале терапии пациент, совершивший преступление, ощущал себя опасным для других и для себя самого. Благодаря работе, проделанной в течение долгих лет, он смог развить у себя способности к символизации, которые можно описать через несколько параметров: возможность в большей степени использовать вытеснение вместо таких психотических защитных механизмов, как расщепление Я и отрицание; появление новой способности к самонаблюдению и ассоциативных способностей, которые, согласно Фрейду (1937 [1937с]), представляют собой один из результатов

аналитической работы²; способность проживать конфликт амбивалентности по отношению к одному и тому же объекту, что проявляется в инвестировании Жаном отцовского имаго; способность видеть сны и создавать фантазмы, которые спустя долгие годы работы начали играть важную роль; способность развить перенос, в котором представлено два отдельных родительских имаго; способность инвестировать значение времени и присваивать свою историю в виде континуума; способность выйти за пределы первичных идентификаций (адгезивная и патологическая проективная идентификации) и получить доступ к формам вторичной идентификации.

Аналитическое приключение Жана является примером реорганизации родительских имаго и представлений о семье пациента, которая появилась в результате различных процессов внутри переноса. С этой точки зрения перенос представляет собой не только повторение прошлого, но и новый опыт, который позволяет воссоздать историю, опираясь на конструкции, переработанные пациентом в процессе лечения совместно с аналитиком. В настоящее время перед Жаном стоит задача создать пару и семью без риска вернуться в семейное прошлое, полное насилия, а также представить себе мысль о том, что однажды он отделится от нас, то есть от тех, кто позволил ему открыть или снова открыть для себя мир людей. Реабилитация родительских имаго также способствует выстраиванию новой идентичности. Однако существует опасность, с которой Жан может столкнуться, поскольку новая идентичность выстраивается через инвестирование аналитика. Может ли в будущем случиться так, что потеря нас не повлечет за собой потерю идентичности пациента, потерю Я? Будущее покажет, однако мы надеемся, что терапевтический процесс был процессом совместного творчества, который поддерживал нас в течение всего времени этого длительного путешествия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Balier C.* (1988). *Psychanalyse des comportements violents*. Paris: PUF. 279 p.
2. *Balier C.* (1996). *Psychanalyse des comportements sexuels violents*. Paris, PUF, 253 p.
3. *Bion W. R.* (1970). *L'attention et l'interprétation*. Paris: Payot, 1974.
4. *Diatkine R.* (1983). Introduction à une discussion sur l'interprétation // RFP, 47, 3, P.717-733.
5. *Diatkine R.* (1987). Transfert, «associations libres» et processus de changement // Les Textes du Centre Alfred Binet P. 10, 1–37.
6. *Donnet J.-L.* (1983). L'enjeu de l'interprétation // *Le divan bien tempéré*. Paris: PUF, 1995. P.175-188.
7. *Donnet J.L.* (2005). *La situation analysante*. Paris. PUF. 216 p.

² «Мы рассчитываем на то, что изменения, достигнутые за время личного анализа, не пропадут после его прекращения или завершения, поскольку процесс реорганизации Я будет спонтанно продолжаться у анализанта, который сможет использовать опыт анализа для придания смысла новому опыту» (с. 50–51).

8. *Duncan D.* (1989). "The flow of interpretation. The collateral interpretation, force and flow" //in Int. J. of Psychonal. №4. Vol. 70. P. 673-700 vol. 70, n°4, pp. 673–700.
9. *Freud S.* (1899 [1900 a]). L'interprétation du rêve in Œuvres complètes. Psychanalyse, IV, 1899–1900. Paris. PUF. 2003. 756 p.
10. *Freud S.* (1914). De la fausse reconnaissance («déjà raconté») pendant le travail psychanalytique // Œuvres complètes. Psychanalyse., XII, 1913–1914. Paris. PUF. 2005. P. 317–325.
11. *Freud S.* (1915 [1917 d]). Complément métapsychologique à la doctrine du rêve // Œuvres complètes. Psychanalyse, XIII, 1914–1915. Paris. PUF. 2005. P. 243–258.
12. *Freud S.* (1915–1917 [1916–17]). Leçons d'introduction à la psychanalyse. // Œuvres complètes. Psychanalyse, XIV, 1915–1916. Paris. PUF. 2000. 516 p.
13. *Freud S.* (1919 [1919 h]). L'inquiétant // Œuvres complètes. Psychanalyse, XV, 1916–1920. Paris. PUF. 1996. P. 147–188.
14. *Freud S.* (1923 [1924 b]). Névrose et psychose // Œuvres complètes. Psychanalyse, XVII, 1923–1925. Paris. PUF. 1992. P. 1–7.
15. *Freud S.* (1924 [1924e]). La perte de la réalité dans la névrose et la psychose // Œuvres complètes. Psychanalyse, XVII, 1923–1925. Paris. PUF. 1992. P. 35–41.
16. *Freud S.* (1925 [1925 h]). La négation // Œuvres complètes. Psychanalyse, XVII, 1923–1925. Paris. PUF. 1992. P. 165–171.
17. *Freud S.* (1937 [1937c]). L'analyse finie et l'analyse infinie // Œuvres complètes. Psychanalyse, XX, 1937–1939. P. 13–55.
18. *Freud S.* (1938 [1940a]). Abrégé de psychanalyse // Œuvres complètes, Psychanalyse, XX, 1937–1939. Paris. PUF. 2010. P. 225–305.
19. *Freud S.* (1938 [1940e]). Le clivage du moi dans le processus de défense. // Œuvres complètes. Psychanalyse, XX, 1937–1939. Paris. PUF. 2010. P. 219–224.
20. *Gibeault A.* (2010). Chemins de la symbolisation. Paris. PUF.
21. *Gillibert J.* (1985). Le Psychodrame de la psychanalyse. Paris. Champ Vallon.
22. *Green A.* (1980). Passions et destins des passions. Sur les rapports entre folie et psychose // La folie privée. Paris. Gallimard. 1990. P. 141–193.
23. *Green A.* (2002). Idées directrices pour une psychanalyse contemporaine: méconnaissance et reconnaissance de l'inconscient. Paris. PUF. 400 p.
24. *Jacobson E.* (1954). Contribution to the metapsychology of psychotic identifications // Journal of the American Psycho-Analytic Association. №2, Vol. VII.
25. *Jeammet P., & Kestemberg E.* (1981). Le Psychodrame psychanalytique. Technique, spécificité, indications // Psychothérapies, 2: 85–92.
26. *Kestemberg E.* (1957). Quelques considérations à propos de la fin du traitement des malades à structure psychotique // La psychose froide. Paris. Presses Universitaires de France. 2001. P. 15–54.
27. *Kestemberg E. & J. et Decobert S.* (1972). La faim et le corps. Paris. PUF.
28. *Kestemberg E.* (1975). La relation fétichique à l'objet // La psychose froide. Paris. PUF. 2001. P. 77–101.

29. *Kestemberg E. & Jeammet P.* (1987). *Le Psychodrame psychanalytique*. Paris. Presses Universitaires de France.
30. *Lebovici S., Diatkine R., & Kestemberg E.* (1969–70). Bilan de dix ans de pratique psychodramatique chez l'enfant et l'adolescent // *Bulletin de psychologie*. 285. XXIII, 13–16: 839–888.
31. *M'Uzan M.* (1994). *La bouche de l'inconscient*. Paris. Gallimard.
32. *M'Uzan M. de* (1998). Impasses de la théorie, théories indispensables // *Revue française de psychanalyse*. t.62, numéro spécial congrès, P. 1459–1463.
33. *Racamier P.C.* (1976). Rêve et psychose: rêve ou psychose // *Revue Française de Psychanalyse*, t. 40. №1. P. 173–193.
34. *Racamier P.C.* (1992). *Le génie des origines*. Psychanalyse et psychose. Paris. Payot. 420 p.
35. *Rosenberg B.* (1980). Quelques réflexions sur la notion de clivage du Moi dans l'œuvre de Freud // *Les Cahiers du Centre de Psychanalyse et de Psychothérapie* №1. P. 9–32.
36. *Rosenfeld H.* (1965). *Etats psychotiques*. Paris. PUF. 1976.
37. *Roux M.-L.* (2014). Culpabilité inconsciente et fantasme de matricide // J. Guillaumin (Ed.), *Fantasme de matricide et culpabilité inconsciente*. Paris. Dunod. P. 1–33.
38. *Winnicott D.W.* (1971). *Jeu et réalité. L'espace potentiel*. Paris: Gallimard. 1975.

Symbolization and psychosis. Transition from a matricide as an accomplished act to a matricide fantasy (Part II)

Alain Gibeault

(Translation by Olga Chekunkova)

Alain Gibeault – psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association, Titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, Paste President of the European Federation of Psychoanalysis, Paste Secretary-General of the International Psychoanalytic Association, Honorary Director of the E. and J. Kestembergs Center for Psychoanalysis and Psychotherapy in Paris.

In this article, the author examines the concept of symbolization from different angles, which is the result of a process that assumes the ability to create representations of an absent object, when the subject is able to understand that a symbol is not the object that it symbolizes. In the case of psychosis, there is a failure in the work of symbolization, therefore, when working with them, it is necessary to materialize the dimension of tertiality in order to create favorable conditions for the process of interiorization. That is why, for psychotic patients, the most favorable frame is a frame of psychoanalytic psychodrama.

Keywords: symbolization, psychosis, interpretation, interiorization, psychodrama, object investment, denial, splitting.

ПСИХОАНАЛИЗ ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА

Дистанционный психоанализ: скайп или телефон?

*Дельфин Миермон Шилтон,
Франсуа Ришар
(Перевод с фр.: О.В. Чекунова)*

Дельфин Миермон Шилтон – психоаналитик, член Парижского психоаналитического общества, автор многочисленных статей.

Франсуа Ришар – психоаналитик, профессор психопатологии Университета Париж VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества, автор многочисленных книг и статей.

В данной статье мы предлагаем вместе исследовать проблемы, с которыми в последнее время сталкиваемся в психоаналитической практике из-за последствий социально-санитарного кризиса. Поскольку из-за соблюдения всех необходимых мер безопасности в ситуации карантина невозможно придерживаться классического психоаналитического кадра, мы можем при этом сохранить связь с нашими пациентами. В начале статьи Дельфин Миермон Шилтон делится своими теоретическими и клиническими идеями, во второй части Франсуа Ришар продолжает исследовать тему, предлагая свои гипотезы.

Ключевые слова: карантин, психоаналитический кадр, психоаналитическая практика, социально-санитарный кризис.

1. Скайп – обычное дело? (Д. Миермон Шилтон)

В период карантина многие психоаналитики предлагают своим пациентам перевести сеансы в скайп или проводить их по телефону, даже если в целом они отрицательно относятся к этой форме работы.

Особые обстоятельства, в которых мы сейчас находимся, требуют, чтобы я поделилась с вами результатами моего относительно долгого опыта (больше десяти лет) и размышлениями, которые появились в результате.

Многие мои пациенты в процессе терапии переехали, другие пациенты жили за границей и бывали в Париже проездом, после первичных интервью они хотели продолжить работу со мной и т.д. Во всех этих случаях речь идет о пациентах, которым я изначально рекомендовала психотерапевтический кадр с одним, двумя или тремя сеансами в неделю. Согласно моему опыту, для пациентов, которые находятся в анализе, работа по телефону представляет собой иллюзорный эквивалент, включающий в себя желание оставаться как можно ближе к первоначальной ситуации, в работе по скайпу также можно увидеть присутствие подобных выгод. Один только голос пациента, который мы слышим, голос человека во плоти, никогда не может занять все пространство сеанса. Кроме того, работа по телефону приводит к тому, что аналитик начинает больше говорить для того, чтобы компенсировать потерю перцептивных и сенсорных аспектов своего присутствия, это может напрягать пациентов. Образ, который удерживает пациент и с которым разговаривает, может полностью не соответствовать образу аналитика, под этим углом зрения работа по телефону может быть больше похожей на работу в классическом кадре.

Я начну с нескольких общих замечаний, а затем попробую через описание того, что происходит в анализе, показать недостатки практики по скайпу и элементы нарушения, которые важно предотвратить, затем я остановлюсь на подводных камнях психотерапии по скайпу, и наконец, дам определение кадра подобного вида работы.

Приостановить сеансы или продолжать

В условиях мировой пандемии вопрос о том, продолжать работу или приостановить ее, стоит перед каждым из нас, ответ мы ищем, опираясь на свой профессиональный и социальный опыт и, конечно, на контрперенос. Не сомневаюсь, что некоторые задают себе вопрос: не проще ли пока приостановить сеансы, и в конце концов находят в своем контрпереносе желание продолжать работу. Решение приостановить сеансы несет такой скрытый смысл: не нужно ничего терять, не нужно менять изначально ситуацию. Также предполагается, что у аналитика есть возможность справиться с потерей дохода на протяжении многих недель...

Приверженцы чистоты анализа не найдут удовлетворения в том, что будет сопровождать изменения. Необходимость работать, чтобы жить, ставит нас в неравное положение по отношению к нашему подходу к практике.

Давайте все-таки вспомним элементы здравого смысла. Бывают случаи, когда мы приостанавливаем сеансы: мы рожаем, болеем и т.д. Речь идет о нашей личной жизни. И тогда мы имеем право поставить вопрос о том, можем ли мы все отнести пандемию к личным делам, а не только те коллеги, которые заболели. И тогда возникает еще один вопрос о заболевших аналитиках, которые не информируют пациентов о своей болезни, поскольку могут принимать их по скайпу. И наоборот, мы знаем случаи, когда коллеги, живущие в странах, где идет война, сохраняли свою аналитическую практику. Таким образом, суть вопроса ясна, речь идет

о желании сохранить асимметричные отношения, поскольку симметрия для многих аналитиков кажется непереносимой. В этом контексте я вспоминаю слова одного психоаналитика, который объяснял, что очень важно, чтобы кресла аналитика и пациента были разными – это необходимо для сохранения асимметрии...

Является ли наш выбор продолжать сеансы или нет личным делом?

И очевидно перед нами возникает следующий вопрос: предлагать пациенту сеансы по скайпу и/или по телефону? Можно ли говорить об отрицании того, что мы с пациентами находимся сейчас в одинаковых условиях, живем в одном и том же мире и сталкиваемся с теми же проблемами, если мы не будем искать возможности сохранить сеансы? И в первую очередь здесь идет речь о том, что аналитику нужно зарабатывать деньги, этот вопрос уже поднимался. Но, принимая новый формат, мы также теряем или думаем, что теряем, физическое присутствие пациента, его запах, движение воздуха в кабинете в его присутствии, взаимодействие всех органов чувств. Господин С. не заставит меня больше ощущать или выносить его сильный неприятный запах, первоначальное облегчение сменяется другой формой слушания. Господин М., который всегда задерживается у двери, вешает трубку, и я не вижу больше, как он надевает пальто и перчатки, пристально разглядывая обстановку моего кабинета.

Очевидно, что основные правила психоанализа сохраняются: свободные ассоциации, отсутствие пропусков, постоянное время сеансов и их продолжительность.

Важно, чтобы и аналитик, и пациент оставались живыми, их принадлежность к одному и тому же миру с присущими ему тревогами является предпосылкой для анализа, поскольку, как мы знаем, слишком явные культурные различия могут стать непреодолимым препятствием для создания аналитического пространства.

Подводные камни работы по скайпу

Прорабатывая ситуации, в которых я столкнулась с трудностями, я смогла осмыслить кадр работы по скайпу и достаточно четко его сформулировать для пациентов. Благодаря этому опыту я представила его как обычную форму работы и интегрировала в практику. Для иллюстрации теории я вскоре приведу небольшой фрагмент клинического случая.

Для начала я хотела бы привести клиническую виньетку из моей статьи, опубликованной во втором номере «Французского психоаналитического журнала» от 2019 года, посвященного вопросам идентичности. В клиническом случае, представленном в статье, соединены все аспекты, из-за которых протокол-кадр работы по скайпу подвергается критике. Речь идет о пациентке, находящейся в кадре психотерапии. Она наконец-то была назначена на очень важную должность в далекой азиатской стране, о которой она долго мечтала. После этого сеанса я стала размышлять, помимо непосредственно элементов переноса и контрпереноса, о других составляющих кадра.

«Назначение на новую должность в регионе произошло очень быстро и перед нами вновь встал вопрос кадра. Я предложила ей работать по скайпу, поскольку в ее городе не было того, к кому бы я могла ее направить. Превращусь ли я в этом случае в аналитика в ящике, как ее родители, которые работали на телевидении? Это был спорный выбор, поскольку он представлял собой отказ признавать кастрацию, но время показало, что этот опыт оказался для пациентки полезным и помог ей, пройдя через кризис, проявить центральный фантазм, организатор психической жизни. Переход в скайп я воспринимала как приспособление классического психотерапевтического кадра к новым обстоятельствам. Мы встречались в скайпе в постоянное время, я подключалась, и она звонила в мою дверь в скайпе так же, как в дверь моего кабинета, оплата осуществлялась в конце месяца. В начале сеанса в июле, который состоялся после двух пропущенных из-за летнего отпуска сеансов, я поняла, что задний фон не такой, как обычно. Диана была в Азии, где в это время было около полуночи, и сидела в баре. Сначала я удивилась и почувствовала раздражение. В рамках классического кадра этот сеанс был бы пропущен. «Когда мы в Азии, мы не во Франции», – отметила я. Она в свою очередь удивилась и, ссылаясь на здравый смысл, возразила мне: «Разве это не принцип работы по скайпу?» Когда мы работаем по скайпу, она находится в провинции, а не в Париже, именно поэтому было принято решение выбрать такой кадр для того, чтобы она могла быть со мной, когда она была не в Париже:

– Как с вашими родителями, которые были в ящике? Расстояние было стерто? Сепарация отсутствовала, вы могли по ним не скучать?

– Да, точно, – согласилась она.

Я распознала сексуальный эдипальный запрет, отказалась быть объектом вторичной гомосексуальности и составить ей компанию в баре, и поскольку находилась под прямым воздействием контрпереноса, который в данном случае проявился в виде мутативной интерпретации закона, я услышала, как говорю пациентке:

– Стирается расстояние, но не время. В полночь я не работаю!

– Но у вас сейчас 16 часов, – отметила она.

– И в то же время я оказалась рядом с вами посреди ночи.

Я почувствовала, что спорю с ней, при этом аналитическое поле с одной стороны теряется, а с другой – оно было в полной мере представлено. Из-за гибкого кадра, адаптированного к ее потребностям, она покинула поле символизации, фантазмов, ассоциаций и, вследствие этого, субъективации и перешла к отреагированию. Фактически Диана привела своего аналитика с собой в ночной бар. Интерпретативная ценность слов аналитика была аннулирована и свелась к запрету. В конце сеанса я сообщила, что мы приостанавливаем сеансы до сентября.

После этого события много мыслей пришло мне в голову. В первую очередь мои размышления касались тех изменений, которые привнес скайп в кадр психотерапии. И даже если скайп стирает расстояние, важно оставить пациенту возможность пропускать сеансы, иначе кадр превратится

в лаканианский в том смысле, что пациент не может ни пропустить свой сеанс, ни заставить себя ждать. Также здесь мы сталкиваемся с определением времени, его разделением на личное и коллективно-профессиональное. И хотя Диана работает не в моем городе, тем не менее мы должны иметь такие общие моменты, как социальное время. Как минимум, рабочее время должно совпадать. И если мало кто из аналитиков принимает пациентов по скайпу в три часа ночи, то и на пациентов эти правила также распространяются. Говоря о приостановлении сеансов, я постаралась показать Диане, что мы можем отделиться друг от друга, будучи двумя отдельными людьми. Начиная с момента, когда я показала ей, что кадр также является местом, где мы можем не встретиться, начали происходить явные изменения. Дифференциация, обозначенная таким образом, позволила запустить процесс сепарации и отделиться от «гомосексуального» объекта, которым я была для нее, представляя собой подобный ей объект.

Обозначение кадра

Когда я обозначаю моим пациентам кадр, я говорю им следующее: они звонят мне в скайп, как если бы они звонили в дверь моего кабинета, никогда аналитик не звонит пациентам. Сеансы, как с их стороны, так и с моей, всегда проходят в одном и том же месте, это должно быть нейтральное для пациентов место, они могут «размыть» фон сзади себя, я же сижу в кабинете в моем кресле, компьютер при этом стоит на столе передо мной или, приподнятый, на кресле пациента.

Если по каким бы то ни было причинам они не могут прийти в свое время в место, где проходит их сеанс, то сеанс отменяется. Само собой разумеется, эти же правила относятся и к аналитику.

Сеансы оплачиваются чеком, банковским переводом или через приложение, которое позволяет перевести деньги без участия банка в виде посредника. Далее все понятно.

Затем мы выполняем нашу работу. Приведу пример пациента с фобией, использовавшего крайне ригидные обсессивные защиты, который уже привык к скайпу и тем не менее позвонил мне на третий день карантина по телефону. Я проинтерпретировала это как его потребность дистанцироваться от меня, использовав телефон, поскольку его беспокоила социальная близость, особенно во время эпидемии. Общая для всех ситуация опасности контакта с человеком и меня превращала из аналитика в человека.

Если мы являемся аналитиком, находимся мы в скайпе или нет, наша способность интерпретировать элементы аналитической ситуации и соотносить их с переносом и контрпереносом остается при нас. Эти качества достаточно быстро восстанавливаются в новой ситуации после того, как пройдет первый момент оцепенения.

2. Власть голоса (Ф. Ришар)

В настоящее время большинство психоаналитиков и пациентов предпочитают приостановить обычные сеансы на столько времени, сколько

понадобится, и переходят в режим работы по скайпу и/или по телефону. Два главных действующих лица аналитической ситуации больше не встречаются. Близость между фрейдовским *Nebenmensch* (тот, кто ухаживает за младенцем) и ребенком исчезает, даже если остается *связь* (по скайпу или телефону). Речь идет не только о потере того или иного аспекта сенсорной перцепции (взгляд, запах и т.д.). Два субъекта больше не находятся внутри сообщества людей, где можно встретиться в одном и том же *месте*, ничто не может претендовать на то, чтобы полностью это заменить, поскольку сообщество, о котором идет речь, является антропологическим: совместное присутствие ребенка и его родителей, любовников, и, особенно, родителей в первосцене.

«Универсальный фантазм» пациентки, о которой рассказала Дельфин Миермон Шилтон представляет собой удивительный пример. Пациентка, которая в связи с профессиональными изменениями переехала в большой азиатский город и продолжила работу по скайпу, несмотря на разницу часов, вплоть до этой вызывающей беспокойство ситуации, когда аналитик на экране своего компьютера увидела, что пациентка разговаривает с ней, находясь в ночном баре. То, что в процессе обычной аналитической работы было бы представлено в виде внутриспсихического фантазма переноса и/или контрпереноса (невысказанного или выраженного), доступного для переработки, в данном случае проявилось в форме вторичного образа, который образовался вследствие изменения техники, в описанной ситуации не совсем в виде перцепции. Конечно, психоаналитик не оказалась в этом ночном баре. Раздраженная, она дала интерпретацию: «И вот мы с вами вдвоем оказались в ночном баре». Это скорее интерпретация желания пациентки, чем интерпретация поступка. Затем наша коллега спрашивает себя: «можно ли считать наше желание продолжать сессии или приостановить их личным делом?». Эта формулировка главным образом проясняет проблематику психоаналитической работы в контексте социально-санитарного кризиса, в котором мы оказались в результате пандемии коронавируса. Какое влияние травматический шок, который может вызвать потерю равновесия или желание жить и оставаться аналитиком, «прецессию контрпереноса», о которой говорил Мишель Нейро, может оказать на «нейтральность» аналитической функции?

Почему на самом деле мы принимаем новые формы работы (скайп, телефон) и по-настоящему не рассматриваем возможность приостановить сейчас процесс терапии, чтобы продолжить его потом в нормальных условиях? Почему мы не думаем о том, что есть риск ухудшения собственно аналитического качества лечения ввиду изменения кадра? Все это выходит за рамки необходимости зарабатывать себе на жизнь: самая неуловимая «экономическая» зависимость проявляется в отношении особого «объекта», все это относится и к аналитической практике, которую не нужно было бы терять, в отсутствие которой аналитик оказался бы в состоянии беспомощности и неопределенности (*Hilflösigkeit*). Можно ли сказать, что есть что-то обреченное на неудачу в попытке любой ценой сохранить анализ в настолько измененном кадре? Конечно, настолько особенные обстоятельства требуют особенных решений. Во время

оккупации или войны, или при тоталитарном режиме психическая близость между людьми и солидарность очень сильны. Сейчас во время карантина мы скорее находимся в состоянии десоциализации. Пандемия показала, насколько хрупкая граница отделяет человека от животного, кроме того, мы внезапно столкнулись с осознанием того, насколько ненадежен наш физический мир, мы почувствовали, что наша жизнь зависит от случая, и у нас нет никаких гарантий. Больше хаоса и отсутствия законов, чем во время войны. «Переплетение моей жизни с жизнями других, переплетение моего тела с другими видимыми вещами через совпадения моего перцептивного поля с полями других, смешение моего времени с временем других» (Морис Мерло-Понти, «Видимое и невидимое», издательство «Галлимар», 1964, с. 74) – эта фундаментальная антропологическая ситуация подверглась атаке, «тотальная ситуация» (*ibid.*) жить «в мире рядом с другими», где *осознание реальности* предшествует рефлексивному процессу, мышлению и появлению способности оценивать реальность, даже если одни воспоминания или фантазмы занимают место других и один аффект изгоняет другой, все что исчезает, остается реальным, даже если оно вытеснено. Эта *осязаемая реальность* становится иллюзорной, когда мы работаем по телефону и даже по скайпу, поскольку два участника процесса хорошо знают, что они лишены подлинного либидинального и интерсубъективного заряда, который возможен только в случае, когда два человека встречаются в одном и том же месте. Можно ли в достаточной степени измерить смесь последствий и рисков, а также взаимную гарантию быть здесь один для другого, союз, который создается в случае физического присутствия двух людей?

Многие коллеги говорят об усталости, которую они ощущают, когда слушают пациентов по телефону. Другой не присутствует «по-настоящему», нужно быть особенно внимательным, чтобы компенсировать этот дефицит присутствия, нужно сделать усилие для того, чтобы внимательно слушать, чтобы мысли не улетали слишком далеко от пациента, как если бы мы могли на самом деле отсутствовать в кабинете. В то время, как в течение обычного сеанса диссоциативные моменты всегда благоприятно влияют на ассоциативный процесс, как я уже говорил: «ощущение <...>, что наши ассоциации недостаточно творческие, может привести к убеждению, что мы "недослышали", приняли одно слово за другое, пропустили начало предложения. Например, мы не знаем, о ком сейчас говорит пациентка – об отце или о муже <...>. Потом мы осознаем, что все правильно услышали, что пациентка говорила про своего отца, хотя раньше не были в этом полностью уверены, или понимаем, что наши расплывающиеся мысли перекликаются с тем, что пациент скажет чуть позже. Таким образом, мы соглашаемся следовать за потоком речи другого, стараемся понять смысл наших синтаксических ошибок и неловких слов, когда появляется ощущение, что что-то не вписывается, выделяется в речи. Мышление психоаналитика <...> использует свои *ошибки*, недостатки, отсутствие, "кастрацию" для того, чтобы превратить их в пространство, в которое будут вписаны мнезические следы его собеседника.

Пластичность мышления аналитика во время сеанса охватывает центробежные силы, диссоциацию в ассоциативном процессе и микро-расщепления, которые могут появиться и у невротического пациента. Анализ контрпереноса усиливает эти способности соединять воедино разные тенденции и аспекты» (*Мышление. Психоаналитический подход*, под рук. М. Эмманюэлли и Ф. Нейру, PUF, 2015, с. 117).

В анализе по скайпу или по телефону есть *Собеседник* «во плоти», «Вы» или «Ты», к которому я обращаюсь и который становится неопределенным, несмотря на сенсорно-чувственное сближение через рот/ухо, слова/слушание. Причина, по которой мы должны заставить себя работать так же, как обычно, в особенности, хранить такое же, как обычно молчание, состоит в следующем: в молчании аналитика и пациента мы сейчас слышим больше ожиданий, чем обычно. Нужно работать, как раньше, и при этом все придумывать заново: неожиданные изменения перевернули правила кадра, но мы можем спасти аналитическую ситуацию, аналитическое *пространство* (Ж.-Л. Доннэ).

Один пациент описывает сад, в котором он находится, и понижает голос, чтобы жена, проходящая рядом, не услышала, о чем он говорит. Другая пациентка сидит на кухне или курит сигарету, хотя она бросила курить, ассоциации приводят ее к рассказу о тайных сексуальных играх в детстве. Еще одна пациентка чувствует себя более свободной из-за появления дистанции, чтобы рассказать об опасном опыте, в этом случае в потоке ее ассоциаций мы также находим следы детской памяти. Другой пациент словами в деталях описывает то, что он чувствует, когда он лежал на кушетке, он был не способен вербализовать свои ощущения. «Это цветное пятно на шторе, похожее на смеющегося медвежонка», – говорил он во время сеанса, на котором он, растроганный, рассказывал про свою покойную мать. Другой пациент, которого я обычно принимаю лицом к лицу, рассказывает мне, что, когда он отводит свой взгляд от моего, он постоянно направляет его на один декоративный элемент в моем кабинете. Со своей стороны я наблюдаю склонность к тому, чтобы предложить пациентам более широкий обзор, возможность рассмотреть панораму с «отцовского» утеса, что отличается от более материнского контейнирующего отношения, это делает возможной работу в скайпе, даже если изображение на экране соотносится с искажением реального, напоминает описанные Платоном *phantasma, eidolon* (М. Ван Лизбет-Леден, Мужские и женские позиции контрпереноса, *Бельгийский журнал психоанализа* n°34, 1999). *Симулякр* явно присутствует в практике, когда нам нужно включить камеру телефона только в начале и в конце сеанса, поскольку мы верим в то, что мы таким образом восстанавливаем классический протокол.

Что бы мы ни выбрали, скайп или телефон, самое важное – сделать так, чтобы изменения и появление феноменов, которые могут привести к нарушениям в связи с искажением кадра, стали доступными для анализа, поскольку в новых условиях проявляются те способы функционирования, которые обычно находятся в расщеплении. Пациентка у себя дома садится у камеры телефона так, что за ее спиной аналитик может увидеть

картину, формы и цвета которой позволяют мгновенно ухватить смысл, на поиск которого в классическом анализе ушло бы много времени. Пациент говорит, что разговаривает по телефону в спальне, лежа на кровати, на которой в другое время он занимается любовью. Аналитическая ситуация подвергается атаке и становится сверх-означающей.

Когда мы работаем по скайпу, контрперенос скорее материнский, по телефону – скорее отцовский, нам нужно выбирать один из вариантов, который лучше позволит оставаться аналитиком.

Мне больше подходит работа по телефону, даже с теми пациентами, которых я принимал лицом к лицу. Мне кажется, что технология, в которой используется изображение, образует нежелательное сочетание перцепции, фантазма и галлюцинации. Казалось бы, мы видим пациента, и пациент видит нас, но, я считаю, что в данном случае речь идет о трудно уловимой искаженной перцепции, где изображение двухмерное и плоское, возможно, это мое личное ощущение.

По телефону есть только речь пациента, которую мы слушаем, совокупность всех сенсорных составляющих сокращена в пользу голоса. Слуховое восприятие усиливается, мы слышим ритм, дыхание, сомнение и дрожь в голосе, оговорки, повторения слов. Наш собеседник *ищет себя* в этот момент или он ищет аналитика, который молчит, волнуется, представляет, что связь прервалась, мы можем сказать «мм... да, я вас слушаю», чтобы успокоить пациента, или пойти в более радикальную сторону и усилить молчание, возможно, в этом случае могут появиться необыкновенные ассоциации, в которых мы можем расставить акценты с помощью коротких интерпретаций, а к концу сеанса по телефону вместе выстроить конструкцию.

И по скайпу, и по телефону мы можем столкнуться с рисками. Когда мы работаем по скайпу, существует опасность, что каждый создаст из себя персонаж, как если бы другой смотрел фильм с его участием (форма соблазнения и защиты). По телефону голос слишком ласкает ухо (это другая форма соблазнения и защиты). Но в обоих случаях речь идет о том, чтобы найти хорошую дистанцию.

Мы возвращаемся к первой теории Фрейда в отношении посттравматических неврозов, «актуальных» неврозов и тревоги. В этих видах патологии доступ к вытеснению смешивается с расщеплением, появившимся в результате опыта дереализации, полученного в результате дистанционного анализа, кроме того, тревога в период карантина, вызванная эпидемиологической ситуацией, может возрастать, поскольку в подобном социально-историческом контексте субъекту сложно различать истинное от ложного (*fake news*, теории заговора), реальное от нереального (власть интернета и вымысла). С этим связано желание пациентов призывать нас в свидетели, кроме того, специфика нашей аналитической функции состоит в том, что нам, как минимум, нужно вместе размышлять над тем, что происходит в новом контексте. Дистанционный анализ травмирует, в первую очередь из-за недостатка сенсорных аспектов, а также из-за соблазнения, связанного с изменением обычных правил. Мы можем ожидать самых разных последствий и сможем оценить их только в последствии,

тем не менее, мы можем считать, что анализ все-таки возможен, асимметрия никуда не исчезла, нарушенная дистанция вызывает эффекты, которые можно использовать. Например, аналитик, который почувствовал *необходимость говорить из другой позиции, не из позиции объекта переноса, пугающий голос отца или соблазняющий голос матери*: когда мы говорим по скайпу или по телефону, необходимо *хорошо ставить свой голос*, владеть им, показать на своем примере пациенту, что аналитик «переводит» те слова, с которыми пациент к нему обращается. Вспомним, что Грин говорил о том, что внутренний кадр аналитика является необходимым условием для того, чтобы практические правила кадра были эффективными. И если у нас есть желание сохранить анализ с не до конца пока определенной этикой, мы можем создать аналитическую ситуацию несмотря на или благодаря тому, что мы будем опираться на свое внутреннее состояние.

Remote psychoanalysis: skype or phone?

*Delphine Miermont Schilton,
François Richard*

(Translation from French: O.V. Chekunkova)

Delphine Miermont Schilton – psychoanalyst, member of the Paris Psychoanalytical Society, author of numerous articles.

François Richard – psychoanalyst, professor of psychopathology at the University Paris VII Denis Diderot, titular member of the Paris Psychoanalytical Society, author of numerous books and articles.

We propose a reflection on the problems posed to psychoanalytic practice by the current socio-sanitary crisis. If, in the face of the Coronavirus, safety imperatives and cautionary urgencies prevail over clinical and psychoanalytic considerations, nevertheless we can keep alive our connection to our patients. Delphine Miermont-Schilton puts forward some theoretical-clinical propositions, which François Richard prolongs with some additional hypotheses.

Keywords: quarantine, psychoanalytic frame, psychoanalytic practice, socio-sanitary crisis.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Мазохизм и отказ от женского

Т.В. Айсина

Айсина Тамара Викторовна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог.

Данная статья посвящена психоаналитическому взгляду на мазохизм, в том числе на мазохизм женский, представляющий собой часть женской сексуальности, а также отказу от женского.

Для всестороннего освящения вопроса были исследованы психоаналитические теории и концепции, посвященные теме мазохизма и женскому психосексуальному развитию, изучены основные гипотезы отказа от женского, обозначены направления дальнейшей проработки психоаналитических теорий мазохизма и отказа от женского.

Данные тематики не только составляют важную часть всего психоаналитического взгляда на личность, но и имеют исключительную важность для психоаналитического понимания современного человека. Следовательно, исследования, посвященные этой проблематике, способны принести пользу как в контексте научной психологии, так и для непосредственной психоаналитической или психотерапевтической практики.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитический, мазохизм, женский, женская сексуальность, отказ от женского, психосексуальное развитие.

Развитие концепции мазохизма и женского в психоаналитической теории

Понятие мазохизма. История терминологии

Термин «мазохизм» впервые был введен психиатром и неврологом Рихардом фон Крафт-Эбингом в работе 1886 года «Половая психопатия» (Крафт-Эбинг, 2017). Термин был образован от имени австрийского писателя Леопольда Захер-Мазоха, романы которого изобилуют сценами мазохистического характера. В произведении Захер-Мазоха «Венера

в мехах» женщина занимает садистическую позицию, а мазохистом выступает мужчина (Захер-Мазох, 2011).

Рихард фон Крафт-Эбинг, напротив, не приписывал это чувство подчиненности исключительно женщинам, отмечая, что оно существует как у мужчин, так и у женщин, но у женщин гораздо сильнее выражено из-за их пассивной роли в деле продолжения рода, а также социальных условий. При этом автор допускал наличие такой подчиненности у мужчин с определенным психотипом, приближенным к женскому.

Мазохизм как извращение психической половой жизни психиатр определял как «направленность полового влечения на представления, имеющие своим содержанием подчинение лицу другого пола, и на то, чтобы испытать его насильственные действия по отношению к себе» (Крафт-Эбинг, 2017, с. 139). Степень, в которой мазохизм подчиняет себе жизнь личности, и желание человека, страдающего данным «извращением», реализовать свои фантазии, зависит от этических рамок, физической и психической организации больного, а также от степени развития инстинкта самосохранения.

Рихард фон Крафт-Эбинг выделял несколько видов мазохизма:

1) Символический мазохизм.

Подчинение имеет символическое значение и служит средством удовлетворения потребностей. Этот символизм отличает его от так называемого пассивного бичевания (флагелляции). Данным различием автор подчеркивает психическую составляющую мазохизма.

2) Мысленный мазохизм.

От символического мазохизма отличает то, что психическая девиация не выходит за пределы представлений и фантазий и не претворяется в жизнь в реальности.

Как мы можем видеть, Рихард фон Крафт-Эбинг и Захер-Мазох уже признавали роль конфликта и символизма в мазохизме, прекрасно подготовив почву для дальнейшего исследования этого явления в психоаналитической теории, в первую очередь З. Фрейдом.

Мазохизм в психоаналитической концепции Фрейда

В своих поздних работах Фрейд часто возвращался к исследованию проблемы мазохизма, которую называл «загадочной» или «непонятной». Можно проследить несколько этапов развития фрейдовской теории.

В работах «Три очерка по теории сексуальности» (1905) Фрейд говорил о садизме и мазохизме как о самых распространенных перверсиях и определял их как склонность причинять боль сексуальному объекту и быть мучимым (Фрейд, 2010). Он отмечал, что мазохизм часто представляет собой продолжение садизма, но направленного на самого себя. Собственная личность в данном случае замещает сексуальный объект. Фрейд отмечал, что мазохист всегда одновременно и садист. На данном этапе он исключал возможность первичного мазохизма. Фрейд подчеркивал родство пассивности и женского поведения с мазохистским поведением по отношению к сексуальному объекту. Говоря об этиологии перверсии, Фрейд

признавал наличие двух факторов: предрасполагающих (*dispositional*) и окончательных (*definitif*). В первом случае речь шла о влиянии конституции и случайных переживаниях детства, а во втором – предрасположении и травматическом переживании.

В 1919 г. в работе «Ребенка бьют» Фрейд опять провел параллель между садизмом и мазохизмом (Фрейд, 2018). Фактически эти фантазии воплощают вытесненное желание быть любимым, избранным отцом, но в результате регрессивного движения оно превратилось в желание быть им избитым. Если мальчик в воображении меняет пол избивающего родителя – его наказывает мать, то девочка меняет свой собственный пол – избивают маленького мальчика, а она наблюдает. За этим стремлением к наказанию стоит чувство вины за инцестуозные желания и возможность освобождения от него в какой-то степени. Следовательно, Фрейд здесь описывал мазохизм как форму проявления Эдипова комплекса.

В начале своей деятельности Фрейд строил теорию развития личности, указывая на первичность инстинктивных процессов. В его первой теории влечения рождаются на границе между соматическим и психическим. Влечение – это некий психический ответ на соматическое возбуждение. Именно это влечение человека становится материалом для дальнейшего развития психики, движущей силой.

Дети и соответственно инфантильные аспекты «Я» взрослых находятся в постоянном поиске инстинктивного удовлетворения. Чрезмерное удовлетворение либо чрезмерная фрустрация на какой-либо стадии психосексуального развития вызывают «фиксацию» на проблемах данной фазы.

В соответствии с теорией Фрейда (1923) течение всех психических процессов регулируется принципом удовольствия (*Lustprinzip*), возбуждаясь от напряжения, связанного с неудовольствием, и далее направляя свое действие на уменьшение этого напряжения, т.е. на устранение неудовольствия (*Unlust*) или получение удовольствия (*Lust*) (Фрейд, 2015). Психический аппарат управляется принципом удовольствия, поскольку последний постоянно стремится установить количество имеющегося возбуждения на минимально низком уровне, и все, что способствует увеличению уровня напряжения, нарушает нормальное функционирование организма и вызывает неудовольствие. Принципу удовольствия противостоят различные силы и условия, в том числе и стремление организма к самосохранению. В связи с этим принцип удовольствия сменяется принципом реальности, который все так же имеет своей целью достижение удовольствия, но откладывает или делает сложным путь к удовлетворению и получению удовольствия.

Но возбуждение у Фрейда исходит как из внешнего мира, так и изнутри субъекта – оно ощущается как неприятное напряжение, которое субъект еще должен научиться снимать.

Таким образом, есть огромное количество влечений Я, вытекающих изнутри, и объектных влечений, создающих некоторый хаос из часто не согласованных или противоречащих друг другу желаний. И Я приходится часть из них выбирать, вытесняя другие. Но вытесненные все равно возвращаются и стремятся быть выраженными. Влечения в результате все

равно удовлетворяются тем или иным способом. Так удовольствие становится конечной целью и окончанием всего, что живет в существе, заставляя каждое неудовлетворенное влечение удовлетворяться.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд говорил о том, что восприятие внешних раздражений, а также ощущение удовольствия и неудовольствия, исходящих из глубин психического аппарата, дает сознание, которое находится на стыке внешнего и внутреннего, получая раздражение как извне, так и изнутри, т.е. оно открыто к внешнему миру и «облекает другие психические системы» (Фрейд, 2015, с. 32). Кроме того, все процессы раздражения, в том числе и удовольствие, оставляют длительные следы как основу памяти – остатки воспоминаний, никак не связанные с сознанием. Задачей психического аппарата становится овладеть раздражениями, психически связать их, что требует большой зарядной энергии из запасов всей психической системы. Фрейд достаточно подробно описал детскую игру, в ходе которой ребенок повторяет и воспроизводит как приятные, так и неприятные переживания для активного овладения сильными впечатлениями. Повторное переживание само по себе доставляет наслаждение.

Согласно Фрейду, у любого живого существа есть тяга к восстановлению какого-то прежнего, исходного состояния, которое когда-то было покинуто, – периода чистого наслаждения. Чистое удовольствие от немедленного удовлетворения потребностей ребенка – богатый ресурс, который скапливается внутри Я.

Здесь же Фрейд ввел понятие «влечение к смерти». Если вспомнить, что все живое когда-нибудь умирает, то получается, что целью жизни является смерть. Фрейд задался вопросом: что в этом случае делать с сексуальными первичными позывами? Ведь сексуальные позывы призваны сохранять жизнь, удлинять ее. Таким образом, мы видим противостояние первичных сексуальных позывов, которые стремятся к жизни, и других первичных позывов «Я», стремящихся к смерти. Кроме того, Фрейд назвал «Я» резервуаром либидо, откуда он исходит на объект. Фрейд допустил, что либидинозные инстинкты «Я» соединены с другими еще не знакомыми инстинктами «Я».

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» из изложенной выше теории противоположности первичных позывов к жизни и первичных позывов к смерти Фрейд провел параллель с объектной любовью, которая также основывается на двух противоположных полярностях – любви (нежности) и ненависти (агрессии). Фрейд говорил о том, что он всегда признавал в сексуальном инстинкте компонент садизма: «Не следует ли предположить, что этот садизм, в сущности, является инстинктом смерти, который, будучи оттеснен от "Я" влиянием либидо нарциссического характера, может проявиться только на объекте? Он тогда переходит в сексуальную функцию» (Фрейд, 2015, с. 76) – от стремления к уничтожению объекта на оральной стадии до овладения сексуальным объектом. Именно здесь Фрейд нас подводит к мазохизму как к садизму, обращенному на собственное «Я». Но тогда получается, что мазохизм – это возврат к одной из ранних фаз, т.е. мазохизм мог быть первичным.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия», а позднее в «Я и Оно» (1923) за нововведенной инстанцией Сверх-Я Фрейд закрепил функцию интернализации агрессивности через идентификацию и дальнейшее обращения ее на Я.

И наконец, в «Экономической проблеме мазохизма» (1924) он пересмотрел свою концепцию мазохизма. Здесь Фрейд постулировал наличие трех принципов, которые заложены в основу психического функционирования: принцип нирваны, который направлен на сведение возбуждения к нулю; принцип удовольствия, связующий влечение к жизни и влечение к смерти; принцип реальности, формирующийся под влиянием внешнего мира и препятствующий немедленному получению удовольствия (Фрейд, 2018). Эти принципы иногда вступают в конфликт между собой, им приходится приспособляться друг к другу: принципу удовольствия приходится примириться с частичным слиянием влечения к жизни и влечения к смерти.

Далее Фрейд выделил три формы мазохизма: эрогенный, женский и моральный. Эрогенный – удовольствие от боли – лежит в основе двух других форм и обусловлен конституцией. Еще в «Трех очерках по теории сексуальности» он отмечал, что возбуждение возникает в нескольких внутренних процессах, и когда оно достигает какого-то определенного высокого порога, то вызывает боль и неудовольствие (Фрейд, 2010). Фрейд предположил тогда, что все важные процессы в организме происходят с возбуждением сексуального влечения. Приняв уже во внимание свою теорию влечения к жизни и смерти, Фрейд выдвинул предположение, что именно либидо обезвреживает присутствующее изначально в организме влечение к смерти, препятствует возвращению живого в неорганическое. Для того чтобы сделать акцент на этом процессе эротизации влечения к смерти и указать на его первичный характер, Фрейд назвал его эрогенным или первичным мазохизмом.

Интересными представляются способы, которыми либидо обезвреживает влечение к смерти: 1) с помощью мускулатуры отводит его вовне, на внешние объекты, и тогда оно выражается как жажда власти, разрушения и овладения. Это же влечение обслуживает и сексуальную функцию в форме садизма; 2) часть влечения к смерти остается в организме и обезвреживается там: либидинозно связывается при помощи сексуального со-возбуждения – это и есть первоначальный, эрогенный мазохизм. С точки зрения Фрейда, эти влечения смешаны в разных пропорциях и никогда не встречаются в чистом виде. Таким образом, Фрейд пришел к выводу, что влечение к смерти – это и есть первосадизм, и он тождествен мазохизму.

Далее Фрейд продолжил исследовать судьбу влечения к смерти – садизма, направленного на внешний мир. И отметил, что иногда он может быть вновь направлен вовнутрь, интроецирован. Именно таким образом возникает вторичный мазохизм, который добавляется к первичному.

Вторая форма мазохизма, выделяемая Фрейдом, – женский мазохизм, характерен именно для мужчин, несмотря на его название. По мнению Фрейда, здесь речь идет о перверсиях, в которых преобладают фантазии о жестоком обращении с субъектом (желании быть выпоротым, связанным,

униженным). Эти фантазии находят свое выражение либо в форме мастурбации, либо сами по себе доставляют сексуальное удовлетворение. Они могут быть самоцелью, и в их основе лежит желание мазохиста почувствовать себя маленьким, беспомощным ребенком, которого наказывают за его поведение. В подобных случаях перверсии объект оказывается в ситуации, характерной для женственности – превращается в объект совокупления, в объект, рождающий ребенка. Данный вид мазохизма непосредственно связан с чувством вины: субъект обвиняет себя в совершении ошибки или преступления, которое он должен искупить мукой и болью – бессознательное чувство вины за детскую мастурбацию. Это бессознательное чувство вины сближает женский мазохизм с третьей формой мазохизма – моральным.

«Моральный мазохизм отличается от двух других прежде всего тем, что "он ослабил свою связь с тем, что мы признаем за сексуальность"» (Фрейд, 2018, с. 4). Здесь мазохисту важно само страдание и потребность в наказании, независимо от кого или от чего оно исходит. Он не осознает сексуального удовлетворения, которое получает от своих страданий и боли.

Еще в работе «Я и Оно» Фрейд обозначил, что функцию совести выполняет Сверх-Я, а вина возникает в результате конфликта между Я и Сверх-Я, когда Я не соответствует требованиям, предъявляемым его идеалом, Сверх-Я (Фрейд, 2018). Фрейд различал бессознательное продолжение морали и моральный мазохизм. Он говорил о том, что в первом случае мы имеем дело с повышенным садизмом Сверх-Я, которому приходится подчиниться Я, а во втором – с собственным мазохизмом Я, жаждущим наказания от Сверх-Я или от родительской пары, причем мазохистская тенденция Я абсолютно не осознается субъектом. Бессознательное чувство вины как потребность получить наказание от родителя в фантазиях регрессивно искажается и превращается в фантазию вступить в пассивную сексуальную связь с родителем (отцом). Таким образом, через моральный мазохизм десексуализированный Эдипов комплекс, благодаря которому возникли совесть и мораль, вновь сексуализируется и прокладывает путь обратно от морали к Эдипову комплексу. Отказ от влечений, которые навязываются извне, создает нравственность и, соответственно, совесть и требует дальнейшего отказа от влечений – чем сильнее индивид сдерживает свою агрессию и не выражает ее в отношении других, тем больше возрастает его агрессия против собственного Я.

Таким образом, моральный мазохизм предстает продуктом смешения влечений. Он берет свое начало от влечения смерти, но имеет в себе при этом эротический компонент, и поэтому, если не обращен во вне и направлен на Я, то даже саморазрушение личности сопровождается либидинозным удовлетворением.

Развитие теории мазохизма со времен Фрейда

Идеи Фрейда нашли дальнейшее развитие и переосмысление в работах многих психоаналитиков, которые либо разделяли и развивали концепцию влечения к смерти, либо полностью ее отвергали.

Среди авторов, не разделяющих теорию влечений Фрейда, прежде всего стоит упомянуть Сашу Нахт. В своей работе «Мазохизм» («La masochisme») Нахт противопоставлял теории Фрейда концепцию, согласно которой сущность мазохизма – возвратное обращение агрессии субъекта на самого себя, инверсия, возникающая из страха подвергнуться нападению или оказаться покинутым объектом (Nacht, 1965). Догенитальной регрессией объяснялось удовольствие, получаемое мазохистом. Гомосексуальная фиксация на отце называлась причиной и основанием первертности морального мазохиста (мужчины).

Нахт ввел термин «органический мазохизм» (Nacht, 1965, с.18). Этим термином он обозначил подлинное и пронизывающее человека аффективное состояние, достигаемое им исключительно только через страдание. Этот тип характера возникает не как наследие Эдипова комплекса, а гораздо раньше – большое количество фрустраций на очень ранней стадии развития способствует созданию аутоагрессивной организации. Агрессия, по мнению Нахта, – следствие страха, агрессивной внешней среды и фрустрации. Мазохизм в данном случае – неудачная попытка защититься.

Огромный вклад внес также Эдмунд Берглер, по мнению которого ядром любого невроза является ущерб, который садистическое Супер-Эго причиняет Я (Bergler, 1992). «Псевдомазохистское» решение как последствие доэдиповой нарциссической обиды лежит в основе модели Берглера. Обида возникает в результате конфликта между чувством всемогущества младенца и его зависимостью от матери, между могущественным инфантильным желанием и фрустрациями. Приступ неконтролируемой ярости, возникающий у младенца, – агрессия, которая не находит выражения из-за недостаточной координации и слабо развитой моторики, сначала проецируется вовне и направляется на Плохую Мать, но впоследствии она возвращается и бьет по Я, т.к. становится частью садистического Сверх-Я, изнутри атакующим Я. Вся эта динамика завершается либидинизацией боли, причиненной Супер-Эго – обращение боли в удовольствие (психический мазохизм) делает переносимой эту боль. Такие пациенты будут представлять себя как невинных жертв, ищущих поддержки, но в действительности они сами бессознательно создают проигрышную для себя ситуацию, от которой они бессознательно получают удовольствие (Калшед, 2007, с. 45).

Были и те, кто, признавая фрейдовскую концепцию влечения к смерти в целом, пытались доказать ее неприемлемость для объяснения мазохизма. В их числе был Рудольф Левенштейн, который отстаивал мнение, что мазохизм не является постоянным свойством личности (Loewenstein, 1995). Корень мазохизма, по его мнению, – игра со страхом, цель которой одолеть агрессора либо с помощью соблазнения первертным способом (эротическое соучастие), либо вызвав у него чувство вины, либо продемонстрировав свою обиду или враждебность, а также, наконец, идентифицировав себя с ним на уровне Сверх-Я (порабощение), и эротизировав придуманное им наказание. В соответствии с выводом Левенштейна, мазохизм – это «вариант приспособления в борьбе влечений против двух

грозящих опасностей, а именно: угрозы либидинозной фрустрации и угрозы для жизни» (Loewenstein, 1995, с.56).

Проблема мазохизма стала камнем преткновения и причиной противостояния Фрейда с Вильгельмом Райхом в 1932 году. Клинический опыт Райха опровергал гипотезу Фрейда, что мазохист ищет боли и получает удовольствие от страданий. Райх постулировал, что мазохист, как и любой другой человек, стремится к разрядке, но боится оргазма и связанного с ним исчезновения границ Я. Мазохист позволяет сексуальному возбуждению возрасти максимально, но поскольку у мазохиста очень сильное чувство вины, он провоцирует возбуждение с применением реальной или воображаемой внешней силы, чтобы все же достичь разрядки, не испытывая при этом чувства вины, будто переложив ответственность на внешний объект или фактор. В работе «Мазохистский характер» Райх писал о мазохизме как о следствии страха удовольствия и/или оргазмической разрядки, а страдания и терпения – как следствие потери органической способности к получению удовольствия (Райх, 1999).

Как можно видеть из вышеописанного, все теории, отвергающие фрейдовскую концепцию, в основном основывались на признании ведущей роли внешних объектов или факторов для объяснения мазохизма как явления. В любом случае, все вышеобозначенные концепции послужили благодатной почвой для дальнейшего развития психоаналитической мысли, направленной на «загадочный» мазохизм.

Новый взгляд на «загадочную» проблему – мазохизм в современной психоаналитической теории

Мазохизм смерти и мазохизм жизни

С момента обнародования второй теории влечений Фрейда в теории психоанализа начали происходить очень важные изменения. Теория вызвала массу споров и разногласий: влечение к смерти одновременно входит в определение мазохизма, при этом мазохизм и есть воплощение влечения к смерти.

Бенно Розенберг в своей работе «Мазохизм смерти и мазохизм жизни» исследовал данный вопрос, углубляясь и по-новому раскрывая теорию Фрейда, оставаясь при этом ей верным (Розенберг, 2018).

Розенберг начинает свою работу с исследования морального мазохизма. По мнению Фрейда, и Розенберг здесь с ним соглашается, патологическая форма морального мазохизма в терапевтическом процессе обнаруживает себя в негативной терапевтической реакции, которую характеризует «потребность быть больным» (Фрейд, 2015, с. 142). В основе этой потребности лежит чувство вины, которое выражается через заболевание, воспринимающееся как наказание посредством страданий. Пациент при этом чувства вины не ощущает, его перекрывает болезнь – он чувствует себя больным (Фрейд, 2015).

Но Розенберг полагает, что при чувстве вины речь идет о Сверх-Я, наследнике Эдипова комплекса, полученного вследствие интроекции – идентификации Эдиповых объектных отношений, после их десекуализации. При моральном мазохизме мы имеем дело с обратным процессом – ресексуализацией этих отношений и возвратом от уже сформированного Сверх-Я к фигуре отца. Этот возврат не заметен и будто бы не имеет объекта – важным является не то, от кого исходят страдания, а важно само страдание.

Таким образом, за чувством вины скрывается сексуализированное желание наказания от эдипального отца. В этом случае сохраняется видимость невроза за счет видимости чувства вины: Розенберг называет это притворством или хитростью морального мазохизма. Чувство вины становится переносимым, благодаря эротизации, которая превращает его в источник мазохистического удовольствия (Розенберг, 2018). В этом контексте речь идет о мазохизме как о «хранителе невроза». По мнению Розенберга, если ресексуализация чувства вины перестает быть скрытой и становится для субъекта очевидной, то моральный мазохизм превращается в либидинальный («женский»), а при дальнейшей регрессии – в эрогенный мазохизм.

В своей работе «Мазохизм смерти и мазохизм жизни» Бенно Розенберг вводит понятие «аутосадизм» (Розенберг, 2018, с. 57) для обозначения той фазы, в которой садизм оборачивается на самого себя, на самого субъекта. На этой фазе пока нет объекта, поэтому говорить о мазохизме пока рано. Аутосадизм – это самонаказание и чувство вины как наказание со стороны собственного Сверх-Я самого субъекта, в то время как мазохизм – наказание, исходящее от эдипального отца. Отсюда Розенберг делает важный вывод: интроецированный садизм не всегда или не сразу превращается в мазохизм, а аутосадизм становится своеобразной отправной точкой возникновения вины.

Бенно Розенберг достаточно глубоко исследует парадокс мазохизма – противоречие: мазохизм – удовольствие от боли, удовольствие от страдания и удовольствие от неудовольствия. Фрейд в начале своего пути столкнулся с этим противоречием и в результате признал, что здесь именно первичный мазохизм превращает удовольствие в удовольствие–неудовольствие, т.е. сформированное мазохистическое ядро делает переносимым возбуждение, инвестируя и связывая его. Но, как известно, возбуждение – это условие жизни, без него наступает смерть, поэтому мазохистическое ядро является хранителем жизни. Говоря иначе, мазохизм – это первичное сплетение влечений. Он противостоит влечению к смерти (принцип нирваны), преследующему своей целью сведение всякого возбуждения к нулю и возвращению живого в неорганическое, неживое.

По мнению Розенберга, мазохизм также выполняет важнейшую роль в психической жизни: постоянство мазохистического ядра в Я обеспечивает психическую временную непрерывность, постоянно поддерживая возбуждение и строя препоны сиюминутной разрядке, таким образом он препятствует разрыву психической жизни. Мазохистическое ядро делает

возможным галлюцинаторное удовлетворение желания и фантазматическую жизнь субъекта.

Розенберг в своей работе подчеркнул роль мазохизма в формировании объекта посредством проекции, а соответственно и роль мазохизма в объектных отношениях в целом, ссылаясь на клинические случаи, в которых у садомазохистического инвестирования объекта есть цель обнаружить и удостовериться присутствии объекта.

Но что произойдет, если мазохизм начнет развиваться слишком активно? На этот вопрос Розенберг отвечает односложно: мы будем иметь дело со смертоносным мазохизмом или мазохизмом смерти. Если мазохизм применяется не столько для того, чтобы сделать возбуждение переносимым, сколько чтобы найти удовольствие исключительно в переживаниях возбуждения, и инвестировать это возбуждение, то необходимость в разрядке как объектном удовольствии отпадает и далее становится невозможной. Отказ от объектного удовлетворения означает отказ от объекта в целом, а без объекта существование психической жизни становится невозможным. Такое положение Розенберг называет мазохистическим аутизмом, который ведет к дезактивации влечения к жизни и может быть даже к смерти субъекта. Мазохистическое сверхинвестирование, разрывая любую связь с объектом, также делает ненужной проекцию, т.е. пропорции здесь имеют решающее значение – именно от них зависит вероятность превращения мазохизма жизни в мазохизм смерти.

Розенберг делает предположение, что при особо интенсивном возбуждении, когда мазохистическое ядро Я и вместе с ним и Я в целом оказывается в опасности, и появляется опасность разъединения влечений, чтобы препятствовать распаду мазохистического ядра Я изымает объектное либидо из садизма и интроецирует его, чтобы как-то укрепить мазохистическое ядро и обеспечить связывание влечения к смерти: «Однако это отвод-интроекция объектного либидо освобождает из-за их разъединения разрушительные влечения, которые угрожают Я; оно реагирует тогда новой интроекцией объектного либидо и т.д.» (Розенберг, 2018, С.118). В данном случае участвующий в этом вторичный мазохизм становится смертоносным.

Эволюция мазохизма на разных этапах психосексуального развития личности

Целесообразно остановиться на определении термина «мазохизм», до того как мы проследим за эволюционной линией мазохизма.

Некоторые психоаналитики, например Гроссман, изучающий историю понятия, пришел к выводу, что термин использовался ограниченно (Grossman, 1986). Франклин Мэйлсон отнес это понятие ко всякому поведению, фантазиям, мыслям, симптомам и синдромам, характеризующим переживаемой болью и страданием, которые можно расценить как излишние, чрезмерные или спровоцированные (Maleson, 1984). Но данное определение носит очень неоднозначный характер, т.к. понятие чрезмерности

субъективное. Более полное определение можно найти у Керри Келли Новик и Джэк Новик в работе «Сущность мазохизма»: «Мазохизм является активным стремлением к психической или физической боли, страданию или унижению, что служит адаптации, защите и инстинктивному удовлетворению на оральном, анальном и фаллическом уровнях» (*Novick et al.*, 1987, с. 353). По мнению К.К. Новик и Д. Новик, поведение, направленное на поиск боли, начинается с младенчества и терпит изменения на каждой последующей фазе.

Один из вопросов, вызывающих огромное количество споров, – вопрос о происхождении мазохизма на доэдипальной или эдипальной стадии. Результаты исследований, проведенных К.К. Новик и Д. Новик, показали, что организованные фантазии об избиении сформировались в постэдипальном периоде, но доэдиповы детерминанты мазохистского поведения фактически брали начало из нарушений на самых ранних месяцах жизни детей. Во всех случаях с фиксированной фантазией об избиении можно было наблюдать нарушения в диаде мать и дитя, а именно отсутствие взаимного удовольствия между матерью и младенцем. В норме стимуляция младенцев происходит через разные каналы: контакт глазами, улыбка, речь – но при нарушении взаимоотношений между матерью и ребенком возможные каналы часто могут свестись к кожному каналу, т.к. он требует наименьшей степени эмоциональной близости. Ребенок постепенно переходит в режим саморегуляции, все меньше сигнализируя о своих нуждах матери, не способной контейнировать беспомощность или гнев ребенка. По мнению К.К. Новик и Д. Новик, часто младенец обращается именно к боли как к инструменту для адаптации к патологической ситуации и замене изъятого матерью катексиса. В результате для таких детей безопасным становится объект, причиняющий боль, а не доставляющий удовольствие. Длительные периоды неудовлетворенности, переживаемые во младенчестве, могут нарушать стадию, названную Винникоттом стадией всемогущества (Винникотт, 2005). Слишком скоро осознав свою зависимость от матери, он прибегает к способу адаптации, которую Левенштейн называет «протомазохистский маневр соблазнения агрессора» (*Loewenstein*, 1957, с. 197–234). Таким образом, привязанность индивидов к боли, по сути, представляет собой привязанность к объектам, причиняющим боль. Мазохизм здесь становится попыткой защититься от деструктивных желаний, направленных против матери. Через механизмы отрицания, смещения и интернализацию происходит поворот агрессии в адрес собственного тела. Интересно, что через смещение агрессии в мазохистских фантазиях присутствует обычно не мать, а отец или замещающая отца фигура. Как отмечает Новик, у детей с фантазиями об избиении есть сложности с интеграцией тела и Я. Они ощущают свои тела как собственность их матерей, поэтому от доэдиповой агрессии по отношению к матери защищались с помощью атак на собственное тело. Чувство вины за желание отделиться от матери позже могло трансформироваться в фантазию об избиении как наказании за это желание.

Таким образом, мазохизм, к которому прибегает ребенок на доэдиповой стадии, используется для выживания и адаптации (мазохистское поведение пока не доставляет сексуального удовольствия). Как следствие, эти дети вступают на фаллически-эдипальную стадию уже с имеющейся патологией. Этот период является критическим для сексуализации мазохизма.

Детские теории о родительском сексе как о садистическом половом акте универсальны, но у нормального ребенка они существуют наряду с другими теориями. У детей с патологическим развитием теория садистского полового акта является единственно безопасной, менее пугающей, чем идеи о неконтролируемых событиях, кастрации и т.д. К этому добавляется и нормальная эдипальная исключенность, переживания, связанные с ней, и гнев. Ситуация осложняется, если отец отсутствует или оказывается неподходящим для того, чтобы стать сильным, защищающим объектом для идентификации, Супер-Эго остается внутренне неструктурированным.

По наблюдениям К.К. Новик и Д. Новик в латентном периоде при нормальном развитии у девочек часто появляется переходная фантазия об избиении, что является нормальным компонентом послеэдипова развития, позже она исчезает. Дети же с фиксированной фантазией об избиении, из-за неразвитого Эго, отыгрывают доэдиповы и Эдиповы садомазохистические импульсы или страдают от тяжелой навязчивой симптоматологии.

Как следствие, в период половой зрелости и подростковый период у девочек с развитым в латентном периоде функциями Эго и Супер-Эго (контроль тревоги, защита от прямой разрядки влечений) переходная фантазия об избиении дистанцируется от пугающих Эдиповых желаний. Фиксированная же фантазия либо ограничивалась этим желанием, либо перерастала в более пугающие фантазии о суициде или самоувечьях. В фантазиях детей избивающий представлял собой сильного, желанного отца или его заместителя, который ограничивал бы исполнение всемогущих, деструктивных и запретных либидинальных желаний, т.е. эти фантазии об избиении исполняли роль Супер-Эго, которое так и не развилось.

Мазохизм и его встроенность в женское психосексуальное развитие

Описывая развитие психосексуальности, Фрейд использует три понятия: активность/пассивность анальной организации, универсальный пенис / кастрированный пенис фаллической организации, и пару мужское/женское, начиная с пубертата, на генитальной стадии. С момента противопоставления мужского/женского поднимается крайне сложный вопрос: женское представляет проблему как для мужского, так и для женского пола. Для мужчин – это образ кастрированного пениса и страх, связанный с ним. Но это еще и открытость тела женщины, ее возможность принять большое количество либидинальных импульсов и получать сексуальное наслаждение – это уже внушает страх как мужчинам, так и женщинам.

В этой связи вспоминается метафора Моник Курню-Жанэн женского тела как шкатулки, с богатым содержанием (испражнениями, пенисом, кровью, ребенком) (Курню-Жанэн, 2017). Ключ от замочка (замочек – девственная плева) принадлежит отцу, а мать – хранительница.

Я сознательно разграничиваю понятие «женское» и «женственность». На мой взгляд, женственность – всего лишь составляющее женского. Здесь я совершенно согласна с Моник Курню-Жанэн, которая предлагает обозначить женственностью все то, что создает женский образ со всей внешней женской атрибутикой (косметикой, украшениями и т.д.) – тем, что делает ее привлекательной, но одновременно отвлекает от генитальных органов, провоцирующих страх кастрации у мальчика. Женственность «как бессознательная организация приманки» (Курню-Жанэн, 2017, с. 110), составная часть игры психосексуальности: «Объект желания и одновременно объект запрета всегда находятся "в теле другого"» (Курню-Жанэн, 2017, с. 110).

Со времен Фрейда, считавшего, что девочка – это кастрированный мальчик, и до сегодняшнего дня «другим полом» всегда называется женский. Говоря о женском, я говорю о «женском эротическом», манящем и пугающем, откуда и начинается разница полов. Другой пол – женский, потому что фаллически он общий. Речь идет именно о фаллическом, а не мужском, ведь фаллическая организация нужна была, чтобы отрицать разницу полов, как женского, так и мужского. Фрейд исходил в своем определении женского, отталкиваясь от мужского, от наличия пениса, в то время как женское до сих пор отмечено нехваткой: нехваткой пениса, нехваткой матери в качестве эротического объекта, нехваткой либидо. Плюс еще и слабо развитое Сверх-Я и способность к сублимации.

Женское – это то, что так пугает мужчин при его обнаружении у себя, но это и то, что необходимо для того, чтобы мужчина был способен раскрыть женщину. Женское – это психический и эротический мазохизм, который раскрывает и делает возможным сексуальное наслаждение, обретение любви и выстраивание взаимоотношений с объектом. Но женское не может существовать без мужского, а мужское без женского – они противоположны друг другу, но при этом не могут быть отделены и служат дополнением друг для друга, расцветая в зрелой сексуальности. По словам Джойс МакДугалл, пенис и вагина являются комплементарными. Без вагины пенис превращается в орудие разрушения и насилия, а вагина без пениса становится пожирающей черной дырой (McDougall, 1995).

Страх кастрации и зависть к пенису

Женское развитие, по мнению Фрейда, начинается в момент обнаружения девочкой половых различий. Критической точкой в развитии будущей женщины является понимание своей «кастрированности», отсутствия пениса вкупе со стремлением обладать таковым. До этого момента девочка, так же как и мальчик, знает только о наличии у себя лишь одного типа гениталий – пениса («фаллический монизм»). То, как девочка пройдет эту критическую точку своего созревания, будет во многом

определять ее дальнейшее развитие. Так, З. Фрейд выделял три основных возможных варианта развития на этом этапе:

- 1) Изменение характера в сторону комплекса мужественности;
- 2) Развитие нормальной, «здоровой» женственности;
- 3) Подавление сексуальных желаний, их вытеснение в Ид, и как следствие, появление неврозов.

По мнению Фрейда, позитивный Эдипов комплекс у девочек может развиваться опять же только вследствие зависти к пенису: посыл к отцу можно выразить следующим образом: «Если я не могу иметь пенис, как у тебя, то я хочу хотя бы иметь ребенка от тебя». Желание иметь ребенка от отца, которое может развиваться у девочки в рамках Эдипа, считается способом подменить зависть к пенису чем-то потенциально выполнимым. В такой ситуации девочка не идентифицирует себя с родителем противоположного пола, не пытается копировать его поведение, взять на себя его функции и не считает его соперником. Психоаналитическая теория отводит девочкам достаточно небольшие шансы на развитие позитивного Эдипова комплекса.

Интересен взгляд Моник Курню-Жанэн на роль матери. Она утверждает, что у матери, формирование психической жизни которой произошло через свой собственный Эдипов конфликт, Эдипово чувство вины пробуждается в результате психической близости между реальным ребенком и ребенком Эдипова желания. Будучи маленькой девочкой, мать принимала и инкорпорировала в себя то, что ею было инвестировано, в том числе и пенис отца, который и дальше присутствует в ее бессознательном, когда она сама становится матерью. Так мать передает ребенку одновременно желание и запрет (Курню-Жанэн, 2017). Материнское послание выражается в том, что девочка любима, соблазняема и может быть сама соблазняющей в качестве дочери, но при этом ее генитальное отвергает, должно безмолвствовать, нет участия пола.

Женский «комплекс мужественности», в основе которого лежит зависть к пенису, может стать серьезной помехой на пути к развитию девочки. Здесь Фрейд опять апеллирует к биологии: «Отвержение женственного может ничем другим не оказаться, как только биологическим фактом, одной из частей великой загадки полов» (Фрейд, 1998, с. 35).

***Фрустрация как основа для смены объекта
в женском Эдиповом комплексе и мазохистской
составляющей женской сексуальности***

Концепцию Фрейда о зависти к пенису разделяют далеко не все авторы, работавшие в рамках психоаналитического направления. Например, Мелани Кляйн (Кляйн, 1997), Эрнест Джонс (Jones, 2014), Карен Хорни (Хорни, 2018), Томас Мюллер называют комплекс кастрации, напротив, вторичным феноменом, следствием конфликта, с которым приходится справляться женственности девочки.

По мнению Моник Курню-Жанэн, контринвестиции вагины матерью усиливают завистью к пенису, за которой стоит желание пенетрации

матери: во избежание конкуренции с матерью, девочка отказывается от своей вагины и склоняется к более безопасному варианту, к зависти к мужскому полу (Курню-Жанэн, 2017). По мнению Курню-Жанэн, кризисный момент наступает, когда через игру с куклой начинается соперничество женщины с женщиной. Исход зависит от качества отношений в предыдущем периоде – от наличия или отсутствия нежности и понимания между матерью и ребенком. При лучшем завершении происходит отказ от части для сохранения целого, однако, когда девочку воспринимают «целиком», «целой», она «может опрокинуть себя в "целое" потери – не быть больше любимой, быть никем» (Курню-Жанэн, 2017, с. 114). Все компромиссы в виде отказов находятся между всё или ничего. Девочка, после вытеснения своего пола, может вплоть до подросткового периода бисексуально соблазнять: девочка, но фаллическая, как мальчик. Инвестированная как целиком фаллическая, она боится пенетрации. В этом случае фантазмы делают возможным развитие бисексуальные идентификации: пенетрировать и быть пенетрированной. За Эдиповым желанием занять место отца, чтобы пенетрировать мать, стоит желание ждать от нее ребенка.

В целом, практически все авторы сходятся в том, что Эдипово развитие девочки определяется сменой объекта, причиной для которой становится фрустрация. Взгляды на причины и характер этой фрустрации у разных авторов несколько различаются:

1. Фрейд говорит о двойном разочаровании, связанном не только с осознанием отсутствия пениса, но и с пониманием того, что этим символом успеха, силы, нарциссической полноты девочку обделила собственная мать. В такой ситуации обращение к отцу как к обладателю пениса может быть обосновано желанием иметь ребенка – своеобразного заместителя фаллического символа силы и превосходства;

2. Джонс и Кляйн утверждают, что фрустрация в женском Эдипе основана на влиянии природных, естественных, инстинктивных женских элементов (Кляйн, 2010). Стремление к овладению пенисом обосновано желанием заполучить его, чтобы реализовать свою главную задачу – сотворить ребенка. В этих концепциях нередко утверждается, что разочарование, обосновывающее Эдипово желание, может проснуться у девочки очень рано и усилиться фрустрацией, связанной с материнской грудью. Зависимость от матери и от ее груди, которая не всегда доступна, невозможность стать грудью, усиливает деструктивные, агрессивные чувства младенца к матери. Рут Мак Брунстик, опираясь на теорию Мелани Кляйн, приходит к выводу: «В противоположность нашим предшествующим идеям, желание (девочки) иметь пенис не заменяется на желание иметь ребенка, ведь последнее предшествует первому в значительной степени» (Мак-Брунстик, 2018). Шассге-Смиржель полагает, что зависть к пенису развивается из желания дифференцироваться и одержать победу над всемогущей матерью, присвоив себе орган, которого у нее нет.

И Х. Дойч и Ш. Радо считали момент осознания девочкой, что у нее нет пениса, поворотным этапом в женском развитии. Дойч утверждала, что открытие и факт отсутствия пениса воспринимается как несчастье, ответственность за которое возлагается иногда на мать, иногда на отца. В конце

концов мастурбация и Эдиповы фантазии начинают восприниматься как причина страшной утраты (Дойч, 2017). У Ш. Радо девочка с открытием пениса теряет удовольствие от мастурбации (*Rado*, 1940). При этом невыносимая боль от открытия отсутствия пениса возбуждает ее сексуально и доставляет удовольствие взамен утраченного удовольствия от мастурбации. С этого момента у нее остается только доступ к удовольствию через страдание. По сути, и Х. Дойч и Ш. Радо говорили здесь о мазохизме у женщин – явлении, которое как до них, так и после вызывало огромное количество споров и разногласий.

Смена объекта и идеализация отца

Смена объекта описывается в большинстве психоаналитических работ, посвященных женственности и развитию Эдипова комплекса у девочек. Какой бы ни была ее причина, речь всегда идет об идеализации отца и пениса, следующей за разочарованием, обидой по отношению к матери. Отец идеализируется с целью нивелировать недостатки предыдущего объекта – матери. Последней же присваиваются отрицательные, плохие черты, и такое отношение может поддерживаться достаточно долго. Подобное противоречие необходимо, чтобы смена объекта в принципе имела место. По мнению Жанин Шассге-Смиржель, этот процесс ложится на психосексуальную судьбу ребенка женского пола «тяжелым грузом» (Шассге-Смиржель, 2005, с. 406).

Сопутствует процессу и идентификация с родителем своего пола, то есть с тем объектом, который обладает отрицательными чертами.

Такая ситуация, в свою очередь, вынуждает девочку вытеснить агрессивные стремления. В результате формируется особое, женское чувство вины, реализующее садистически-анальную составляющую женской сексуальности. Это нечто диаметрально противоположное идеализации отца и его пениса, побочный эффект чрезмерного «осветления» отцовского образа.

В лучшем случае фрустрации в отношениях между матерью и дочерью будут дозированными, возрастающими плавно и постепенно. Отец же окажется носителем достаточного количества положительных черт. В такой ситуации идентификация девочки с матерью, смена объекта и идеализация отца пройдут наиболее безболезненно и бесконфликтно. В результате, женская психосексуальность девочки сможет развиваться в благоприятных, здоровых, комфортных условиях.

Однако Жанин Шассге-Смиржель отмечает, что подобная ситуация наблюдается далеко не во всех семьях. Материнские фрустрации нередко оказываются плохо дозированными. А отец не обладает реальными чертами и свойствами, которых было бы достаточно для реалистичной проекции на него позитивных качеств, хотя он и остается тем единственным образом, к которому девочка может прибегнуть для разрешения внутреннего конфликта. Это может создать предпосылки для развития психозов, перверсий и расстройств характера, в том числе проблем со «становлением и укреплением женственности в ее наиболее «здоровом» варианте» (Шаффер, 2016, с. 102).

Трансформации женского тела в подростковом возрасте

По мнению З. Фрейда, одним из наиболее впечатляющих открытий для девочки в подростковом возрасте является осознание наличия вагины и рост груди. Открытие эротической вагины, осознание наличия собственного полового органа становится причиной серьезных переживаний, хотя ее полноценную эрогенность девочка может познать лишь в сексуальных отношениях, которые принесут ей наслаждение.

Комплекс кастрации заменяется интересом к процессу интимной близости с представителями противоположного пола. Как отмечает Динора Пайнз, неожиданное осознание телесности постоянно толкает на то, чтобы испробовать ее, чтобы доказать свою ценность через внешнюю привлекательность или испытывать возбуждение от фантазий, что другие признают твое тело источником удовольствия. По ее мнению, важным фактом является то, что «телом пользуются для защитного отщепления и обхода мыслительного процесса (то есть происходит подмена обдумывания телесными ощущениями, будь то агрессия или удовольствие) или даже как средством избежать депрессии или вины» (Пайнз, 2016, с. 74). В особо тяжелых случаях происходит фактически расщепление различных аспектов образа Я, напоминая даже симптомы деперсонализации.

Растущая грудь, помимо прочего, делает девочку еще больше похожей на первичный объект своих переживаний – мать, наделенную негативными чертами в ходе смены объекта Эдипова комплекса. По мнению Моник Курню-Жанэн, «преемственность женского» – непростой момент, т.к. идентификация у девочки происходит не только с женским матери, но и с ее бисексуальностью – с ее идентификацией с отцом (Курню-Жанэн, 2017). Дочь в этом случае идентифицируется также с женской компонентой отца, что оказывается крайне полезным в тех случаях, когда у матери присутствует недостаток этой женской компоненты.

Развитие женской сексуальности

Взгляды разных авторов на женскую сексуальность и психосексуальное развитие детей женского пола достаточно сильно разнятся.

Некоторые психоаналитики говорят о слабой либидинозной энергии женщин и частых случаях женской фригидности, не имеющей аналогий у мужчин, даже о давлении бисексуальности у женщин.

Многие психологи отмечают и стремление девочек и даже взрослых женщин к идеализации сексуальности, которое также является исключительно женской чертой.

З. Фрейд утверждал, что сексуальный инстинкт неизбежно включает в себя некий «садистический элемент» (Фрейд, 2010, с. 18). Именно он вынуждает человека стремиться к овладению объектом сексуального вожделения, зачатую и рождению потомков. В некотором смысле этот инстинкт господства Фрейд отождествлял с инстинктом смерти и разрушительным

инстинктом. Здесь встает вопрос о сексуальности женщины и ее роли в подобном стремлении.

Ж. Ламбль де Гроот утверждала, что представительницам женского пола свойственно игнорировать свою активность в сексуальности, проявляя ее лишь в материнстве. Автор даже заявляла, что достойное материнство неизбежно сопряжено с фригидностью (*Lampl de Groot, 1933*). Однако никаких экспериментальных, объективных подтверждений своей теории Ж. Ламбль де Гроот не приводила.

Хелен Дойч говорила о чисто женском типе активности, направленной внутрь, связывая ее с «особенностями функционирования женских половых органов» (Дойч, 2017, с. 15). Впрочем, она же в 1961 году, выступая на симпозиуме, посвященном фригидности, говорила о наличии кульминации оргазма только у мужчин, обуславливая это присущей им активностью сфинктерного типа.

Очевидно, отведение женской сексуальности исключительно пассивной роли, а мужской – активной, было бы самым простым решением в данной ситуации. Однако такой шаг был бы излишне категоричным и потому далеким от реальности.

Поэтому вопрос женской сексуальности, в том числе смежных тематик фригидности и материнства, по-прежнему остается открытым. Авторы сходятся лишь в наличии очевидных различий между развитием и проявлениями сексуальности у женщин и мужчин, что можно отнести к вопросу о естественной женственности.

Жаклин Шаффер считает неизменной составляющей женской сексуальности эротический мазохизм (Шаффер, 2016). При этом эротический мазохизм вовсе не предполагает отыгрывание пассивной роли и не имеет никакого отношения к садомазохистическим наклонностям. Речь идет именно об эротическом мазохизме как способности полностью отдаваться либидинальному возбуждению и позволять сексуальному объекту обладать собой, что обеспечивает здоровое сексуальное влечение и наслаждение у представительниц женского пола. В некоторой степени он свойствен и мужчинам, однако страх кастрации и большие способности к активной позиции позволяют им снижать количество необходимого мазохизма эротического плана.

Женский эротический мазохизм нередко проявляется в фантазиях об изнасиловании, свойственных девочкам подросткового возраста (тогда как мальчики в этом возрасте фантазируют о наличии большого количества сексуальных партнеров, своеобразном гареме). Примечательно, что если повзрослевшая и половозрелая женщина не находит того, кто может стать объектом ее мазохистских эротических фантазий, то она вполне может перейти к мазохизму моральному.

Женский мазохизм – биологический или социально-культурный феномен?

Термин «женский мазохизм» впервые был употреблен З. Фрейдом в работе «Экономическая проблема мазохизма». Несмотря на то, что, согласно

Фрейду, женский мазохизм – выражение женской сущности, он относил это понятие как свойственное мужчинам.

«В новом цикле по введению в психоанализ» (1933 г.) Фрейд отметил, что появлению у женщины сильных мазохистских побуждений способствуют как ее конституциональные особенности, так и факт подавления агрессии и направления ее вовнутрь в соответствии с требованиями социума. На основании этого Фрейд сделал вывод, что мазохизм – «поистине женское извращение» (Фрейд, 2009, с. 283).

Идеи Фрейда в дальнейшем нашли отражение и в работах других психоаналитиков. Прежде всего стоит отметить Х. Дойч – в статье «Женский мазохизм и его отношение к фригидности» она говорила о роли биологической природы, а именно, «генетических факторов» (*Deutsch, 1930, с. 52*), ведущих к мазохизму у женщин, т.е. женщина по своей природе мазохистична. Ш. Радо в работе «Страх кастрации у женщины» тоже говорил об этом генетическом факторе, но при этом его мысли о мазохизме подводили к идее о патологичности жизни женщин в целом (*Rado, 1933*). Если говорить о психоаналитическом понимании женского мазохизма, то выражалось оно в следующем: женщина в сексуальной жизни и материнстве ищет мазохистское удовлетворение; в ранних фантазиях девочки есть стремление быть избитой (кастрированной) отцом; в половом акте женщина бессознательно также желает быть подвергнутой жестокому обращению и насилию.

В 1933 году К. Хорни в докладе «Проблема женского мазохизма» поднимала вопрос о соотношении роли биологических и культурных факторов в возникновении феномена мазохизма и о необходимости пересмотра психоаналитических взглядов на природу женского мазохизма (Хорни, 1933). В целом вывод К. Хорни сводился к следующему: «Проблема женского мазохизма не может быть отнесена только к особенностям анатомических, психологических и психических характеристик женщины, но должна рассматриваться как во многом обусловленная культурой или социальной средой, в которой развивалась конкретная женщина-мазохистка» (Хорни, 1933, с. 6).

Поднятые З. Фрейдом вопросы, касающиеся женского мазохизма, до сих пор остаются дискуссионными. Можно заметить, однако, что в фокусе работ современных психоаналитиков мазохизм рассматривается прежде всего как перверсия, отталкиваясь от которой проще подходить к здоровой способности жертвовать собой за других или за идеал.

В частности, Отто Кернберг отмечает, что мазохизм, как и все сексуальные перверсии, чаще встречается у мужчин (Кернберг, 2017). По наблюдениям Кернберга между мужскими и женскими мазохистскими фантазиями и проявлениями есть, конечно, сходство, но все же больше отличий. В частности, Баумайстер отмечает, что в мужском мазохизме больший акцент ставится на унижении, неверности сексуального партнера, участии публики, и он сопряжен с большей болью и страданием. Женский мазохизм связан с болью меньшей силы, с наказанием в интимных отношениях, сексуальных действий как унижения и с пассивными зрителями. Кульминации мужской мазохизм достигает в виде оргазма вне

генитального акта, а женский – в генитальном сексе и не всегда завершается оргазмом.

Это явление объясняется следующим образом: можно предположить, что большая частота сексуальных перверсий у мужчин связана с большей интенсивностью кастрационной тревоги, связанных с агрессивными аспектами Эдипова конфликта. У женщин, по словам МакДугалл, кастрационная тревога носит более примитивный и диффузный характер. Она обратила внимание на страх общей телесной деструкции у женщин как главный фактор, объясняющий их различные защитные механизмы от кастрационной тревоги (McDougall, 1970).

Шассге-Смиржель рассматривала перверсии у пограничных пациентов как объединение доэдиповой агрессии с кастрационной тревогой, возникающей из Эдиповых конфликтов (Шассге-Смиржель, 2017). Согласно Шассге-Смиржель, в основе фантазий мужчин о доминирующей могущественной женщине лежит фантазия маленького мальчика о связи с сильной и подавляющей матерью, эти же фантазии включают в себя искупление вины за свои фантазии о способности ее удовлетворить своим маленьким пенисом и за Эдипово преступление. В случае женщин, фантазии о могущественном, угрожающем и при этом соблазняющем отце соединяются с искуплением вины через сексуальное унижение и принуждение. У женщин мазохистский сценарий также может нести следы мазохистических отношений с матерью. Как у мужчин, и так и у женщин можно наблюдать привлекающий их, дразнящий характер фрустрирующих сексуальных взаимоотношений, которые восходят к эротизированным отношениям с первичным объектом.

Кернберг, приписывая мазохизм как перверсию больше мужчинам, говорит о том, что в отношении морального мазохизма не наблюдается такого гендерного перевеса. Здесь он солидарен с мнением Хорни о большой роли социально-культурных и психодинамических факторов: «Мне кажется разумным предположение о том, что патерналистская культура стимулирует характерологический мазохизм у женщин и садистические компоненты сексуальности у мужчин, но укрепляя его трансформацию в характерологические паттерны у женщин» (Кернберг, 2017, с. 172).

Отказ от женского

В продолжение темы женственности, ее развития и становления, связанных с ней проблемах с точки зрения психоаналитической теории, остановимся подробнее на вопросе отказа от женского. На этот счет единого мнения также нет, однако Жаклин Шаффер (Schaeffer, 2015) выделяет три основные гипотезы, описывающие точки зрения подавляющего большинства психоаналитиков на данный вопрос. Рассмотрим каждую из них.

Разница полов

Первая гипотеза фокусируется на трех парах противоположностей, раскрывающихся по мере психосексуального развития человека. На анально-садистической стадии речь идет о пассивном-активном,

на фаллической – о фаллическом-кастрированном и лишь на генитальной стадии – о мужском-женском. Разница полов формируется именно за счет третьей пары противоположностей, причем по мере исследования этого вопроса З. Фрейд ввел на ее основании еще и четвертую пару: это бисексуальность, которой противопоставляется отказ от женского.

Последняя пара направлена на отрицание разницы полов: с одной стороны, женский генитальный орган таинствен, скрыт и является для мужчин страшным напоминанием кастрированного органа, но в то же время это отверстие, источник наслаждения, вызывает тревогу, как у мужчин, так и у женщин. С другой стороны, психическая бисексуальность играет ключевую роль в разрешении вопроса идентификации, в то время как активная бисексуальность – защита против разницы полов на уровне сексуальных генитальных отношений. Как отметила Жаклин Шаффер: «Обе полярности успокаивают Я "требованием работы" в постоянном противостоянии потоку сексуального влечения» (*Schaeffer, 2015, p. 2*).

По сути, многие психоаналитики сходятся в том, что для осознания разницы полов на уровне психического аппарата недостаточно, например, телесных изменений, происходящих в подростковом возрасте. Понимание наличия женских гениталий, принципиально отличающихся от мужских, чаще всего требует времени и опыта, нередко – сексуального, включающего в себя эротическое наслаждение. Одного лишь влечения и возбуждения для этого недостаточно, это сложный и глубокий процесс, который может в итоге привести к отделению женственного «Я» от «Оно».

В этом контексте большую роль играют отношения между девушкой и ее матерью. Это переживание эдипального конфликта, архаичные женские модели матери, бабушки и других родственников того же пола, чувство соперничества, а также подсознательные мысли о возвращении в материнскую утробу, в случае с девочкой имеющие значение не только инцеста, но и воссоединения с родителем своего пола. Все это тревожит ум девочки до момента подлинного осознания наличия вагины, то есть до того момента, когда любовник станет причиной ее отделения от матери. Тут можно вспомнить и эротический мазохизм, к которому склонно большинство женщин: от подчинения родителю своего пола девушка переходит к подчинению своему любовнику.

Психическая бисексуальность, как один из полюсов четвертой пары противоположностей, может быть основана на пережитом ранее конфликте Эдипова комплекса, равно как и выступать в качестве своеобразного средства защиты против разницы полов. Вторая составляющая этой пары – отказ от женского – связана с опасениями, вызванными женским половым органом. Он таинствен, в корне отличен от пениса, в некоторой степени невидим из-за того, что физиологически представляет собой отверстие в женском теле, и в то же время он является местом сосредоточения либидинальных флюидов. Все это может вызывать тревогу у представителей обоих полов.

Постоянный натиск сексуального влечения

Вторая гипотеза, которую приводит Жаклин Шаффер в контексте отказа от женского, связана с сексуальным влечением, точнее, с его постоянным «натиском» (Лакан, 2004, с. 243). Подоплека этой гипотезы основана на классической теории влечений З. Фрейда: внутреннее возбуждение выходит за пределы телесного источника, стремится к цели, которая принесет удовлетворение, наполняется психическим и приобретает характер влечения. Если же возбуждение не превращается во влечение, либо влечение регрессирует в возбуждение, то развиваются аддиктивные патологии, психосоматические расстройства и тенденции к отыгрыванию.

При этом либидо, влечение сексуального характера, характеризуется постоянным натиском. Вследствие этого возникает конфликт между «Я», пытающимся сдерживать этот натиск, и «Оно», заставляющим «Я» чувствовать себя некомфортно, ощущать, будто у него нет права выбора.

Именно постоянное давление внушительного количества либидо, обуславливающее женское сексуальное, и побудило Фрейда ввести понятие отказа от женского в контексте отказа от гомосексуальной пассивности или желания пениса. Близкими к этой теме являются предположения о «кормящем взламывании» (*Schaeffer, 2015, p. 7*) «Я» возбуждением, допущенным в него без травматичного чувства нарушения его целостности.

Можно предположить, что в контексте этой гипотезы отказ от женского обусловлен определенным стремлением к установлению более жесткого контроля над своим «Оно» и желанием ощущать комфортное, безопасное и устойчивое «Я».

Эротическое генитальное женское

Третья гипотеза рассматривает сексуальность обоих полов в контексте тревоги генитального проникновения и прегенитальной защиты. Эти тенденции могут в той или иной степени присутствовать и у мужчин, и у женщин. Однако в случае с представителями сильного пола речь идет о гомосексуальной тревоге проникновения, а в случае с женщинами – о допустимости проникновения в вагину только либидинального пениса.

При этом отказ от женского в крайней степени в таком контексте может означать полное подавление влечений и защиту гениталий от какого-либо проникновения вне зависимости от его характера и физиологической обоснованности, что становится причиной фригидности. Эта гипотеза также подчеркивает, что эротическое генитальное женское рождается именно в сексуальной связи, сопряженной с наслаждением.

В современном мире, с его стремительно меняющимися правилами игры, можно увидеть явную тенденцию к обострению анальных защит, тревогу дефаллосизации, тягу к зависимостям – это, безусловно, отражается на женской сексуальности, блокируя женское, отправляя женщину в ее детскую травму: к переживаниям отсутствия пола или отрицанию женского пола. В результате женщина прибегает к фаллической организации, чтобы быть способной как-то принять разницу полов и пережить кастрационную тревогу.

В контексте вышесказанного довольно значимым представляется просветительская деятельность, посвященная женственности и женской сексуальности, поскольку общественные стереотипы, популярные заблуждения и современные реалии в целом способствуют углублению связанных с ними проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Д.* Ненависть в контрпереносе / Романов И. // Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.). СПб.: Академический проект, 2005. 576 с.
2. *Дойч Х.* Психоанализ сексуальных функций женщин / ред. и автор комм. Пол Розен. М.: АО «Т8 Издательские Технологии», 2017. 135 с.
3. *Захер-Мазох Л.* Венера в мехах. М.: Азбука, 2011. 224 с.
4. *Калишед Д.* Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа. СПб.: Академический проект, 2007. 368 с.
5. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 365 с.
6. *Кернберг О.* Отношения любви. Норма и патология. М.: Независимая фирма «Класс», 2017. 251 с.
7. *Кляйн М.* Детский психоанализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010. 160 с.
8. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / пер. А.Ф. Усков. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/107984/KLYaYN_-_Zavist_i_blagodarnost.html (дата обращения: 20.03.2018).
9. *Курню-Жанэн М.* Шкатулка и ее секрет / под ред. Качалов П.В., Россохин А.В. // Уроки французского психоанализа. М.: Когито - Центр, 2017. 559 с.
10. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Логос-Гнозис, 2004. 304 с.
11. *Мантегацца П.* Физиология наслаждений. М.: Профит Стайл, 2012. 480 с.
12. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. М.: Корвет, 2016. 206 с.
13. *Райх В.* Анализ личности. М.: Ювента, 1999. 333 с.
14. *Рихард Фон Крафт-Эбинг.* Преступления любви. Половая психопатия. М.: Алгоритм, 2017. 624 с.
15. *Розенберг Б.* Мазохизм жизни и мазохизм смерти. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с.
16. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: Азбука – классика, 2009. 416 с.
17. *Фрейд З.* Конечный и бесконечный анализ. М.: МГ Менеджмент, 1998. 224 с.
18. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. Харьков: Фолио, 2010. 288 с.

19. *Фрейд З.* Ребенка бьют [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/60734/Freiid_-_Rebenka_b%27yut_-_k_voprosu_o_proishozhdenii_seksual%27nyh_izvrashcheniii.html (дата обращения: 14.04.2018).
20. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. М.: Азбука-Классика, 2010. 256 с.
21. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=195746> (дата обращения: 14.04.2018).
22. *Фрейд З.* Я и Оно. М.: Азбука, 2015. 288 с.
23. *Хорни К.* О происхождении комплекса кастрации у женщин. Доклад на VII Международном Психоаналитическом Конгрессе Берлин, сентябрь 1922 / *Int. J. Psycho - Anal*, V, Part 1 (1924). [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/gp/gp_01.html (дата обращения: 02.05.2018).
24. *Хорни К.* Проблема женского мазохизма. По докладу, представленному на заседании Американской Психоаналитической Ассоциации (Вашингтон, 1933). [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/gp/gp_13.html (дата обращения: 02.05.2018).
25. *Хорни К.* Уход от женственности (Комплекс маскулинности у женщин глазами мужчин и женщин) / *Int. J. Psycho-Anal.*, VII (1926). [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/gp/gp_02.html (дата обращения: 02.05.2018).
26. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках женского Эдипова комплекса / под ред. А. Жибо, А.В. Россохина // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. 385–425 с.
27. *Шассге-Смиржель Ж.* Новое женоненавистничество / под ред. Качалов П.В., Россохин А.В. // Уроки французского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2017. 559 с.
28. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов / пер. Коротецкая А.И. (2016). [Электронный ресурс]. URL: <http://psychic.ru/articles/modern/modern05.htm> (дата обращения: 04.05.2018).
29. *Bak R.C.* The phallic woman *Psychoanal. The Psychoanalytic Study of the Child*. P. 37–46. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00797308.1968.11822947> (дата обращения: 27.04.2018).
30. *Bergler E.* Principles of Self-Damage // *Intl Universities Pr Inc*, 1992. P. 469.
31. *Deutsch H.* Significance of Masochism in the Mental Life of Women / *International Journal of Psychoanalyses*. Vol. 11, 1930. P. 48–60. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scribd.com/document/38635843/Deutsch-Helene-Significance-of-Masochism-in-the-Mental-Life-of-Women-International-Journal-of-Psychoanalysis-Vol-11-1930-48-60> (дата обращения: 05.05.2018).
32. *Green A.* Life narcissism, death narcissism. London: Free Association Books, 2001. P. 280.
33. *Grossman W.* Notes on masochism: A discussion of the history and development of a psychoanalytic concept 1 – *Psychoanalytic Quarterly* 55, 1986. P. 379–413.

34. *Hanly M.* Essential Papers on Masochism. New York and London: New York University Press, 1995. P. 368.
35. *Jones E.* Die erste Entwicklung der weiblichen Sexualität. Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, 1927 / Women and Creativity. A Psychoanalytic Glimpse Through Art, Literature and Social Structure // ed. Tognoli Pasquali L, Thomson-Salo F. – London: Karnac Books Ltd, 2014. P. 322.
36. *Lampl de Groot J.* Problems of Femininity // Psychoanalytical Quarterly. Vol. 2, 1933. P. 489–518. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21674086.1933.11925188> (дата обращения: 05.05.2018).
37. *Loewenstein R.* A contribution to the psychoanalytic theory of masochism, J.Amer. Psychoanal. Assn 5, 1957. P. 197–234.
38. *Mack-Brunswick R.* The Pre-oedipal Phase of the Libido Development (1940) / Female Sexuality. New Psychoanalytic Views. New York: Routledge, 2018. P. 230.
39. *Maleson F.* The multiple meanings of masochism psychoanalytic discourse // Journal of the American Psychoanalytic Association 35, 1984. P.325–356.
40. *McDougall J.* Homosexuality in women. In Female Sexuality // ed.1. Chasseguet-Smirgel. Ann Arbor – University of Michigan Press, 1970. P. 171–212.
41. *Nacht S.* Le masochisme – Payot, 1965. P. 217.
42. *Novick K.K., Novick J.* The essence of masochism. Psychoanalytic Study of the Child 42 – New Haven, Yale University Press, 1987. P. 353–384.
43. *Paullini C.F.* Flagellum salutis // 1 Aufl., 1698.
44. *Rado S.* A critical examination of the concept of bisexuality / Psychosomatic Medicine 2, 1940. P. 459–467. [Электронный ресурс]. URL: https://journals.lww.com/psychosomaticmedicine/Citation/1940/10000/A_Critical_Examination_of_the_Concept_of.7.aspx (дата обращения: 04.05.2018).
45. *Rado S.* Fear of castration in women. The Psychoanalytic Quarterly, 2, 1933. P. 425–475. [Электронный ресурс]. URL: <http://psycnet.apa.org/record/1934-03102-001> (дата обращения: 05.05.2018).
46. *Schaeffer J.* Feminin et refus de feminine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy-luxeuil.fr/2015/02/feminin-et-refus-du-feminin-par-jacqueline-schaeffer.html> (дата обращения: 04.05.2018).

Masochism and rejection of feminine

T.V. Aisina

Aisina Tamara, Master of Psychology (HSE University), Psychoanalytic psychotherapist, Clinical Psychologist.

This work is dedicated to the psychoanalytic perspective on masochism, including the feminine masochism, which is a part of female sexuality. It also addresses the rejection of femininity.

We examined the theoretical works of psychoanalysts devoted to the issue of masochism and to the psychosexual development of women, we also identified the most thoughtful concepts of rejection of femininity out of all currently known and created the main guidelines for further investigation of psychoanalytic theories of masochism and rejection of femininity.

These issues are not only an important part of the whole psychoanalytic view of the individual, but are extremely important for the psychoanalytic understanding of modern man. Therefore studies on this issue can be useful not only in the context of scientific psychology, but also for a psychoanalytical or psychotherapeutic practice.

Keywords: psychoanalysis, psychoanalytic, masochism, female, female sexuality, rejection of femininity, psychosexual development.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миссия прикладного психоанализа: история и современность

В.А. Медведев

Медведев Владимир Александрович – кандидат философских наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта RUSSIAN IMAGO. Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра.

В статье представлен историко-генетический подход к описанию природы и миссии прикладного психоанализа как эффективной комплексной методики антикризисного управления собой, малой группой, социальной элитой, конкретной массой людей или же обществом в целом. В качестве иллюстрации применения подобного рода методики автором предложен анализ ее реализации в сфере организации психоанализа как профессиональной корпорации.

Ключевые слова: психоанализ, прикладной психоанализ, Фрейд, антикризисный менеджмент, психоаналитическая профессиональная корпорация.

Если предварительно договориться о том, что под термином «прикладной психоанализ» мы по сложившейся традиции¹ понимаем любые неклинические формы практического применения фрейдовской концепции бессознательных психических процессов, то получается, что на протяжении уже более чем столетнего периода своего становления и развития он последовательно принимал совершенно разные облики.

Каждая из попыток его создания и развертывания порождала нечто особенное, всегда оригинальное, вполне жизнеспособное и успешно применимое в социокультурной психоаналитической практике; применимое и изначально, и поныне.

Краткий обзор этих попыток, выстроенный по логике их генетической хронологии, демонстрирует весьма любопытную последовательность различных по форме, но единых по содержанию и дополняющих друг друга «прикладных» психоаналитических проектов. Проектов, очевидно не в полной мере реализуемых сегодня в психоаналитической практике, а потому – концептуально эвристичных и перспективных для реализации.

1) Изначально, в 1896–1899 годах, прикладной психоанализ возник как культурологическое обоснование сновидческого самоанализа Зигмунда Фрейда, как некая точка опоры, необходимая для придания «бессознательному психическому» статуса «подлинной реальности», как своего рода страховка в опасном деле погружения в глубинные слои неосознаваемой памяти. Символика мифа и детской сказки, образы художественной культуры (и прежде всего – Софокла, Шекспира и Гете), ассоциативные ряды актуального социокультурного опыта (т.н. «дневного остатка») стали для основоположника психоанализа тем материалом, на проработке которого он создал основы практической (прикладной) психоаналитической процедуры как *культурально нагруженного самоанализа*. В данном своем качестве практический анализ был методически сформирован и предъявлен миру в универсальном виде, приложимом буквально к каждому из нас; и потому книга «Толкование сновидений» до сих пор находится над схваткой различных школ и направлений современного психоанализа.

Уже в этом изначально виде прикладной психоанализ продемонстрировал возможность его использования в качестве своего рода «строительных лесов» для создания «психоаналитичности» как особого типа персонального исследовательского самоотношения. Материалом для построения таких «лесов» для Фрейда послужили иудаистские, древнеегипетские и древнегреческие мифы, дополненные материалами его «семейного

¹ Сам Зигмунд Фрейд эту традицию неоднократно критиковал, признавая за нею, правда, практическую значимость: «Из практических соображений – также и для наших публикаций – мы усвоили привычку отделять врачебный анализ от прикладного анализа. Это неправильно. На самом деле разделительная черта проходит между научным психоанализом и его применениями в медицинской и немедицинской областях» (З. Фрейд, 1927а, с. 348). Но мы в этой статье будем придерживаться именно традиционного понимания «прикладного» психоанализа как сферы психоаналитической практики и связанных с нею объяснительных моделей, непосредственно не связанной с психотерапевтической практикой.

романа», его личной мифологии. Психоанализ же при этом становился процедурой рационально-волевого контроля над собой, средством трансформации индивидуальной психопатологии (наличной или же латентной) в нечто странное, чаще всего описываемое как внутренний диалог в измененном состоянии психики, но при этом интегрируемое в культуру и социальность, и уже потому «нормальное».

Властвовать над собою, т.е. быть субъектом воли, а не игрушкой в руках неосознаваемых, но всевластных детерминантов нашей психики, оказалось возможным лишь на основе продуктивного диалога с собственными глубинными психическими содержаниями². Диалога, переживаемого тем, кто проходит свой анализ, неважно – самостоятельно, в аналитическом тандеме или же в группе.

Таким образом, впервые появившись на свет в качестве практической (культуральной) поддержки процедуры исследовательского самоанализа и более или менее согласованной совокупности обслуживающих такую поддержку гипотез, прикладной психоанализ уже обозначил основной смысл своей миссии, где бы она ни развертывалась. Речь идет об *использовании культурного наследия человечества для внесения порядка и логики³ в Хаос глубин нашей психики, спонтанное саморазвитие которого угрожает самым священным гуманитарным ценностям – здоровью и благополучию индивидов, а также стабильности и эффективности социальных групп.*

2) Небольшая пауза в интеллектуальной и прикладной экспансии психоанализа, возникшая после опубликования «Толкования сновидений» (1900) и заполненная тихой работой самой книги, вербовавшей и знакомившей друг с другом первое поколение психоаналитиков, была использована Фрейдом для того, чтобы превратить призыв к самоанализу («Познай самого себя!») из акта героически рискованного приключения в профессионально ориентированную когнитивную задачу.

Найденное им при зондировании глубин собственной психики знание было развернуто на плоскости обыденного опыта каждого из нас. «Бессознательное» (как совокупное воздействие некоего набора неосознаваемых мотивационных стимулов) было выслежено и обозначено в языковых ошибках и поведенческих промахах, в остроумии и нарушениях памяти, в сексуальном опыте и странностях детского поведения.

Можно сказать, что в этот период, т.е. в 1900–1906 годах, прикладной психоанализ принял форму *провокационной модели «знания о Бессознательном», используемого для формирования*

² Культуральную «развертку» такой возможности, определившую границы свободы воли индивида, Фрейд описал в заключительной главе «Психопатологии обыденной жизни», посвященной проблеме сверхдетерминации психики со стороны бессознательного (З. Фрейд, 1901b, с. 254–292).

³ Возможно, точнее было бы сказать – для внесения иллюзии порядка и логики в форме принимаемых на веру «психоаналитических конструкций». Но такое уточнение ничего не изменит в смысле сказанного, поскольку психоанализ критичен не по отношению к иллюзиям и мифам как таковым; объектом его критики являются лишь патогенные иллюзии и мифы (З. Фрейд, 1927 с).

«психоаналитичности» как особого типа мировоззрения, опирающегося на изначально пугающий тезис о тотальном контроле таинственной «встречной воли» над всей совокупностью наших сознательных намерений.

Это было второе явление миру прикладного психоанализа, явление как методики недирективного ментального контроля над небольшой группой пока еще условных единомышленников, переживающих однотипный опыт соприкосновения с Бессознательным, из которых нужно было сформировать эффективную профессиональную корпорацию. Причем сформировать в парадоксальном режиме, т.е. при отсутствии самой профессии как таковой. Для психоанализа это, к сожалению, типично. *Здесь не профессиональные интересы порождают корпоративность как средство их защиты и обоснования, а напротив – созданная на основании мировоззренческой конгениальности (как своего рода «единоверия») и самовоспроизводящаяся корпоративность порождает профессию, как форму своего ритуального отыгрывания.*

В поле осмысления совместного ритуализированного переживания опыта контакта с Бессознательным («*нуминозного опыта*») все первые сподвижники Фрейда – врачи, художники, музыканты, журналисты и даже один выпускник ремесленного училища – превращались в единое целое, в коллективное тело, абсолютно послушное воле и фантазиям своего лидера и органично принимающее производные от его персональной психодинамики смыслы и символы, а также корпоративные ценности и ограничения.

3) Третий лик прикладного психоанализа обозначил возможность несилового решения задачи контроля над сознанием интеллектуальной элиты, совокупными усилиями которой формируются те смысловые и ценностные модели мировоззренческого уровня, посредством которых человеческое сознание («совместное знание») воспроизводится и системно организуется. Таким образом психоаналитические подходы показали свою эффективность не только в области власти над собой и власти над небольшой группой, сплоченной единым мистическим переживанием, но и как основа властвования над умами, как средство целевого интеллектуального доминирования.

Этот период уже групповой работы первого поколения психоаналитиков (1907–1914 гг.) породил прикладной психоанализ как особого рода гуманитарную метанауку, **как универсальную модель истолкования (интерпретации) культурного достояния человечества и ритуалов цивилизационного освоения последнего.** Эту задачу Фрейд реализовал под весьма характерным лозунгом: «Превратим метафизику в метапсихологию!». Из ближнего круга обыденного опыта «охота за Бессознательным» переместилась на общекультурное поле, где перед ее участниками открылись необозримые горизонты.

Здесь стоит вспомнить знаменитую фрейдовскую метафору из «Тотема и табу» (1912 г.): «Автор находится в положении мальчика, который нашел в лесу гнездо хороших грибов и прекрасных ягод и созывает своих

спутников раньше, чем сам сорвал все, потому что видит, что сам не в состоянии справиться с обилием найденного» (З. Фрейд, 1912–13а, с. 196).

Именно в эти годы из уст основоположника психоанализа впервые прозвучал призыв о пополнении рядов соратников за счет представителей университетского гуманитарного знания (историков, этнологов, антропологов, лингвистов, и пр.), призыв, который был концептуально обоснован в работе О. Ранка и Г. Закса «Значение психоанализа для гуманитарного знания» (1913 г.) (Ранк О., Закс Г., 1913). Напоминаю, что именно этим текстом, наряду с первой частью «Тотема и табу», откуда я позаимствовал приведенную выше фрейдовскую цитату, открывался пилотный выпуск знаменитого журнала «Imago» (подзаголовок которого звучал так: «Журнал о приложениях психоанализа в области гуманитарного знания»).

Сам Фрейд подарил нам в этот период творчества целую россыпь классических образцов искусства интерпретации феноменов культурной среды. Причем речь идет не только о его попытках психоаналитически истолковать религиозные ритуалы, пьесы Шекспира, картины Леонардо или же скульптуры Микеланджело⁴. Практически все опубликованные им в этот период т.н. «классические клинические случаи» («маленький Ганс» и «Дора», «Человек с крысами», «Человек с волками», «Шребер», позднее – «Вильсон») представляли собою исследования отдельных культур или же отдельных их элементов, проведенные на материале индивидуальной психопатологии, которая использовалась как ключ к истолкованию скрытой специфики тех или иных национально-культурных психотипов.

4) Сразу же после окончания Первой мировой войны психоанализ, в военные годы практически лишившийся своей привычной клинической базы, возродился в новом для себя и уже исключительно «прикладном» варианте.

Он предложил союз государственной власти, а его адепты готовы были встать в ряды государственных служащих. Пятый Конгресс IPA в Будапеште (1918) был организован по инициативе и на средства министерств обороны Германии и Австрии, ясно сформулировавших запрос на «социальную терапию» целого поколения людей, травмированных крахом иллюзий имперского величия, мучительно переживавших шок военного поражения и распада традиционного жизненного уклада.

Тут стоит особо отметить, что проекты деятельного сотрудничества с государственными структурами сформировались в психоаналитических сообществах стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне, причем во всех этих странах они в итоге так и не стали реальностью. В Германии, скажем, применение теории бессознательного в области восстановления глубинно-психологических основ традиционной национальной государственности («третьего рейха») было вытеснено архаической мистикой арийского мифа, а в Советской России претензии «фрейдизма»

⁴ В относительно полной своей совокупности русские переводы этих фрейдовских работ были опубликованы в сборнике «Художник и фантазирование» (Фрейд, 1995).

на идеологический контроль были деятельно пресечены вновь сконструированной идеологией т.н. «ленинизма» (т.е. силового государственного контроля, опирающегося на машину аппаратной силовой диктатуры, а не на психотехнологии недирективного управления).

И все же, даже не став востребованным компонентом государственного управления и социального контроля, прикладной психоанализ был внятно сформулирован в этот период (1918–1925 гг.) именно *как идеология, т.е. как теория и практика управления массовыми процессами*.

Концептуальные и методические наработки этого четвертого этапа развития прикладного психоанализа позволяют выстраивать регулятивную работу с массовыми процессами при решении как частных управленческих задач, так и проблемы поддержания самой динамики нефобийного массообразования, т.е. стабильной «социальности» как таковой.

5) Самым же продуктивным временем в развитии прикладного психоанализа стала вторая половина 20-х годов. Начало нового периода этого развития было обозначено работой Фрейда «Проблема дилетантского психоанализа. Дискуссия с Посторонним» (1926 г.), где психоанализу была поставлена новая цель – стать своего рода «светской Церковью» по модели «Армии Спасения» и принять на себя бремя реальной духовной власти (З. Фрейд, 1926е, с. 340). Окончание же периода ознаменовано книгой «Неудовлетворенность культурой» (1930 г.), где основоположником психоанализа была обозначена программа «социальной терапии», т.е. диагностики и психокоррекции целых культурных сообществ (З. Фрейд, 1930а, с. 268–269).

В промежутке между этими датами появилась психоаналитическая концепция культурной среды, обозначившая последнюю как эффективное средство контроля над агрессивностью, изначально присущей человеческим индивидам, и отгремела знаменитая дискуссия о «дилетантском психоанализе» (1926–27), отделившая друг от друга, и концептуально, и организационно, медико-ориентированные (англо-американские) и социокультурно-ориентированные (континентальные) подходы к миссии психоанализа.

В качестве *методики и техники «социальной терапии»* прикладной психоанализ достиг к этому времени высшего уровня своих притязаний на роль универсального инструмента социокультурного контроля (запрета) и управления (предписания). Для приложения нового инструментария к социальному полю Фрейдом была разработана динамическая модель коллективной психики, а также обозначены подходы к практическим методикам коррекции коллективного «Id» (филогенетических ресурсов психики), коллективного «Ego» (цивилизационных ритуалов) и коллективного «Super-Ego» (социальных норм, запретов и предписаний).

Пятый этап помог сформировать методики эффективного политического управления в условиях принятия обществом либерально-демократических ограничителей в отношении властвующей воли. От методологии точечных символических раздражителей психоанализ переходит при этом к формированию системных иллюзий (социальных мифов), к фиксируемым в режиме искусственной коллективной невротичности

массовым фантазиям и ритуальным формам их цивилизационного отыгрывания. На этом этапе решалась задача его превращения в идеальную и эффективную идеологию, основанную на власти актуальных («живых») символов и мифов над поведением индивидов и масс.

б) Шестой этап эволюции прикладного психоанализа (1931–1939 гг.) продемонстрировал возможность *массового (этнокультурного) регулирования поведения людей*, возможность моделировать и корректировать социально-психические процессы национального, цивилизационного и даже планетарного уровня. Абстрактные поначалу идеи «социальной терапии» в поздних фрейдовских лекциях по введению в психоанализ (1933) приобрели воплощение в ряде конкретных прикладных методик; тут стоит вспомнить, например, сформулированную там методику универсальной «психоаналитической прививки» (З. Фрейд, 1933а, с. 569–570), а проведенная Фрейдом в 1938 году операция на теле исторической памяти конкретного этноса – родного ему еврейского народа – открыла новую эпоху в искусстве управления массами, не опирающемся уже на конфронтационные (классовые или же национальные) мифы (З. Фрейд, 1939а).

Завершив эту задачу (а точнее – наметив ее методические контуры, ведь значительная часть еврейского народа все же предпочла сионистский миф психоаналитическому), Зигмунд Фрейд ушел из жизни. Ушел, исполнив взятую на себя миссию и став персонификацией того самого психоаналитического мифа, который он всю свою жизнь создавал и совершенствовал как основание самой возможности любого рода прикладного психоанализа.

Завершая этот историко-генетический обзор, можно сделать вывод о том, что подобного рода подход к прикладному психоанализу позволяет не просто описать его как набор рядоположенных гипотез и методик, а увидеть динамику их вызревания и взаимопроникновения (своего рода методологического сгущения) по мере перехода на новые уровни решаемых практических задач.

В основании же этого видения лежит понимание того, что на любом уровне его рассмотрения *прикладной психоанализ есть эффективная методика антикризисного управления собой, профессиональной группой, социальной элитой, конкретной массой людей или же обществом в целом*⁵.

Эффективность подобного рода антикризисного управления обеспечивается соблюдением главного правила применения психоанализа вне зоны сугубо клинической (психотерапевтической) практики.

⁵ В этом перечне явным образом не хватает упоминания эффективной методики антикризисного управления другим человеком или малой группой. Но здесь специализируется т.н. «клинический психоанализ», традиционно выделяемый из прочих разновидностей прикладной психоаналитической практики в отдельную область профессиональной деятельности. И потому, следуя логике такого искусственного разделения, мы тут не упоминаем и не анализируем эти управленческие возможности психоанализа.

Сформулировать это правило можно следующим образом: *на каком бы уровне мы не решали управленческие задачи: в рамках исследовательского или тренингового самоотношения, в области индивидуально-го или группового консультирования, при работе с организациями, с динамикой массовых процессов и т.д. – мы всегда ориентируемся на решение многоуровневой комплексной задачи, включающее в себя все перечисленные выше концепции и методические подходы, созданные Зигмундом Фрейдом, его учениками и последователями.*

Причем такое решение всегда «психоаналитично». Это означает, что, во-первых, оно принципиально конкретно, привязано к актуальной индивидуальной, групповой или массовой психодинамике, погруженной «здесь и сейчас» в конкретный социокультурный контекст. А во-вторых, оно основано на опыте обобщения содержания опять же актуальной, «здесь и сейчас» развертываемой, клинической практики, становящейся, таким образом, своего рода экспериментальной базой для любых прикладных психоаналитических исследований и разработок.

Здесь можно (и даже должно) подчеркнуть, что *прикладного психоанализа как отдельной самостоятельной концепции и реализующих ее методик узко специализированной профессиональной деятельности нигде и никогда не существовало.* А существовал всегда и существует доныне психоанализ как неразрывное единство метапсихологических принципов, теоретических концепций и их практических приложений, совместно реализуемых в уникальной управленческой ситуации, рассматриваемой в контексте конкретного типа «соприкосновения с Бессознательным» индивидов, групп и человеческих масс.

Каждый из описанных нами выше этапов эволюции прикладного психоанализа представлял собою вариант синтеза психоаналитической теории бессознательных процессов (в том ее виде, в каком она сложилась к определенному времени) и конкретной управленческой задачи (задачи упорядочивания Хаоса), которую никак не удавалось решить традиционными методами. Причем синтез этот формировался не на голом месте, а с активным привлечением ряда традиционных и актуальных содержаний культурной среды и описывающего ее гуманитарного знания. Психоанализ же служил при этом не просто фундаментом для подобного культурального синтеза, но и связующей средой, универсальной описательной моделью и прикладной методологией, для всех его разнородных и перманентно изменяющихся компонентов.

Алгоритм психоаналитического «антикризисного управления» весьма эффективен, но столь же и разрушителен. *Психоанализ не помогает преодолеть изначальный конфликт; он убивает проблему вместе с ее первопричиной* (невротическим типом самоотношения, разрушительной групповой динамикой, уязвимой идеологической системой или же патогенной филогенетической традицией, господствующей над этносом).

Но это «убийство» не фатально. За анализом всегда следует синтез, за критикой и разрушением – обоснование и созидание. Подрывая патогенные иллюзии и мифы, прикладной психоанализ формирует новую веру, новые иллюзии и новые смыслы. Формирует, каждый раз выстраивая

уникальную «психоаналитическую конструкцию», суггестивно ее закрепляя и подключая к эмоциональной и деятельностной жизни людей.

Итак, резюмируем: *антикризисное управление, основанное на коррекции индивидуальной, групповой или же массовой динамики регулирования глубинных психических процессов – это и есть миссия прикладного психоанализа как социально ориентированной практики.*

Традиция психоаналитической дидактики требует тут пояснительного и наглядного примера применения подобного рода комплексной и всегда конкретно реализуемой прикладной психоаналитической процедуры. Любого рода рассуждения на тему психоанализа должны результироваться конкретным «кейсом», т.е. демонстрацией их практического применения; в прикладном психоанализе это требование не менее очевидно, чем в клиническом.

При попытке следовать этому правилу мы сталкиваемся с проблемой, причину которой здесь анализировать не будем (она требует отдельного и подробного разговора), но попробуем рассмотреть ее феноменально, в режиме описания.

Дело в том, что прикладные психоаналитики «постфрейдовской» эпохи, в отличие от самого Фрейда, последовательно расширявшего диапазон применимости психоанализа при решении антикризисных управленческих задач с сохранением единства многоуровневой («синтетической») теории и методологии прикладного психоанализа, зачастую не полагали и не полагают подобного рода «синтетичность» обязательной. Они работают на различных уровнях организации и проведения прикладных психоаналитических практик: персональном, групповом, организационном, массовом, национальном; работают, прагматически решая поставленные перед ними задачи, но не подключая к их решению весь потенциал прикладного психоанализа.

При этом различные прикладные задачи: персональный мотивационный психоаналитический тренинг, групповой или организационный консалтинг, психоаналитические экспертные и методические разработки в области политанализа, рекламы, связей с общественностью, работы в медиа-средах и т.п., проводятся изолированно от прочих форм прикладных психоаналитических практик, от их концептуальных и методических обобщений. А «психоаналитичность» такой работы, порою оторванной к тому же и от актуальной клинической практики, и от фрейдовской метапсихологии, зачастую сводится лишь к терминологической «обертке», под которой таятся традиционные манипулятивные методики.

И все же есть один пример (прикладной психоаналитический «кейс»), на котором можно проследить взаимодействие всех шести уровней прикладной психоаналитической практики, увидев их в их реальном, конкретном и продуктивном взаимодействии.

Это пример системной и многоуровневой самоорганизации самого психоаналитического сообщества.

Тут стоит особо подчеркнуть, что, следуя великому принципу: «Врачу, исцелися сам!», психоанализ (и прикладной, и клинический) обязан прежде всего своим собственным персональным составом и своей собственной корпоративной организацией демонстрировать декларируемые им возможности в области управления динамикой психического здоровья и коммуникативного успеха. Понятие «дикого» психоанализа соответствует, по моему мнению, той недопустимой ситуации, когда «психоаналитик-клиницист» решает на доверившемся ему пациенте свои личные невротические проблемы, а «психоаналитик-прикладник» пытается выбиться из элементарной нищеты, громогласно предлагая на продажу «универсальные технологии эффективного управления и контроля».

Давайте попробуем провести своего рода «инвентаризацию» актуального состояния эффективности современного прикладного психоанализа на всех уровнях решаемых им внутрикорпоративных задач:

– в качестве концептуально нагруженного самоанализа прикладной психоанализ эффективно применим сегодня в сфере профессионального психоаналитического тренинга;

– в качестве провокативного «знания о бессознательном», стимулирующего самоорганизацию групповых процессов в русле эффективной профессиональной деятельности, прикладной психоанализ весьма эффективно работает в системе профессионального психоаналитического обучения;

– как увлекательная интерпретационная игра он используется сегодня достаточно широким слоем интеллектуалов (называемым Фрейдом «амортизационным слоем психоанализа») для обозначения своей культурной инаковости, своей критичности по отношению к обыденной реальности культуры, языка, идеологии и социальности. Сегодня, правда, в данном отношении чаще используется не классический психоанализ, а производные от него интеллектуальные традиции, преломляющие критический заряд идей Фрейда через работы Гуссерля, Хайдеггера, Дерриды, Фуко, Делёза с Гваттари и прочих культовых авторов контркультурных концепций;

– описанные Фрейдом прикладные психоаналитические методики выстраивания закрытой и эффективно управляемой массы по типу пирамидально организованного «религиозного ордена», т.е. чего-то среднего между церковью и войском, и контроля над нею нашли себе применение в организации корпоративной среды психоаналитических сообществ;

– в качестве «социальной терапии» как комплексного организованного вторжения в основы коллективной мифологии, ритуалистики, динамики группового Super-Ego и пр. прикладной психоанализ неоднократно применялся в новейшей истории психоаналитического движения во время каждого этапного пересмотра классического наследия, т.е. каждого рецидива отыгрывания «мифа об отцеубийстве». Сегодня результаты этого «коррекционного мифотворчества» существуют под обобщенным наименованием «современный психоанализ».

В этом *внутрикорпоративном применении* психоаналитических управленческих технологий находят выражение все наработанные Зигмундом Фрейдом и изначально заложенные им в содержание психоаналитического профессионального тренинга и психоаналитической профессиональной корпоративности технологии эффективного антикризисного управления.

И не просто находят выражение, но и активно применяются, воспроизводятся в актуальном виде, сохраняя и приумножая свой управленческий потенциал. Причем потенциал высочайшего уровня действенности и проработанности, поскольку особый характер и персональной «психоаналитичности», и психоанализа как профессии формирует уникальные требования к персональному тренингу, к обучению, к супервизионному контролю (индивидуальному и групповому) и к корпоративной организации.

Но вне самой психоаналитической корпорации в определенной своей части, и прежде всего – в своем комплексном, многоуровневом и системном применении, этот управленческий потенциал прикладного психоанализа видится сегодня не полностью реализованным.

Это объясняется как отсутствием системной специализированной профессиональной подготовки – «прикладного», т.е. ориентированного на исключительно социокультурные практики антикризисного управления, психоаналитического обучения и тренинга, так и сложностью согласования опыта клинических и прикладных практик.

В качестве практически единственного позитивного примера продвижения в России опыта и такой подготовки, и такого согласования можно назвать, пожалуй, только магистерские программы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и бизнес-консультирование».

Данный опыт позволяет именно в Журнале клинического и прикладного психоанализа НИУ ВШЭ ставить подобного рода вопросы и квалифицированно обсуждать пути и механизмы их решения.

Для выхода современного глубинно-психологического знания и связанных с его применением управленческих технологий за пределы того узкого корпоративного круга, внутри которого они ныне воспроизводятся, необходимо построить новый вариант приложения теории бессознательных психических процессов к болевым точкам нашей сегодняшней жизни; построить рабочую, привязанную к социокультурным реалиям, модель «прикладного психоанализа» и применить ее при решении назревших управленческих антикризисных задач. Причем таких задач, которые уже и вправду не поддаются никакому иному их разрешению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведев В.* В поисках жанра: прошлое, настоящее и будущее прикладного психоанализа в России // *Russian Imago 2001. Исследования по психоанализу культуры.* СПб: Алетейя, 2002. С. 499–530.

2. Ранк О., Закс Г. Значение психоанализа в науках о духе. СПб.: Книгоиздательство М.В. Попова, 1913. 178 с.
3. Фрейд З. (1900а) Толкование сновидений // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. М.: «Фирма СТД», 2008. 680 с.
4. Фрейд З. (1901b) Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 8. СПб.: ВЕИП, 2018. С. 25–292.
5. Фрейд З. (1912–13а) Тотем и табу // Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. Книга первая. Тбилиси: Мерани. 1991. С. 193–350.
6. Фрейд З. (1926е) К вопросу о дилетантском анализе: беседы с посторонним // Фрейд З. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 271–341.
7. Фрейд З. (1927а) Послесловие к «Вопросу о дилетантском анализе» // Фрейд З. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 342–349.
8. Фрейд З. (1927с) Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 135–190.
9. Фрейд З. (1930а) Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 191–270.
10. Фрейд З. (1933а) Новый цикл лекций по введению в психоанализ // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 1. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 438–599.
11. Фрейд З. (1939а) Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 455–584.
12. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.

Mission of applied psychoanalysis: history and modernity

V.A. Medvedev

Medvedev Vladimir Aleksandrovich – Ph.D., full member and head of the Russian branch of the International Society for Applied Psychoanalysis (ISAP), head of the international research project RUSSIAN IMAGO. Director of educational programs of the St. Petersburg Psychoanalytical Center.

The article presents a historical and genetic approach to describing the nature and mission of applied psychoanalysis as an effective complex method of anti-crisis management of oneself, a professional group, social elite, a specific mass of people, or society as a whole. As an illustration of the application of this kind of technique, the author proposes an analysis of its implementations in the field of organizing psychoanalysis as a professional corporation.

Keywords: psychoanalysis, applied psychoanalysis, Freud, anti-crisis management, psychoanalytic professional corporation.

ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП

Пять базовых допущений

Журнал «Свободные ассоциации» (1996)

Том 6. Часть 1 (№ 37): 2855

*Гордон В. Лоуренс, Алистер Бэйн
и Лоуренс Д. Голд*

*(Перевод с англ.: Екатерина Джабар-Заде,
Научный редактор: Екатерина Шаповалова)*

Гордон В. Лоуренс – доктор эконом. наук, управляющий партнер Symbiont Ventures, (Лондон). Приглашенный профессор Cranfield School of Management (Бедфорд), Университета Нортумберланд (Ньюкасл) и Нового болгарского университета. В 1970-е являлся старшим исследователем Тавистокского института человеческих отношений (Лондон).

Алистер Бэйн – социоаналитик, прошедший тренинг и работавший консультантом в Тавистокском Институте (Лондон). Основные профессиональные интересы – применение матрицы сновидений в группах и организациях, работы Вилфреда Биона, исследование нового через социоаналитические практики.

Лоуренс Д. Голд – Ph.D., профессор психологии в Сити Университете Нью-Йорка, директор-основатель социоаналитической тренинговой программы по организационному развитию и консультированию в Институте Психоаналитического Тренинга и Исследований (IPTAR), содиректор программы по организационному развитию и консультированию в Центре Зигмунда Фрейда в Университете Иврита (Иерусалим). Член Ассоциации OFЕК. Один из основателей Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

В своей ключевой работе о группах У. Бион исследует механизмы бессознательного функционирования индивидов в группах и приходит к выводу о существовании групп базового допущения – трех возможных форматах бессознательного ментального функционирования группы, которые препятствуют выполнению группой своей рабочей задачи, и противопоставляются формату рабочей группы. К трем группам базового допущения – зависимости, парности и бей-беги – позже Пьер Турке добавляет четвертый тип – группу базового допущения единства.

Авторы статьи, основываясь на обширном опыте руководства и консультирования в ходе конференций по групповым отношениям, предлагают пятый типа базового допущения – «мне». Представленная работа исследует и поясняет пятое базовое допущение и его проявление в группах, институтах и обществах в традиции Биона. Базовое допущение «мне» может быть соотнесено как с другими базовыми допущениями, так и с рабочей группой.

Ключевые слова: базовые допущения, рабочая группа, Бион, Турке, конференции по групповым отношениям.

В 1961 году вышел замечательный текст Уилфреда Биона «Опыт в группах» (Bion, 1961): важный этап в развитии мысли концептуализация бессознательного функционирования людей в группах. Сформулированные им рабочие гипотезы о психической активности участников групп выдержали проверку временем. Отчасти это произошло благодаря рабочим конференциям по групповым отношениям, которые взяли свое начало из идей Биона и тщательно прорабатывались сотрудниками этих рабочих конференций в течение долгого времени. Но даже если бы не было подобных конференций, работы, лекции и мемуары Биона обеспечили ему почетное место в истории развития психоаналитической мысли о социальных группах, институтах и обществе.

Современная история развития групповых отношений в традиции Бион-Тависток была представлена Э.Д. Миллером (Miller, 1990). Рабочие конференции были созданы Лестерским университетом и Тавистокским институтом человеческих отношений в 1957 году. Последующие конференции обязаны своим существованием поздним работам А.К. Райса. Его четкость в концептуализации подарила рабочим конференциям свой образ, который существует и по сей день (Rice, 1965). В конечном счете, однако, развитие любых групповых отношений базируется на идее Биона, представляющей собой эвристическую перспективу для разгадки бессознательного функционирования групп.

Этот обзор мы пишем, опираясь на наш опыт, полученный в роли консультантов и ведущих рабочих конференций, а также на нашу практику в качестве социологов, организационных консультантов, психоаналитиков и преподавателей университетов.

Мы были связаны с развитием направления групповых отношений большую часть нашей жизни, и каждый из нас пытался внести свой вклад в понимание групп через непосредственное участие в конференциях и описание этого опыта. В последние годы на конференциях мы работали в

двух ролях: ведущего и консультанта. Несмотря на то что сложная задача ведущего приносит нам много удовольствия, мы с охотой берем на себя и роль консультанта в малой и большой группах, так как много неизвестного скрывается в поведении группы¹. Это позволяет нам также понимать, что происходит в группах людей, которые старше нас. Для нас это симбиоз отношений между нашей практикой и развитием направления групповых отношений. Социальные феномены бессознательной природы, которые мы находим в одном контексте, тестируются в другом контексте, и наоборот.

Именно этот опыт позволяет нам представить пятое базовое допущение группы в дополнение к рабочей группе и трем базовым допущениям, которые описал Бион, и еще одному базовому допущению, которое обнаружил Пьер Турке. Это пятое базовое допущение группы мы назвали Базовое Допущение *Мне*² (bаМ).

Цель данной работы заключается в проработке и объяснении базового допущения *Мне* (bаМ) в группах, институтах и обществах, следуя традиции Биона, в том, как оно соотносится с рабочей группой и другими группами базовых допущений. Мы в тоже время размышляем о конкретном контексте, в котором живем и работаем. Мы знаем, что в области психоанализа есть растущий интерес к лечению нарциссических расстройств. Тем не менее мы не хотим объяснять базовое допущение *Мне* в терминах индивидуального нарциссизма, как это можно обнаружить в работе с клиентами и пациентами, потому что фокусируемся на базовом допущении *Мне* (bаМ) как на культурном явлении. Наиболее уместна для нас социальная критика постиндустриального общества, прозвучавшая в работах Кристофера Лаша «Культура нарциссизма» (Lasch, 1978), Роберта Белла и коллег «Привычки сердца» (Bellah et al. 1985) и Джона Кэри «Интеллектуалы и массы» (Carey, 1992).

Рабочая группа и группы базового допущения Биона

Существует множество толкований формулировки Биона о группах, но ни одна не может повторить яркость оригинала. Как и его бразильские и нью-йоркские лекции, «Опыт в группах» требует пристального и многократного внимания. Тем не менее для целей данной работы есть необходимость представить еще один отчет о его рабочих гипотезах.

Одной из основных гипотез Биона была гипотеза о том, что в момент, когда группа людей встречается и что-то совместно реализует, например решает какую-то задачу, на самом деле возникают две группы, или две

¹ Имеются в виду роли *ведущего* и *консультанта* в рамках Конференции по групповым отношениям, в ходе которых работа участников происходит в нескольких различных форматах: малая группа, большая группа, прикладная группа, межгрупповое взаимодействие, пленарное заседание. – Прим. ред.

² «Meness» – дательный падеж местоимения «я» в названии указывает на утерю важности «я как части системы», вступающего в отношения с другими, и имеет значение только то, что другие могут дать «мне».

конфигурации психической деятельности, представленных в одно и то же время. Формируется сложная *рабочая группа* (именуемая W-группа, work group или рабочая группа), и эта группа постоянно попадает под влияние, которое оказывает на нее другая группа психических явлений (*Bion, 1961, p. 129*), которую Бион и назвал группой базовых допущений (так называемые ба-группы, *basic assumption group*).

Что означает – быть в состоянии рабочей группы (W-группы)? Это опыт пребывания в группе, в которой все участники объединены основной задачей, потому что они в полной мере осознают стоящую перед ними цель. Они сотрудничают, потому что в этом их намеренное желание. Они ищут знания через использование своего опыта. Они исследуют реальность в научном ключе, тестируя гипотезы и осознавая процессы, которые в дальнейшем будут способствовать обучению и развитию. По сути, рабочая группа мобилизует у ее участников сложную умственную деятельность, которую они проявляют посредством зрелого функционирования. Они управляют психической границей, разделяющей внутренний и внешний мир. Они стремятся управлять собой в своих ролях как члены рабочей группы. Кроме того, участники способны удерживать в сознании идею целостности и взаимосвязанности с другими системами. Участники группы используют свои навыки для понимания внутреннего мира группы как системы, по отношению к реальности внешнего окружения. В рабочих группах участники способны понять психическую, политическую или духовную взаимосвязь, в которой они находятся и совместно творят. Рабочая группа может рассматриваться как открытая система. Основным ресурсом на входе являются люди и их ум, и они способны превратить опыт в инсайт и понимание.

Группы, которые действуют в этой последовательно рациональной манере, встречаются редко и, возможно, являются всего лишь идеализированной конструкцией. В действительности поведение людей в группе часто находится в другом измерении. Гениальность Биона заключалась в следующем наблюдении: люди в группах порой ведут себя в психотическом манере, точнее, групповая психическая деятельность уводит рабочий процесс группы в состояние, подобное временному психозу. Изабел Мензис Лиф проясняет этот момент: «Тонкость интуиции Биона заключалась в выявлении менее очевидных, но чрезвычайно влиятельных психотических явлений, которые возникают в группах, внешне ведущих себя разумно, хотя и немного странно; группах, участники которых являются клинически нормальными людьми или невротиками и работают более-менее эффективно» (*Menzies Lyth, 1981, p. 663*).

Термин «психотический», использующийся в этом контексте, указывает на «снижение эффективного контакта с реальностью», если цитировать Мензис Лиф. Эта ментальность группы имеет особое влияние, под воздействием которого индивид, несмотря на все его сложные и зрелые навыки, регрессирует и оказывается временно в примитивном расщеплении и проективной идентификации, деперсонализации и инфантильной регрессии.

Бион дал общее представление от трех группах базового допущениям (ba-группах). Участники группы базового допущения ведут себя так, «будто» они молчаливо разделяют одно и то же бессознательное допущение. Жизнь в группе базовых допущений (ba группа) ориентирована на внутреннюю фантазию, а не на внешнюю реальность. Идентифицировать базовое допущение означает придать смысл поведению группы и выяснить, почему она не функционирует как рабочая (W) группа. Три группы базового допущения по Биону звучат так: зависимость (baD); борьба или бегство (baF/F); и образование пары (baP).

В реальной жизни участники группы будут всегда колебаться между состоянием рабочей группы и этими базовыми допущениями. Каждый человек обладает «валентностью» к конкретному базовому допущению: «способностью к мгновенному и непроизвольному объединению одного человека с другим для разделения и взаимодействия на основании базового допущения, будь то зависимость, борьба/бегство или образование пары» (Bion, 1961, p. 153).

Каков эмоциональный опыт пребывания в группе baD (*basic assumption Dependency*), в группе базового допущения зависимости? Цель членов этой группы и допущение, в котором они работают, – собраться, чтобы чувствовать безопасность и защиту от одного из участников группы. Лидер наделен качествами всемогущества и всезнания. Он или она идеализирован(а) и представлен в виде бога. Ощущение такое, что только лидер знает и только он может решить проблемы окружающей группу действительности. Такой лидер является магической персоной, которому не нужна информация, он или она может предвидеть. В таких группах ментальность и культура таковы, что отдельные ее члены становятся все более и более неумелыми, а информация о реалиях происходящего все менее и менее доступной. В воздухе витает безвременье о группе, которое рождает ощущение, что группа никогда не закончится.

Одно явление, связанное с этим типом группы – это превращение индивида в по-настоящему глупого «манекена», которого обучают всему другие члены группы в образе коллективной «мамочки». Похожий процесс возникает, когда один член группы, будучи объектом заботы для других членов группы, продолжает эту заботу получать. Вариация на эту тему – это когда кто-то «случайно» выставляется неадекватным, даже если дело доходит до временного срыва.

Опыт пребывания в группе базового допущения «образование пары» (baP, *basic assumption Pairing*) – это пребывание в группе, с энтузиазмом настроенной на идею поддержки двух ее членов, которые произведут на свет новую лидерскую фигуру, берущую на себя всю ответственность за безопасность группы. Бессознательное желание заключается в том, что пара создаст Мессию, Спасителя, в виде человека или организующей идеи, вокруг которой они смогут объединиться. Пол этих двух людей в паре не имеет значения. Этос (характер) этой группы – надежда и ожидание. Суть тем не менее не в будущем фактическом событии, а в чувстве надежды в непосредственном текущем моменте. Группа живет в надежде на новое творение – Утопию; утопическая мысль в том, что все проблемы

существования будут решены. Не будет никаких разрушительных чувств, отчаяния или ненависти. Но в действительности ничего не должно быть создано; в противном случае надежда исчезнет.

Третья группа базового допущения по Биону – бей или беги (baF/F, *basic assumption fight or flee*), которое он видит как две стороны одной медали. Какой же опыт пребывания в этой культуре? Бессознательное допущение группы заключается в том, что они встретились для действия, которое позволит им сохранить себя, борьбы против кого-то или чего-то или бегства от этого. Человек менее важен, чем сохранность группы. Понятно, что культура этого базового допущения глубоко антиинтеллектуальна и будет порицать любое интроспективное поведение, которое пытается достичь самоосознанности через исследование себя. Лидер в такой культуре имеет решающее значение, потому что он или она являются лидером действия: либо в борьбе, либо в бегстве. Идеальная характеристика лидера – быть параноиком, без всякого намека на депрессивные качества, быть в состоянии назвать источники преследования, даже если их не существует в реальности. От лидера ожидается безошибочно идентифицировать врага и опасность и испытывать ненависть к ним. Группа дает лидеру возможность развернуть ее от борьбы к бегству, и наоборот, как поступал со своими людьми великий старый Йоркский герцог. У лидера есть власть, потому что он или она могут играть на подавляющем чувстве паники, которое испытывает группа.

Базовое допущение «единства группы» Турке

К этим трем базовым допущениям групп по Биону, Турке добавил четвертое – единство (baO, *basic assumption oneness*). Базовое допущение единства является психической деятельностью, в которой «участники стремятся присоединиться к влиятельному и недоступному союзу, обладающему всемогущей силой, они хотят отдаться ему, став пассивными участниками, и тем самым почувствовать свое существование, благополучие и целостность» (Turquet, 1974, p. 357). В той же работе он добавляет, что в baO: «член группы теряется там в океаническом чувстве единства, или, если единство персонифицируется, становится частью армии спасения».

Это желание стать «частью армии спасения» можно увидеть, работая институционально, например в том, как религиозные люди предаются харизматическим движениям. Они хотят быть единым целым с Богом, не иметь границ между человеческим и тем, что может быть божественным, говорить на одном языке. В качестве противоположности единству мы предлагаем другое базовое допущение группы – обособленность, которая ненавидит идею «мы». Формулируя это более аккуратно: базовое допущение Мне (baM) приравнивается к базовому допущению «Нет-Единству» (ba not-O).

Базовое допущение «Мне»: контекст

Мы предполагаем, что базовое допущение Мне (баМ) становится все более заметным в нашей индустриальной культуре. Здесь мы подчеркиваем, что под баМ мы понимаем культурный феномен, порожденный сознательными и бессознательными социальными тревогами и страхами. В частности, мы выдвигаем идею, что жизнь в современных, турбулентных социумах становится более рискованной, поэтому человек все больше прячется в своей внутренней реальности, чтобы исключить и отрицать тревожные реалии внешней среды. Таким образом, внутренний мир, приходящий на помощь, делает ситуацию комфортнее. Возможно, потому что во внутреннем мире можно придерживаться привычных клише и следовать им без страха быть оцененным другими. «Англия – зеленая и приятная земля», «мой дом – моя крепость» – в это можно поверить, потому что изменения реальности внешнего окружения и реальный опыт внешней среды отрицаются.

Несмотря на то, что всегда существуют различия в национальных культурах, есть поразительное сходство у тех культур, которые разделяют одну индустриальную историю и стремления. То, что все они разделяют, – это атмосфера персекуторных, подобных стрессу, чувств. Экономическое падение Британии, Америке и Австралии повлияло на многих людей среднего и низшего классов. Безработица подорвала уверенность менеджера класса, позволившего себе поверить, что их работа всегда будет в безопасности. В Британии рекордное число банкротств. Среди которых люди, попытавшиеся взять на себя ответственность за свои жизни, принимая риск, связанный с открытием малого бизнеса, и в результате потеряли средства к существованию, а во многих случаях и свои дома.

В Соединенных Штатах Америки в последние годы тяжелые последствия экономического спада разожгли политическую ненависть. Процентные ставки упали, случаи банкротств банков участились, Федеральная корпорация страхования депозитов была угрожающе недофинансирована. Количество бездомных драматически возросло. В условиях всего этого было безумием покупать акции, которые двигали фондовый рынок наверх по мере того, как люди пытались обеспечить для себя финансово стабильное будущее.

В Европе мы можем только с опасением наблюдать за тем, что происходит в странах бывшего Восточного блока, которые сейчас разделяют ценностикапиталистического образа жизни. Россия сама по себе экономический банкрот, пошатывается в условиях политического коллапса. Словаки теперь отделены от Чехословакии, газеты называют это «бархатным разводом». В Словакии 600 000 венгров, которые захотят отстаивать свои права. В Трансильвании, вероятно, будут соперничать между собой Румыны и Венгры.

Политика Балкан, которая так занимала государственных деятелей до Второй мировой войны, снова актуальна. Один из возможных сценариев эскалации – Албания, Болгария, Греция и Турция ввязываются в войну, это следствие боснийского конфликта, протекающего в Косово, который

является сербской провинцией с албанским большинством. Война может начаться в Македонии, где много соперников, или в Сандждаке, который является сербским, но заселен мусульманами, или в Хорватии.

Главным социальным феноменом, который появляется в этих странах бывшего Восточных блока, как мы предполагаем, является процесс «трайбализации» (англ. *tribe*, племя), который заставляет людей вновь подтверждать свою первичную национальную идентичность. Это сложный процесс, потому что нет четких совпадений между национальной идентичностью и национальной территорией. В Эстонии, Латвии и Литве большая диаспора русских, существующая со времен советской империи. В таких страна, как Польша и Чешская Республика, много немцев, осевших в результате исторических процессов и почти забытых мирных договоров. Как следовало ожидать, евреи вновь подвергаются преследованию, поскольку их обвиняют в разрушении любой страны, резидентами которой они являются. Это особенно верно для Венгрии, один из политиков которой использует тот же язык и метафоры, что и нацисты.

По мере того как рушится монолитная политическая структура во всех этих странах, мы наблюдаем людей, подталкиваемых к режиму функционирования Мне, которые приходят в ярость, например, как в бывшей Югославии. В общем смысле, мы хотим сказать следующее, что данные типы турбулентности испытывают все промышленно развитые общества – и мы только что их обозначили, – поэтому человек теряет веру в любую структуру, большую, чем сам человек, будь она хорошей или плохой. Вкратце, по мере того, как среда становится все более преследующей в реальности, у людей возникает на это одна реакция – уйти в себя, чтобы защититься от этого влияния. Другой способ выразить это – сказать, что мы наблюдаем социально индуцированное шизоидное расстройство. Это не означает, что люди сами по себе являются шизоидами, но они начинают вести себя подобным образом под влиянием социальных и политических условий.

В то же время мы хотим удержать то, что может быть позитивным, и рассматривать *baM* как временное культурное явление, важное в данный момент в истории. Мы предполагаем, что будущее несет множество вызовов самой природе передовых индустриальных обществ, в которых мы живем. Это экономические, политические, социальные, экологические и духовные вызовы. Они возникают из кумулятивных изменений в наших условиях, которые системно друг с другом взаимодействуют. Мы наблюдаем создание крупных единых экономических рынков, возрастание международной конкурентоспособности, изменение политической, социальной и культурной идеологии, смену религиозной принадлежности и убеждений, продолжающуюся революцию в технологиях. Как мы показали, происходит рефрейминг отношений между Западным и Восточным, Северным и Южным полушариями. Следовательно, мы на Западе не можем позволить себе питать какие-либо фантазии о колонизации, т.е. мобилизации базового допущения зависимости (*baD*), но можем попробовать найти пути создания симбиотических отношений, которые способствуют

взаимозависимости и сотрудничеству, т.е. воздержаться от всех конфигураций базовых допущений.

Последствия этих изменений могут быть интерпретированы как начало конца развитых индустриальных обществ, о котором они уже и так знали, и возникновение обществ, которые должны быть открыты. Турбулентность эко-среды, в которой народы мира ведут свои дела, как это ни парадоксально, дает возможность инициировать трансформацию, в которой мы берем в будущее лучшее из того, чему научились в прошлом, и концентрируемся на этом желаемом будущем.

В самом благоприятном случае мы допускаем, что опыт культуры baM (базового допущения Мне) может быть тем опытом, который должен быть пройден, чтобы достичь состояния рабочей (W) культуры. Так же как французская революция мобилизовала базовое допущение «борись или беги» (baF/F), чтобы присоединиться к республиканцам и демократам, а Кромвель разбил базовое допущение зависимости (baD) британцев от божественного права короля, так, возможно, и базовое допущение Мне (baM) станет переходным культурным опытом.

Базовое допущение «Мне»

Наша рабочая гипотеза заключается в том, что базовое допущение Мне (baM) возникает тогда, когда люди находятся в пространстве и времени с основной задачей, т.е. встречаются для того, чтобы что-то сделать совместно в молчаливом, бессознательном допущении, что группа должна быть не группой. Только люди, которые присутствуют в этой группе, связаны и разделяют в своем сознании образ «группы» как недифференцированной массы. Поэтому они действуют так, как если бы группы не существовало, потому что, если бы она действительно существовала, то была бы источником преследующего переживания. Идея «группы» является заразной, табуированной, нечистой, и в итоге, все, что с ней связано, становится негативным. Люди ведут себя так, как будто группа не имеет и никогда не может иметь реальности, потому что единственная реальность, которая рассматривается и принимается во внимание, – это реальность личности. Это культура эгоизма, в которой люди проявляются только для того, чтобы осознавать свои границы и охранять их от любого вторжения со стороны. Природа таких транзакций инструментальна, там нет места для чувств, которые могут быть опасными, и никто не знает, куда эти чувства могут завести.

Главное отличие baM от других базовых допущений состоит в том, что в случае с базовым допущением Мне (baM) группа является невидимой и непознаваемой, тогда как в культурах других базовых допущений человек является невидимым и непознаваемым. В культурах базовых допущений baD, baF/F, baP и baO человек теряется в группе. В культуре baM первичная тревога в том, что человек будет потерян в группе, если эта группа когда-либо возникнет. В то время как базовые допущения групп в целом являются бессознательными системами защиты против переживания тревоги и тестирования реальности в конфигурации рабочей группы,

культура *baM* является бессознательной системой защиты и против рабочей группы, и против других групп базовых допущений. В некотором смысле *baM* может возникнуть, потому что другие базовые допущения первоначально были в опыте. Можно заявить не без преувеличения: возможно базовое допущение Мне (*baM*) – это результат исторического процесса рабочих конференций, которые существуют в течение почти сорока лет. Люди посещают эти конференции, потому что они хотят узнать о функционировании группы. Они также верят, что переживать поведение группы в рамках базового допущения – это быть втянутыми в процесс, который, по их мнению, они не могут контролировать. Они хотят достичь рабочего (*W*) состояния настолько быстро и легко, насколько это возможно. Поэтому они присутствуют в конференции. Есть большое желание узнать, но также есть сильное стремление не делать этого. Следовательно, *baM* появляется как сопротивление двум линиям поведения, поведению в рамках рабочей группы и поведению в рамках группы базовых допущений. Парадокс заключается в убеждении, что только индивид может постичь и узнать что-либо, но это же убеждение заставляет людей совместно создавать и действовать в группе базовых допущений. Таким образом, они входят в группу базового допущения, несмотря на все их усилия избежать этого опыта.

В базовом допущении Мне (*baM*) человек как бы является автономной группой и действует в рамках ее правил. Культура *baM* не терпит коллективной деятельности рабочей группы, потому что культура *baM* озабочена только собой. Культура *baM* больше про обращение внимания на частные проблемы, чем на общественные вопросы, это классическое различие, по мнению С. Райт Миллса, потому что общественные вопросы никак не связаны с конкретными людьми.

Наша проработка базового допущения Мне (*baM*) начинается с идеи Турке об одиночке. Турке (*Turquet, 1974*) писал в начале 70-х, и то, что он говорил, было актуально, а для отдельных участников это по-прежнему является одним из способов понимания процесса трансформации, который они могут получить через опыт участия в большой группе.

Турке в своем анализе феноменологии переживаний человека, статус которого меняется в результате участия в большой группе, описывает, как участник конференции входит в большую группу в качестве некоего Я; точнее, это Я входит в группу как одиночка, желая установить отношения с другими, при этом еще не являясь частью группы. Притом, что мы полностью соглашаемся с формулировкой Турке, мы начинаем думать, что на сегодняшний момент Мне – это часть Я, которая все больше и больше мобилизуется. Мы допускаем, что существуют стадии, предшествующие проанализированному Турке о продвижении индивида через жизнь группы, связанные с тем, что индивид не хочет иметь отношений.

Наша рабочая гипотеза на данный момент такова: существует новое явление, при котором конкретный индивид может быть захвачен таким психическим состоянием, которое не позволит ему войти в состояние Я/одиночки и будет удерживать его в состоянии, которое мы называем Мне/

одинокка, потому что он никогда не хотел бы переживать чувство принадлежности к группе.

Местоимение Мне – это местоимение первого лица в дательном падеже³. Это соответствует значению, которое мы хотим дать базовому допущению Мне (baM), потому что Я становится объектом по отношению ко Мне и регулируется предлогами «ко» и «для». Кроме того, если бы это было Я, которое мобилизовалось при помощи Я, то оно могло бы соперничать индивидуальному Я других участников группы, могло бы признавать наличие у них чувств, восприятия и понимания, могло бы представить себе, что если возможно Мы, то и группа может существовать и достигать своей ключевой задачи.

В использовании этой идеи Мне мы возвращаемся ко времени, когда младенец является объектом, способным видеть различия между внутренним и внешним. Винникотт с его обычной пронизательностью пишет: «Появляется идея об ограничительной мембране, которая порождает идею о внутреннем и внешнем. Затем это развивает тему Я и не-Я младенца. Сейчас Я контекст развивается частично в инстинктивных переживаниях» (*Winnicott, 1988, p. 68*).

Наше видение заключается в том, что эта стадия развития похожа на то, как базовое допущение Мне (baM) мобилизуется в группе.

Доказательство этому базовому допущению стало устойчиво появляться около восьми лет назад. Мы приведем доказательства из двух источников: поведение участников и персонала рабочих конференций и наши наблюдения в обществах. Мы предлагаем «иллюстрации причинной связи» (используем фразу Пьера Турке), чтобы связать внутреннее психическое состояние индивидов с типами обществ, институтов и групп, где люди делают что-то совместно; возьмем страны, которые мы знаем лучше всего, а это Австралия, США и Великобритания.

Доказательства с рабочих конференций

В ходе работы в формате большой группы во время большинства сессий одна женщина всегда находится за пределами организованного пространства. Она выглядит внимательной и сидит большую часть времени выпрямившись на краешке стула. Когда другие участники большой группы спрашивают ее, почему она заняла это место, она отвечает, что хотела быть отдельно. Один из участников предполагает, что она не хочет оказаться в ловушке какой бы то ни было структуры. Она утверждает, что консультанты навязывают ей эту структуру. Она посещает большие группы и другие мероприятия конференции, но никогда не является членом группы. Так проходят дни, кто-то думает об этой женщине как о той, которая не присоединится ни к одному институту, так как хочет

³ Местоимение «me» в английском языке – это местоимение в винительном и дательном падежах. – *Прим. ред.*

придерживаться своего представления о свободе и индивидуальности. Она производит впечатление наблюдателя, который следит за всем происходящим, находясь за разделяющим стеклянным экраном, объективно, неподвижно, отстраненно от содержания. Самоустранение и диссоциация кажутся ее способом жизни. Сложно представить, о чем могут быть ее переживания, потому как она никогда не выражает их, но кто-то полагает, что она перерабатывает их каким-то образом.

Другая женщина на этой же конференции говорит, что она никогда не существовала для своих родителей. Она была для них не-личностью. И дело было не в отвержении; она просто никогда не была принята. Можно понять эту необходимость придерживаться позиции Мне, как способ просто выжить как личность. Это напряжение придерживаться позиции Мне в том смысле, какой мы пытаемся прояснить в различиях между Я и Мне, может проявиться в других контекстах, описанных выше, и в тех, которые мы опишем далее.

На одной из сессий большой группы одна из участниц поделилась тем, что она думает о фильме «Разбитые зеркала». Она рассказала участникам группы сюжет фильма. Это история об убийце – садисте, который ловил женщин, связывал и фотографировал их, пока они умирали от голода. Одна из особенностей фильма в том, что в нем нет взаимодействия между фотографом-убийцей и жертвой. Комната, где происходят события фильма, покрыта фотографиями предыдущих жертв, умирающих от голода.

На одном уровне предложенная история фильма об отношениях убийцы и жертвы представляла собой перенос, который возник и чувствовался между консультантами и членами группы. В фантазии члены группы переживали отсутствие взаимодействия с консультантами, поскольку те были заняты деятельностью, которая была сродни созданию фильма о психической жизни группы как объекта исследования.

На другом уровне мы могли предположить, что отношения между убийцей и жертвой являются некой парадигмой для человека, пойманного базовым допущением Мне (baM). Под этим мы понимаем, что существует садистическая, фотографирующая часть себя, которая занята деланием снимков другой – страдающей и голодающей – части себя, и между этими двумя частями нет никакого взаимодействия. Так консультанты кажутся садистически настроенными по отношению к жертвенным участникам группы, испытывающим голод понимания.

На этой конференции было заметно, что участникам было сложно говорить о своих чувствах, о себе в разных ролях, о контексте, в котором они работали, и о других чувствах, появлявшихся в ситуациях неопределенности рабочих сессий. Это повлекло за собой ряд случаев, когда люди говорили такие вещи, как «Если бы я чувствовал злость, я бы мог сказать "X"». В базовом допущении Мне (baM) люди делают все возможное, чтобы оградиться от собственных чувств, «фотографируют» их и представляют для оставшейся части группы и консультантов как «свидетельство» того, что происходит внутри их. Это логическое следствие baM, которое может быть вскрыто, только когда участники делятся своими чувствами

прожитого опыта. Это запускает процесс исследования их отношений в группе и извлекает из сознания их образ группы.

Делание заметок является необычной активностью в рабочих конференциях. Один из участников на протяжении всех сессий постоянно делал заметки. Этот же участник видел сон, о котором рассказал большой группе. В его сне у ведущего конференции на лбу прямо над носом был прыщ, и, когда этот прыщ выдавили, из него вышло очень много гноя. Существенно то, что место этого прыща было в области третьего глаза, поразмыслив, мы поинтересовались, представлял ли прыщ некую атаку на способность участников к инсайтам, что и проецировалось на консультанта, который также исполнял роль ведущего. Заметки в этом случае и фотографии – в другом заменяют инсайт. Мы можем предположить, что моделью для этого поведения будет классический ученый, у которого все относительно объективно, он никогда не загрязняет выводы, наблюдения и другую деятельность своими чувствами, потому что это может исказить результат.

Другая участница рассказала сон, в котором у нее был ребенок, принадлежащий гомосексуальной паре. В баМ-культуре «подобное притягивает подобное» (фраза, к которой мы еще вернемся), и единственный способ рождения, который представляется возможным, является фантазией «рождения» посредством гомосексуального спаривания. Это к тому же не настоящее гомосексуальное спаривание. Мы предполагаем, что настоящие отношения – это отношения «меня со мной», и это то, что проецируется в гомосексуальную пару. Ближе к концу сессии в этой конкретной большой группе мужчины были в связи с мужчинами, а женщины с женщинами до такой степени, что одна из женщин сидела на коленях у другой. Психическая гетеросексуальность, так сказать, а также свойственное ей взаимодействие и связанное с этим рождение инсайта о «настоящем ребенке» было под запретом.

На одном из учебных мероприятий, посвященных изучению отношения участников к группе, которую участники выбирали сами, а также их отношению с организатором мероприятия, в лице персонала, мы обнаружили, что участники сформировали три группы. Мы увидели, что в каждой из этих групп не было никакой внутренней дифференциации ролей для выполнения задачи, но каждая группа определила привратника, который заставлял всех визитеров ждать за дверью комнаты, в которой находилась сама группа. По своему характеру группы были гомогенны. Эти три группы, казалось, были повернуты внутрь себя, как будто их задачей было исследовать внутреннюю жизнь группы, а не исследовать межгрупповые отношения. Эти три группы в своей концентрации на внутренней жизни демонстрировали отыгрывание базового допущения Мне (баМ) на организационном уровне. Другой способ, в котором баМ было отыграно, это момент, когда один из членов группы сформировал свою группу, состоящую из него одного.

Организаторы учебного мероприятия обнаружили, что три группы сформировали себя осознанно в виде социометрических систем. Пока они таким интересным способом формировали группы, это позволяло им

избегать боли выбора и отвержения. Это, по-видимому, научно и объективно. Единственный критерий – это симпатия («liking»). Индивиды просят тех, кто им нравится, присоединиться к ним и так далее. Природа групп, организованных таким образом, была в том, что они были «связаны симпатией» («linked by liking»).

На одном из этапов у организаторов мероприятия появилась рабочая гипотеза о том, что модель обучения, которая создавалась участниками, состояла в сплочении через притяжение, подобное притягивает подобное. Это было похоже на псевдоподиальный процесс. Эту метафору мы берем из зоологии. Псевдоподия приводит в качестве примера некоторых простейших, чья форма позволяет выпячивать любую часть протоплазмы и, таким образом, развивать временные процессы передвижения с целью захвата, присоединения или приема пищи. Этот псевдоподиальный процесс является физическим, так, например, некоторые мхи развивают цветоножку или стебель, чтобы вытянуться. В культуре ВаМ это психологический способ отношений.

Научение как деятельность базового допущения Мне (ВаМ) также представляется скрытым секретным процессом. То, что было усвоено одним человеком, не должно быть разделено с другими. Научение только для того, кто учится. Если какое-либо научение было разделено, появляется фантазия, как будто оно было украдено, забрано у кого-то и, возможно, присвоено кем-то, в результате чего уникальность индивидуального научения, опыта разрушается. Еще хуже, если кто-нибудь принимает мысль или знание от другого, то, возможно, придется выражать свою благодарность. Научение, таким образом, должно быть процессом, осуществленным анонимно, предпочтительно максимально комфортным образом, по возможности с минимальным психологическим беспокойством. Это означает, что различий необходимо избегать, потому что они могут приводить к конфликту.

Это иллюстрирует главную проблему, которая возникает из-за доминирования в группе базового допущения Мне (ВаМ). Объединение с другими для создания чего-то нового, что будет просто продолжением группы или принадлежать группе, невозможно. Именно поэтому мы предполагаем, что модель обучения в такой культуре является псевдоподиальной, так как обучение не является правдивым движением вверх и усвоением, а лишь временное и оппортунистическое приложение к чему-то, что предположительно нравится самому себе.

ВаМ представляет собой атаку на возможность учиться через взаимодействие с другими. Трудность заключается как раз в присвоении себе, все интерпретации воспринимаются как преследования из-за отказа консультанта признавать «оперение» членов группы, то есть отказ сказать им «великолепный Я». Причина подобного поведения в том, что участники ведут себя так, как будто группа не имеет значения и никогда не сможет быть использована для их взаимной выгоды. В каком-то смысле ВаМ может рассматриваться как бессознательная атака на любую идею или человека, который может привнести зависимость и выступить ресурсом для

обучения. ВаМ-группа становится миром замкнутых самоучек, выбирающих, что они хотят знать, и от кого конкретно.

Группа, разумеется, теряет жизнеспособность, так как в воздухе витает ощущение бесполезности, потому что принятие на себя роли того, кто работает с целями группы, рассматривается как депривация других и, конечно, себя. Следовательно, развитие «творческой апперцепции» (*Winnicott, 1971, p. 65*) внутри индивида, группы и организации исключается ради озабоченности собой в собственно эгоистическом состоянии. Мне голодает и депривировано, в этом сомнений нет, но бессознательная предпосылка заключается в том, что Мне хочет быть накормлено только за счет усилий, направленных на самого себя.

Когда ваМ является доминирующим допущением, то в группе не возникает исследования власти. Мы заметили (в наших многочисленных ролях в качестве ведущих и консультантов конференций), что сопротивление участников группы процессу дифференциации ролей и тем самым обособлению авторитетов, позволяющему работать над основной задачей, увеличивается. Идеи о том, что авторитет внутри группы может проявляться по-разному и может помочь продвинуть задачу, чаще всего погружаются в риторический псевдодемократический эгалитаризм, который можно рассматривать в качестве одного из коллективных способов проявления ваМ.

Сопротивление тестированию границ и пределов авторитета в ваМ-культуре приобретает форму ухода и пассивной агрессии. Озвучивание своих мыслей происходит за пределами места событий, во время перерывов на кофе и еду. В рамках мероприятия у консультантов может возникнуть иллюзия, что участники являются членами группы просто потому, что присутствуют физически. Будет более правдоподобным сказать, что существует «психическое отсутствие» в группе и что участники взяли на себя роль зрителя, а точнее, фотографа. Когда члены группы объединяются в бессознательном порыве ваМ, они действуют таким образом, чтобы лишить консультантов материала для работы. И там нет никакого смысла быть во взаимозависимости и симбиотических отношениях. Консультанты могут оказаться в ловушке чувства, когда им необходимо заполнить пробелы все большим и большим количеством рабочих гипотез об уходе (ваF), которые только помогают группе с базовым допущением ваМ объединяться и уходить в пассивную агрессию. Группа «морит голодом» консультантов, пока те пытаются «накормить» группу, которая не желает быть накормленной (цит. из фильма «Разбитые зеркала»). Все это имеет привкус паразитических отношений, которые идентифицировал Бион (*Bion, 1970, p. 95*). Чувствуешь, что находишься в псевдогруппе.

Вследствие этого в культуре ваМ участники могут верить, что они общаются, хотя по факту этого не происходит. Одна из участниц группы, после того как группа закончила работу, рассказала консультанту, что она чувствовала себя «слишком эмоциональной» во время работы этой малой группы и что для консультанта это наверняка было очевидно. Консультант был крайне удивлен, так как на группе она проявилась

абсолютно противоположным образом. Это навело его на мысль о том, что в баМ есть бессознательная убежденность в том, что, если что-то происходит во Мне, то и другие узнают об этом без всякой коммуникации.

Неудивительно, что доминирование баМ лишает возможности для благодарности. В культуре Мне нет уроков, которые берутся у истории, авторитетных лиц или образцов в прошлом, собственного опыта или опыта других. Психическая боль сведена к минимуму: одна цитата следует за другой, но источник неизвестен, обучение происходит мгновенно. Метафорически оно проходит, как принято говорить о некоторых видах обучения, из одной записной книжки в другую, минуя осознание.

Обсуждая вопрос реальности феномена баМ с Лоуренсом, Йонах Розенфельд описал свой опыт участия в одной немецкой рабочей конференции в качестве консультанта. Он сказал, что никогда не слышал такого количества примеров жестокости, приведенных участниками группы. Одна женщина рассказала о том, что, будучи ребенком, ее еда состояла из одних вареных яиц. Каждое яйцо было помещено на подставку для яиц. Когда она очищала яйцо, она находила эмбрион цыпленка, который ей предстояло съесть. Мужчина говорил о том, как в четырехлетнем возрасте он был вместе с родителями на побережье. Пока родители сидели на берегу, он решил зайти в воду на глубину больше своего роста, он стал тонуть, и тогда появился мужчина и спас его. Мужчина вытащил его на берег. Спаситель ничего не сказал его родителям, также как и сам мальчик. Он никогда никому не говорил об этом случае до момента участия в группе Розенфельда.

Наблюдение Розенфельда было о жестокости родителей по отношению к своим детям, которая иногда ими осознается, но чаще всего бессознательно. Мы размышляли о том, почему участники предоставили на конференции эту информацию Розенфельду. Мы думали, что это произошло из-за того, что он был евреем и гражданином Израиля, а немецкие участники рассказывали свои переживания жестокости тому, чей народ в религиозном и культурном плане пострадал от нацистского режима. Но чем дольше Розенфельд размышлял над доказательствами, тем больше он чувствовал, что получил свидетельства переживаний людей, которые сделали их озабоченными своим персональным выживанием и необходимостью придерживаться установки Мне внутри своего Я. Я могло быть грязным образом разрушено, но не Мне, которое является ключевым ядром идентичности личности.

Дополнительная рабочая гипотеза о сфере действия баМ – это склонность к расщеплению, классическому расщеплению между имаго хорошей и плохой матери. Плохая мать присоединилась к обществу, или, точнее сказать, образ плохой матери проецируется на него, все плохое находится в обществе или в любом из его институтов, например работе, правительстве, экономическом рынке. Внешние объекты в таком случае могут быть обвинены во всех несчастьях человека. Проявление садизма в обществе связано с этой конструкцией неудачной среды. Вероятно, логика размышлений такова: «Вы должны мне, вы подвели меня, поэтому вы

должны заплатить мне за это». Благодаря подобным мыслям жестокость и эгоизм становятся оправданными.

Любые социальные формы, а именно группы, сообщества, таким образом, начинают представлять собой разрушенные и разрушающие объекты. Группа воспринимается как враждебный объект, потому что считается фобической. В результате часть Я, которая чувствует бессилие и уязвимость, возможность быть уничтоженной, соприкасаясь с реальными тревогами, занимает позицию контрзависимой по отношению к группе и, как следствие, отрицает само существование группы; только Я есть реальность. Кажется, это и есть суть базового допущения baM.

Часть опыта пребывания в группе базового допущения baM заключается в присутствии в одном помещении с множеством других людей, которые никогда не должны создать группу, так как по бессознательному определению группа является не-группой, и никогда не должны достичь такого уровня коммуникации, в котором появляется Мы. Это нахождение в позиции научного наблюдения за объектом. Объект всегда является потенциально угрожающим и разрушительным. Он никогда не несет надежду. Он разочаровывает и всегда расстраивает. В такой ситуации нет места для беспокойства, настрой фаталистический: все, что может случиться, – случится! Все, что можно делать в этой ситуации, – выживать, сохраняя доброжелательность в грязной, беспорядочной, скверной реальности других. Там нет места эмоциям, потому как участники заботятся о том, как не переживать и не выражать эти эмоции. Следовательно, жизнь в культуре baM упорядочена, спокойна, вежлива и андрогинна.

Когда baM заметно и активизирует жизнь группы, консультант в группе будет чувствовать, что ему все сложнее и сложнее работать и выдвигать рабочие гипотезы и что каждая последующая интерпретация должна быть лучше предыдущей. Участники, кажется, погрузились в апатию, а консультант чувствует себя вынужденным освободить или спасти группу от ее скучной и бесполезной жизни. Консультант будет чувствовать следующее: «Если бы я только мог дать правильную интерпретацию и вывести их из тупика». Консультант может продолжать выдвигать рабочие гипотезы, которые могут казаться ему «достаточно хорошими», и по факту они могут быть уместными, но в реальности не имеют никакого эффекта. В действительности интерпретации будут скорее всего о бегстве (baF), которое чувствуется в поведении, так как борьба есть форма реальности группы как группы. Такого рода интерпретации наверняка имеют обратный негативный эффект, в котором группа все больше объединяется в отстраненности и в культуре Мне. В роли консультанта один будет чувствовать, что не установил контакт ни с одним из участников группы, другой будет чувствовать изолированность и отчужденность. В реальности консультант либо не присутствует для членов группы в культуре baM, либо ощущается как угроза для индивидуального выживания, т.е. сохранение Мне (выживание – основа данного базового допущения). Это переживание консультанта является отражением того факта, что участники не существуют друг для друга ни в психическом, ни в политическом, ни в духовном смыслах.

В последние годы мы отмечаем угрозу баМ-культуры в рабочих конференциях. Когда мы не были уверены относительно этого наблюдения, мы могли только описать наши переживания в терминах диссоциации, или аномии, или отчуждения, или шизоидного феномена. Сейчас мы более уверены. Мы видим, что для некоторых консультантов и ведущих существует тенденция действовать подобным образом: занимать пространство и становиться центральным объектом восхищения, нуждающегося в постоянной заботе со стороны других сотрудников и участников конференции. Самое простое объяснение этому, желание некоторых сотрудников быть «звездой», но сейчас мы можем предположить, что они действуют подобным образом в рамках режима баМ.

Бэйн использовал термин «захватчик пространства», обращаясь к опыту педагогической ситуации, где учитель вторгается в пространство ребенка, вместо того чтобы позволить ему учиться и самому достигать для себя того, что он или она могут сделать (*Bain, Long, and Ross, 1992*). Эта концепция предполагает нецелевое использование группой Мне ведущих и консультантов по отношению к основной задаче мероприятия.

Когда подобные психические отношения баМ возникают между группой и консультантом, возникает риск того, что упреждающие интерпретации выходят на первый план (*Lawrence, 1985a*). Это интерпретации, которые отрезают возможность дальнейшего изучения реальности, потому что они выступают окончательными утверждениями, финальной оценкой или резюме, неоспоримым психологическим фактом, донесением мысли в довольно грубой манере. Следовательно, не остается никакого пространства, так как оно захвачено для того, что можно назвать трансформирующей интерпретационной работой, а именно высказыванием рабочих гипотез, которые сами по себе могут быть изменены и которые запустят преобразования в культуре группы. Другими словами, упреждающие интерпретации – это замаскированная атака на связи. Это также значит, что для группы нет возможности мечтать, фантазировать, что критически важно для участников, если они способны мыслить и развивать мышление.

Бэйн сообщает, что в процессе совещания, организованного после рабочей конференции, в Перте, в Австралии, один из участников сказал ему: «Это чудесно, что у вас есть возможность быть здесь!» Сначала Бэйн думал об этом как о желании этого бывшего участника быть зависимым от него, однако это могло означать и иное, а именно потребность польстить чудесному Мне директора конференции – «плюмаж он носит так изящно».

Здесь стоит провести параллель с психоаналитической практикой. Невилл Симинтон в очерке о Шандоре Ференчи говорит, что Ференчи неоднократно подчеркивал необходимость для аналитика быть свободным от нарциссизма. В контексте групповой работы, если консультант оказывается в плену своего Мне, группы питаются и сами подпитывают культуру баМ. Данная группа не может устанавливать связи путем адаптации. «Мы все знаем, что в любовных отношениях обязательно существует

непрерывный процесс адаптации, потому что без него возможно только себялюбие и нарциссизм» (Symington, 1986, p. 195).

Участники могут быть «загнанными в состояние Мне», как предположил Джон Стоукс из клиники Тависток во время одной из дискуссий вокруг доказательств за и против культуры baM. Эта красноречивая фраза описывает не столько переживания группы, сколько наш опыт жизни в современных обществах, когда мы консультируем индустриальные, образовательные и церковные организации. То, на что указывает фраза Стоукса, – это культура, которую мы совместно создали в наших современных, индустриальных обществах, которая является причиной подобного поведения людей, которое в свою очередь формирует культуру, усиливающую их поведение. Втерминах Биона, культура группы такова, что мобилизуется индивидуальная валентность участника («спонтанная, бессознательная функция стадного качества личности»), способствующая мобилизации baM (Bion, 1961, p. 170).

Доказательства, предоставленные обществами

Становится очевидным, что мы живем в обществах, которые все больше и больше вознаграждают Мне-поведение. «Яппи» в годы правления Тэтчер являлись показательным примером (*Яппи – хорошо оплачиваемые молодые специалисты среднего класса, работающие в больших городах и ведущие роскошный образ жизни. – Прим. ред.*). Бэйн замечает, что это поощрение Мне-поведения связано с карьерными проблемами государственных служащих в Австралии. У многих людей, работающих на государственной службе, наблюдается потеря значимости задачи и, как следствие, потеря организационной цели и структуры, что приводит к разрушительной жадности и зависти. Пережитые потери подорвали идею Я как системы, связанной с другими; все, что имеет значение, это то, как эти изменения скажутся конкретно на Мне. Это способствует культуре baM. Появляются психически, политически или духовно ограниченные основания для развития социального беспокойства. Как следствие, главной заботой государственных служащих становится собственное продвижение по карьерной лестнице, а государственной политике, которую они могли бы создавать, беря на себя ответственность и полномочия, уделяется меньше внимания.

Чем больше индивид загоняется в Мне-установку, тем более эгоистичными становятся люди, и это является для них единственным способом выживания в социуме. Мы заметили другие образцы выживающего поведения в нашем обществе. Например, увеличивается запугивание в офисах, о котором Андреа Адамс и Нейл Кроуфорд пишут в своей книге «Издевательство на работе» (1992). Жертва доведена до состояния беспомощности, отчаяния, бессилия, убийственных чувств и мечтает об убийстве задиры, которым может быть руководитель, старший менеджер, руководитель департамента. Задира будет строить детские отношения с людьми, злоупотребляющими властью. Его или ее история будет

характеризоваться депрессией, злостью и жестокостью. Он или она воссоздают этот опыт переживания, находясь в позиции власти, потому что задира является единственным образом власти, который он или она могут извлечь из недр своего внутреннего мира. Самоидентификация «Мне» у задиры такова, что он или она не имеют никакого понятия о сострадании к другим людям, другие являются объектами для манипулирования.

В течение некоторого времени Лоуренс ссылаясь, полушутя, на «Посттэтчерский синдром садизма» (ПТСС) в Британии. Он идет от озабоченности правительства Тэтчер и его преемников эффективностью и стоимостью денег. И хотя эта озабоченность приемлема, неприемлемы способы реализации такой политики. Например, в одном из госпиталей идет реорганизация. Людям предлагается рассмотреть предложение о работе, которую они так уже выполняли многие годы без жалоб со стороны их старшего менеджера, коллег и пациентов. Они проходят интервью и получают отказ. Все дело в том, что в данной системе одни и те же люди определяют критерии отбора и отказа кандидатам, одни отбирают и отказывают другим. Точнее, с нашей точки зрения, использование существующих доктрин о гарантии качества и устава пациентов порождает политику, которая ощущается как порочный субъективизм.

Мы видим еще одну версию Мне, которая также проявляется в безжалостном, оппортунистическом поведении некоторых бизнес-менеджеров. Скандал с Гиннесс был примером этого. Самый свежий случай – кампания «грязных трюков» *British Airways* по отношению к *Virgin Airways*. *British Airways* хотели добиться успеха, это привело к тому, что они стали думать только о себе и о том, как они могут достичь превосходства в своей области. Здесь мы можем предположить, что это было колебание между базовым допущением бороться (baF) и baM. Одна отличительная особенность baM в том, что враг становится объектом, который должен быть уничтожен, а не просто побежден любыми средствами. Этот психопатический элемент, присутствующий в baM, на наш взгляд, намного сильнее, чем в baF; полное отсутствие сознания. Этика и мораль – пустые слова. Если бы *British Airways* были успешными, то менеджмент мог бы праздновать победу без всякой мысли о причинении вреда конкуренту, который, возможно, оказывает куда лучший сервис клиенту.

Первые догадки о baM пришли из опыта работы с религиозными служителями (монахинями и священниками) над серией проектов, посвященных исследованию действием, возникших спустя 20 лет после Ватикана II⁴. Во время этих проектов Лоуренс зафиксировал первые проблески явления, которое мы сейчас называем baM. Ключевым фактором во всех этих проектах исследования действием был тот факт, что большинство известных структур религиозной жизни были упразднены из-за Ватикана II. В то время Лоуренс был озабочен экзистенциальным кризисом, в котором находились монахи, и писал, что они переживали утрату социального мира, который был упорядочен, правилен и имел цель. В то время как для

⁴ Второй Ватиканский собор, проходивший в 1962–1965 гг. – Прим. ред.

одних эта потеря была облегчением, потому что принесла свободу, для большинства других это принесло чувство горя и скорби. Мы можем выступать против качества религиозной жизни, которая была до Ватикана II, и предоставлять доказательства, показывающие, что она имела много недостатков с точки зрения человеческого развития религиозных людей, потому что основной акцент был на базовом допущении зависимости (baD). Но это вторично по отношению к нашей основной точке зрения, которая заключается в том, что каким бы ни было качество жизни, структура религиозной жизни тогда предоставляла контейнер, на который могла быть спроецирована неопределенность, а назад получена, или интроецирована, уверенность. С размыванием этой структуры люди ушли в себя, в рамки своих личных границ, как будто это единственно верный якорь в мире неопределенности (Lawrence, 1985b). Оглядываясь в прошлое, это можно интерпретировать следующим образом, – монахи погрузились в baM для того, чтобы выжить.

С течением времени можно увидеть, что этот опыт baM стал для некоторых необходимым, временным базовым допущением, он позволил многим монахиням и священникам прийти и пересмотреть религиозную жизнь, как, например, это произошло с их принятием «опции для бедных». Это дало возможность им пересмотреть их церковный сан и, соответственно, изменить стиль жизни. Такони были в состоянии вновь подтвердить для самих себя новую версию религиозной жизни, которая стала более ориентированной на раскрытие через процесс интерпретации Слова в свете меняющихся обстоятельств окружающей среды. Таким образом, существует усложненное использование baM, которое может привести к пересмотру сути работы и поиску новых действий для содействия этой работе.

Некоторые усложненные варианты использования базового допущения «Мне» в работе

Как и все остальные базовые допущения, baM может быть временно использовано для достижения основной рабочей цели достижения состояния рабочей группы. Также как базовое допущение «Единство» (baO) может являться переходным состоянием и приводить к трансцендентному переживанию, так и baM может иметь свою ценность для исследования реальности. У всех нас есть потребность глубоко уходить в себя, погружаться в собственный мир, чтобы вновь взаимодействовать с внешним миром. Иногда это называют «регрессия на службе у Эго». Нам важно периодически оценивать природу наших чувств, чтобы понять, что из того, что мы чувствуем, является интроицированным в нас, а что мы, возможно, проецируем. Несмотря на то, что нам трудно идентифицировать эти чувства с определенной долей точности, мы тем не менее пытаемся изолировать то, что может быть нашим контрпереносом, чтобы обнаружить то, что мы чувствуем в переносе, в контексте любого человеческого взаимодействия, в котором мы участвуем.

Это работа по нахождению внутри себя того, что мы называем «моментом» – способности прийти к такой ясности понимания, которую нельзя игнорировать и опровергнуть, потому что она настолько близка к правде, насколько это возможно. Невозможно отрицать, что мы боремся с ложью. ВаМ может быть временным ментальным пространством, которое нам важно иметь, чтобы побыть за пределами внешнего мира и восстановиться психически и духовно настолько, чтобы повторно исследовать внешнюю реальность без влияния воспоминаний, влечения или желания видеть в других тех, кем они не являются.

Можно рассматривать ВаМ как состояние зависимости от себя и собственных ресурсов, необходимое для развития способности быть зависимым, чтобы уметь участвовать и прислушиваться к реалиям внешнего мира. Возможно, необходимо уйти в себя, чтобы быть способным стать доступным для мыслей и идей, способным быть внимательным ко внешней реальности, ВаМ может стать интроспективным действием, которое, например, сложно достичь в культуре базового допущения «беги или борись» ВаF/F.

Бион ссылается на идею Фрейда о том, что определенные специализированные группы используют действия определенных базовых допущений. Бион продолжает эту мысль идеей о том, что Церковь или Армия должны придерживаться и ментальности базового допущения, и функционирования в режиме рабочей группы одновременно. Подобно тому, как Церковь склонна препятствовать выходу из базовых допущений зависимости и единства (ВаD и ВаO), так и Армия сохраняет феномен «борись или беги» (ВаF/F). Бион предполагает, что эти базовые допущения групп произрастают из основной рабочей группы, частью которой они являются. Целью рабочих групп является «перевод мыслей и чувств в поведение, которое адаптировано к реальности» (*Bion*, 1961, p. 157). Здесь мы распутываем связь между деятельностью ВаМ и деятельностью рабочей группы, признавая, что «ментальность базового допущения не прибегает сама по себе к действию» (*Ibid.*, p. 157). Мы допускаем, что деятельность ВаМ является важной частью опыта человека по выстраиванию границ Я, который необходимо пережить, чтобы взаимодействовать с точки зрения работы с реальностью любого другого; будь это другой человек, группа других людей или другая среда. Одним из примеров является религиозное уединение (ретрит), где деятельность базовых допущений единства (ВаO) и Мне (ВаМ) должна разделиться в специализированные группы; в противном случае всеобъемлющая работа любого религиозного уединения будет уничтожена. Мы наблюдаем функционирование ВаМ в консультировании бизнеса, который реорганизует свои ресурсы на благо будущего в условиях неопределенности рынка.

**Человек замкнутый против
человека открытого; человек индивидуальный; человек
автономный**

Базовое допущение Мне (ВаМ) имеет социальные и интеллектуальные причины, которые, как мы предполагаем, объясняют конкретно эту

психическую позицию. Нам интересно не сводить все к нарциссизму, а найти культурное объяснение для ваМ. Интеллектуальные причины, как мы попытались показать, лежат в нашем непосредственном переживании современных обществ. Существуют тем не менее более глубокие причины, которые являются частью формирующейся структуры общества XX века. Со времен Платона и Декарта, Лейбница, Локка, Юма, Канта, Гуссерля и Поппера наблюдается бесконечный спор о личности и обществе; о личности как субъекте знаний и о том, как личность получает знания от объектов внешнего мира. Эта солипсическая точка зрения несет образ индивида, пребывающего внутри закрытого контейнера, смотрящего на мир других индивидов, чьи умы догадываются о том, что запечатано в умах других. Норберт Элиас называет эту концепцию «человек замкнутый», изолированное Эго, «Я без мы» (*Elias, 1987, p. 266*). Он отвергает ее и предлагает модель «человека открытого» – индивидов, которые связаны друг с другом в различных формах и в различной степени.

Открытые люди признают, что их знание не идет от них как от отдельных людей и что люди учатся в окружающих, исторически определенных, контекстах, проходя через обычные процессы взросления и социализации. Стивен Меннелл (1992), показывает, что Элиас в книге «Процесс цивилизации» (1987) анализирует отношения между изменениями структуры человеческих отношений в обществах и сопутствующими изменениями в личной структуре как части социального процесса. Образ человека закрытого тем не менее является устойчивым, потому что согласуется с личным опытом и существует со времен Ренессанса.

Философская концепция человека закрытого является как раз экстернализацией такой формы собственного опыта: герметичный контейнер, в котором мы чувствуем себя сжатыми железными обручами цивилизованного самоконтроля, которые ковались длительное время (*Mennel, 1992, p. 193*).

Герметичный контейнер был организующей темой литературы XX века. Уолт Уллитмон определил это как «принцип индивидуальности, гордости и центрированной изоляции человеческой природы в самоидентичность-субъективизме» (цитата из *Tanner, 1976, p. 19*). Это был век празднования персональной самоактуализации, потому что считалось, что только в изоляции человек может вершить свою судьбу. Эта изоляция создает свою собственную экзистенциальную боль. На самом деле театр абсурда исследует один из аспектов страдания, который заключается в неспособности коммуницировать.

Безукоризненной реализацией метафоры герметичного контейнера стало презрение интеллектуалами XX века масс. Джон Кери пишет, что принцип, вокруг которого модернистская литература и культура стилизовали себя, был принципом изоляции от масс, крушения их власти, ликвидации их грамотности, отрицания их человечности. Это интеллектуальное усилие было не в состоянии признать, что массы не существуют. Масса, иными словами, это метафора для неизведанного и невидимого. Мы не можем видеть массу. Толпа людей видима, но масса – это толпа в своем метафизическом аспекте – совокупность всех возможных толп, которые могут

принять концептуальную форму только в виде метафоры. Метафора массы способствует цели самоутверждения, потому что она превращает людей в конгломерат. Это лишает их индивидуальности, которую мы приписываем себе и людям, которых мы знаем (Carey, 1992, p. 21).

Парадокс тем не менее в том, что это был век человека закрытого и в тоже время это был век коммуникации. Человеческие отношения в современных обществах находятся под существенным влиянием избытка средств массовой информации. Это изобилие информации может порождать тревогу, потому что телезритель, наблюдающий войну в Персидском заливе или события в бывшей Югославии, остается с ощущением беспомощности. В тоже время зрители должны составить свое мнение о том, что правильно и неправильно, что есть правда и ложь в получаемой ими информации, которая зачастую сложна и противоречива. Поскольку мы живем в век краха догмы и принятой веры и, как говорил Умберто Эко, мультиплицирования идеологий, человек вынужден становиться человеком индивидуализированным (*homo individualis*) (Teeple, 1992, p. 159).

В то время, как мы наблюдаем множество преимуществ оттого, что у человека есть возможность усваивать информацию и получать беспрецедентное интеллектуальное богатство, появляются вопросы относительно того, каким будет характер общественной жизни в будущем. Мы чувствуем, что эта тенденция усиливает Я и Мне, исключая Мы и Нам. Кажется, что существует набор факторов, которые увеличивают риск развития феномена baM в обществе, который, мы должны напомнить себе, является по природе своей психотическим.

Связанная с этим причина возникновением baM-феномена заключается в наших убеждениях относительно того, как мы получаем инсайты и знания. Просто говоря, вовлечение в baM, как мы отмечали до этого, может быть регрессом к научной методологии, которую мы ассоциируем с ньютоновской наукой. Методология Тавистокских рабочих конференций поощряет другие способы исследования того, что может быть реальностью. Особое значение в конференциях уделяется участию, вниманию и слушанию, которые вовлекают участника как целостную личность. Эта методология, которая звучит как расплывчатая, околорелигиозная, неясная, и прямо-таки субъективная, может послужить содействующим фактором, ведущим людей к состоянию Мне-позе безучастного, объективного наблюдателя по отношению к группе как конгломерату, массе.

Гипотезы Биона выведены из психоаналитических знаний о группах. Это позволило нам увидеть взаимосвязи между поведением группы базового допущения и интерпретацией того, какова может быть реальность. Поведение группы базового допущения является психотическим, хотя и временным. Однако чем более постоянным оно становится, тем сильнее оно заставляет взрослых, здоровых людей, способных к социальному сотрудничеству, потому что у них есть способность к мотивации, скатываться в культуру базового допущения группы, организации или общества. Около 40 лет назад, Дональд Винникотт показал хрупкость демократии как достижения общества, потому что она всегда борется против психотического, которое в любое время может стать ведущей силой

в обществе (*Winnicott, 1950*). Чем лучше мы можем определять и распознавать поведение в базовом допущении, тем больше у нас шансов на интерпретацию реальности, в которой мы живем, и на преобразование ее таким образом, который позволит людям стать более зрелыми через повышение качества их контакта с реальностью. Несмотря на возможность сложного использования баМ, главным следствием того, что баМ-поведение набирает силу и широко распространяется, может стать прекращение исследований культуры рабочей (W) группы и культуры групп базовых допущений (ba), а их потенциальный опыт окажется недостижимым.

Благодарности

Ряд людей способствовали созданию данной статьи. В частности, Гордон Лоуренс выражает благодарность за постоянную поддержку и помощь Дэвиду Армстронгу, Брендану Дадди, Лесли Фридману, Питеру Гулду, Кеннету Еисолду, Колину Джеймсу, Джоане Хаттон, Бипину Пателу, Иону Розенфельду, Манни Шер, Буркарду Сиверсу и Юдите Сзекас. А также Антону Обхолзеру из клиники Тависток. Гордон Лоуренс признателен за шанс опробовать идеи в рамках курса по социальным институтам. Алистер Бэйн благодарен Сьюзане Росс, Аллану Шафер и Елене Костелло как членам AISA, которые приняли участие в Научной встрече по баМ. Мы все признательны за возможности, которые у нас были на протяжении многих лет, работать с участниками и сотрудниками конференций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Adams A., & Crawford N.* (1992) *Bullying at Work*. London: Virago.
2. *Bain A., Long S. & Ross S.* (1992) *Paper Houses: The Authority Vacuum in a Government School*. Melbourne: Collins Dove.
3. *Bellah R.N. et al.* (1985) *Habits of the Heart*. London: University of California Press.
4. *Bion W.R.* (1961) *Experiences in Groups*. London: Tavistock Publications.
5. *Bion W.R.* (1970) *Attention and Interpretation*. London: Tavistock Publications.
6. *Carey J.* (1992) *The Intellectuals and the Masses*. Faber and Faber, London.
7. *Elias N.* (1987) *Die Gessellschaft der Individuen*. Frankfurt: Suhrkamp 1984.
8. *Gould L.J.* (1985) *Derivations of Bion's basic assumption theory in Klein's developmental positions*. Paper read at A.K. Rice Institute Scientific Meeting.
9. *Lasch C.* (1978) *The Culture of Narcissism*. New York: Norton.
10. *Lawrence W.G.* (1982) *Some Psychic and Political Dimensions of Work Experience*. Occasional Paper. London: Tavistock Institute.
11. *Lawrence W.G.* (1985a) "Beyond the frames." In M. Pines, ed. *Bion and Group Psychotherapy*. London: Routledge and Kegan Paul.
12. *Lawrence W.G.* (1985b) "Religious Transformations". *Changes* 3, 2: 4549
13. *Mennell S.* (1992) *Norbert Elias: An Introduction*. Oxford: Blackwell.

14. *Menzies Lyth I.E.P* (1981) 'Bion's contribution to thinking about groups.' In Grotstein,
15. *James S.*, ed. *Do I Dare Disturb the Universe??* Beverly Hills: Caesura Press.
16. *Miller E. J.* (1990) 'Experiential learning in groups.' In Trist, E. & Murray, H., eds. *The Social Engagement of Social Science*. London: Free Association Books.
17. *Rice A.K.* (1965) *Learning for Leadership*. London: Tavistock Publications.
18. *Symington N.* (1986) *The Analytic Experience*. New York: St. Martin's Press.
19. *Tanner T.* (1976) *City of Words*. London: Jonathan Cape.
20. *Tecglen E.H.* (1992) "The anguish of abundance". *Leonardo, The Independent*.
21. *Turquet P.M.* (1974) "Leadership: The individual and the group". In gibbard, G.S. et al., eds. *The Large Group: Therapy and Dynamics*. San Francisco and London: JosseyBass.
22. *Winnicott D.M.* (1950) "Thoughts on the meaning of the word democracy". *Human Relations*, 4: 171185.
23. *Winnicott D.M.* (1971) *Playing and Reality*. London: Tavistock Publications.
24. *Winnicott D.M.* (1988) *Human Nature*. New York: Schocken Books.

The fifth basic assumption

*FREE ASSOCIATIONS (1996) VOLUME 6,
PART 1 (NO. 37): 2855*

*W. Gordon Lawrence, Alastair Bain,
and Laurence Gould*

W. Gordon Lawrence, MA (Aberdeen), Dr rer.oec. (Bergische) is a managing partner of Symbiont Ventures, London, UK. He is a visiting professor at Cranfield School of Management, Bedford, the University of Northumberland at Newcastle and the New Bulgarian University. He was a senior social scientist at the Tavistock Institute of Human Relations, London in the 1970s.

Alastair Bain is a socioanalyst. He trained and worked as a consultant at the Tavistock Institute before returning to Australia in 1983. His main work interests were in organisational and social dreaming, the work of Wilfred Bion, and the exploration of wonder in socioanalytic practice.

*Laurence J. Gould, Ph.D., is a professor of Psychology in the Clinical Psychology Doctoral Program at the City University of New York, the Founding Director of the Socio-Psychoanalytic Training Program in Organizational Development and Consultation at the Institute for Psychoanalytic Training and Research (IPTAR), the Co-director of the Program in Organizational Development and Consultation: A Psychoanalytic and Open Systems Perspective at the Sigmund Freud Center of the Hebrew University in Jerusalem, a member of OFEK (The Israel Association for the Study of Group and Organizational Processes), and Co-editor of *Organisational and Social Dynamics: An International Journal Integrating Psychoanalytic, Systemic and Group Relations Perspectives*. He works as a psychoanalyst and organizational consultant, and is a founding member of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations.*

In his remarkable work on groups Bion explores mechanisms of unconscious functioning of individuals in groups and elaborates on the concept of group basic assumptions, the three possible types of unconscious mental modes of group functioning which inhibit groups task performing and are contrasted to the work group. To the three basic assumptions – dependency, pairing and fight/flight – Pierre Turquet later adds the fourth basic assumption "OneNess".

Authors of this article are basing on their extensive experience as directors and consultants to the group relations conferences and suggest the fifth basic assumption "MeNess". The purpose of this paper is to work out and explicate basic assumption MeNess in groups, institutions, and societies following the Bion tradition.

Keywords: basic assumption, work group, Bion, Turquet, group relations conference

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Паутины бесконечных возможностей, или Жизненные уроки от «Великой Матери», поведанные Черной Вдовой и ее десятью маленькими паучками-внучатами

Манфред Кетс де Врис
(Перевод с англ.: Андрей Карнов)

Манфред Кетс де Врис – профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и паст-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Executive коуч и бизнес-консультант. Действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), Канадского психоаналитического общества (CPS), Парижского психоаналитического общества (SPP). Один из основателей Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Директор программы ИН-СЕАД для топ-менеджмента «Вызов лидерства: развитие эмоционального интеллекта», научный руководитель Executive магистерской программы ИНСЕАД «Консалтинг и коучинг для изменений».

Данная статья написана в форме сказки, но не простой, а с моральными наставлениями. В ней рассказывается о пауке черной вдове¹ и ее десятирех внучатах – маленьких девочках-паучках. После описания наблюдений за повадками пауков рода черной вдовы, замаскированных под уроки из жизни, в статье разворачиваются диалоги между десятью маленькими паучками и их «бабушкой» – пауком черная вдова. Статья превращается в нравоучительную повесть, затрагивающую целый ряд вопросов, таких как отношения между мужчиной и женщиной, лидерство, смысл и женская мистика. Изначально повествование сосредоточивается вокруг сложной психологической динамики партнерских отношений: какие факторы способствуют их функционированию, а какие создают препятствия. Часто их описывают как диалог глухих, когда обе стороны не улавливают тонких сигналов. Помимо этого, автор акцентирует внимание на ряде аспектов, способствующих эффективному и неэффективному партнерству. Далее в статье (построенной на приеме «извлеченных уроков») рассматривается ряд мыслей о том, что необходимо для выстраивания эффективного лидерского стиля управления, в котором могут преобладать как макиавеллистские принципы и установки, так и более идеалистические.

Эссе также содержит ряд размышлений о силах, порождающих смысл. И в завершение приводятся некоторые наблюдения о роли женского начала

¹ Черная вдова (лат. *Latrodectus mactans*) – род пауков, определенный вид которых распространен в Северной и Южной Америке. Опасен для человека.

в воображении – происходит отсылка к символическому образу «Великой Матери». На протяжении всей статьи внимание уделяется символизму «черной вдовы» в обществе – дискомфорту, переживаемому некоторыми мужчинами в отношении женской мистики, часто обусловленному ранним амбивалентным опытом общения с женщинами.

Мужчины могут испытывать такой страх перед женщинами и в то же время жить в созданном ими мире, в котором доминируют мужчины. Так как черные вдовы являются поистине смертоносными существами, в воображении этих мужчин женское начало может стать чем-то чрезвычайно угрожающим.

Ключевые слова: Черная вдова – род пауков; отношения между мужчиной и женщиной; женская мистика; лидерство; макиавеллизм; смысл; Великая Мать.

«Законы, точно паутина, в которую попадает мелкая мошкара, но через которую прорываются шершни и осы». Джонатан Свифт

«Но вот чего, однако, эти люди обо мне не знают... это черная вдова, висящая на тонкой нити... это смертельная вещь. Реально опасная штука». Натан Эдмондсон

Вступление

Давным-давно в далекой-далекой стране на опушке темного леса лежала большая куча дров. Но если читатель подумал, что это всего лишь куча дров, то сильно бы ошибся. Потому что, внимательно присмотревшись, в глубине тихого уголка под сухими ветвями можно было заметить небольшую паутину. Она была настолько мала, что с первого раза ее можно было не разглядеть. Но если подойти поближе, то она засияет во всей своей красе – очень прочная паутина, шедевр инженерного искусства, совершенная структурная конструкция, созданная в лесном хаосе. Вам следовало бы обратить на нее внимание, чтобы полюбоваться ее непревзойденным дизайном.

Благодаря лучику света, способному проникнуть в этот уголок леса, можно было увидеть висящую там паутину, тускло мерцающую в темноте. И хотя ее было трудно разглядеть, рано утром множество маленьких капель росы свисало с шелковистых нитей, превращая ее в мозаику из бриллиантов, переливающихся на свету. И какой бы сияющей она ни казалась, вам не стоит обманываться блеском. В паутине все было привлекательно: и царящая в ней красота, и одновременно какая-то сверхъестественная, обманчивая тишина. Это была такая тишина, которую часто переживаешь перед бурей, – тишина, которая очень ясно давала понять, почему воспринимаемое нами не всегда является реальностью. Почему вещи не всегда оказываются тем, чем они кажутся? То же самое можно сказать и об этой паутине. То, что вы подумали, когда увидели ее, было очень обманчивым. Это была паутина, которая могла сыграть с вами злую шутку. Как часто вас обманывала странная игра света и тьмы? Бывало ли так, что вам казалось – вы видите что-то совершенно определенное,

но в реальности это было совершенно иным? Если, находясь в этом маленьком, темном, непритязательном уголке леса, очень внимательно приглядеться, то можно было увидеть тихо парящую черную вдову. О, какое это было страшное существо! Она была настоящим бичом в мире насекомых. Бабушка черная вдова внушает одновременно удивление и ужас, где бы она ни плела свою паутину.

Висит себе

В паутине бабушки-паучихи черной вдовы наступало время ложиться спать. Она очень гордилась своей паутиной. Для нее она была одним из чудес света. Как истинный мастер-строитель, наша бабушка была твердо убеждена, что она построила паутину, как никто другой. И хотя никто никогда не сказал бы, что она относилась к числу скромных типов, она была права. Бабушка прекрасно оценивала свои способности и, будучи выдающейся ткачихой, знала себе цену. Она совершенно четко представляла, как должна выглядеть огромная паутина. Вот она, эта кружевная, чудесно устроенная паутина из липких шелковых нитей, настоящее чудо сложной органической инженерии.

Бабушка разместила свою замечательную паутину стратегически расчетливо – близко к земле, в темном углу кучи дров. А поскольку она обладала даром предвидения, то прекрасно понимала, на что способна ее паутина. Она была не просто прекрасной вещью. Учитывая ее конечную цель, она являлась мрачным орудием смерти. И точно так же, как Красавица и Чудовище, среди этого смещения шелка и яда пребывала сама бабушка, неподвижно висящая вниз головой в центре своей паутины, ожидая, когда в нее влетят насекомые, чтобы запутаться в шелковистых нитях.

Некоторые из вас, возможно, подумали, что такая малоподвижная жизнь будет скучной – но только не для бабушки. Она совсем не возражала против нее. Ей нравилась неопределенность. Всю свою жизнь она любила висеть на волоске, наблюдая за тем, что происходит. И если бы вы спросили, почему ей нравится такая жизнь, когда она просто болтается без дела, то, скорее всего, она ответила бы, что это дает ей возможность подумать, помогает понять, что такое жизнь. Если бы она была в хорошем настроении, то могла бы даже добавить, будучи в некотором роде философом-любителем, что поиск смысла всегда был ее главной заботой. И если вы, не удовлетворившись таким ответом, стали бы настаивать на уточнениях, то ее довольно простой ответ мог бы заключаться в том, что жизнь не должна состоять только из погони за вещами, что ждать, когда наступит твое время гораздо лучше. Конечно, если бы вы хорошо знали бабушку, вы были бы в курсе, что она всегда являлась большой сторонницей того, чтобы вещи приходили к ней; «вещами» в данном случае были другие насекомые. И если бы бабушка была по-настоящему разговорчива, она могла бы добавить, что бегать за этими вещами – пустая трата времени: они просто слишком быстрые. Вместо этого, очень тихо повиснув, бабушка ждала, когда ее добыча придет к ней сама. Ведь о ее терпении ходили легенды.

Кусочек жизни

В какой-то момент бабушка поняла, что слишком много часов провела в дневных грезах. Настало самое время вернуться в реальность. Скоро должно было стемнеть. А с наступлением ночи она стала переживать, что была все еще немного голодна. Она действительно была бы рада немного перекусить. Ее дневная добыча оказалась совсем не такой, какой она ожидала. Однако по прошлому опыту бабушка знала, что ей могут представиться и другие возможности. Несмотря на поздний час, вокруг все еще было достаточно мух, комаров, кузнечиков, жуков и гусениц. Ей обязательно повезет. Несомненно, один из них совершит ошибку и попадет в паутину.

При одной мысли о следующей жертве у бабушки потекли слюнки. В этот момент она представляла это в своих фантазиях. Когда вокруг жужжали все эти насекомые, у нее возникло сильное предчувствие, что скоро что-то произойдет. И действительно, как будто она загадала желание, – крошечный кузнечик прыгнул в паутину. Не двигаясь с места, бабушка напряженно наблюдала за происходящим, за тем, как маленькое насекомое борется и пытается освободиться. Но все шло по плану – кузнечик все больше запутывался. «Итак, – подумала бабушка, – самое время!» И она точно знала, что нужно делать. Имея богатый опыт, она действительно добилась совершенства в технике обездвиживания своих жертв. Когда кузнечик успокоился, весь запутавшись в паутине, бабушка, словно молния, бросилась к нему и, используя клыки, парализовала, ужалив своим ядом. Довольная своей добычей, она завернула маленькое насекомое в шелковые нити, превратив его в красивый маленький сверток.

Впоследствии бабушка самодовольно размышляла, насколько она была удовлетворена тем, что ее способ питания был более элегантным, чем у других насекомых. Ей никогда не нравилось рвать и грызть плоть. Напротив, ее обеденный этикет был намного продуктивнее. Ей казалось странным, что другие насекомые не переняли ту же технику. Не отличная ли идея готовить еду, завернув добычу в хороший сверток, добавить в него свои пищеварительные соки и разжижить содержимое, чтобы получилась каша? После этого единственное, что оставалось сделать, когда она приготовила кашу как следует, – всосать ее прямо в рот. В каком-то смысле бабушка сравнивала это со смузи. Разве такой способ не более цивилизованный и менее грязный, чем привычное поедание? Кроме того, будучи чрезвычайно бережливой, она была очень довольна тем, что почти ничего из еды не проливалось.

После того как бабушка покончила с ужином, она почувствовала себя намного лучше. Теперь, глядя в маленькую лужицу воды под паутиной, она с восхищением рассматривала свое лицо. Разве она не обворожительна? Разве она не была великолепным представителем своего вида? Кто мог бы устоять перед ее восхитительным блестящим черным цветом? Кого бы ни заинтриговали красноватые отметины в форме песочных часов в центре брюшка? Самодовольно подумала она, учитывая хищную красоту, ни один мужчина ее вида никогда не сможет устоять перед ней.

Прекрасно зная правила игры в обольщение, она всегда притягивала их, как мотыльков огонь, и с годами научилась ловко дергать мужчин за ниточки.

Пока бабушка любовалась собой, она почти забыла, что была не одна. Играть в игру ожидания, просто размышляя о еде и смысле жизни, – это одно, но как насчет работы – нянчить своих десятерых маленьких внучат-паучков? Ее согревала сама мысль о заботе об этих малышах. И, глядя, как они играют, бабушка широко улыбалась. Было так приятно видеть, как они растут, проводить с ними время. Именно это единение и делало их дружной семьей.

«Как быстро эти малыши учатся», – подумала бабушка. Откровенно говоря, они были остры, как шипы. И хотя она учила их на примерах из своей жизни, она также многому научилась у них. Данное обстоятельство еще раз подтвердило ее твердое убеждение в том, как многому взрослые могут научиться у своих внуков. Улыбаясь про себя, бабушка была уверена, что эти малыши когда-нибудь непременно достигнут успеха.

Конечно, причина того, что бабушкин ужин в тот день состоялся поздно, была в этих маленьких детках-паучках. Она провела с ними так много времени. Забота о них оставляла ей очень мало времени для ухода за паутиной. Только теперь она поняла, что некоторые из более крупных жертв сумели выбраться наружу. Но как она может быть настороже каждую секунду в течение дня, когда вокруг снуют малыши? Но потом она подумала, что ей грех жаловаться. Ей было приятно, что они находились рядом.

А что случилось с дедушкой? Бабушка рассказывает свою историю

Хотя маленькие паучки прекрасно проводили время, ползая по листьям под паутиной, они знали, что скоро наступит пора ложиться спать. Пытаясь оттянуть предсказуемую просьбу бабушки перестать играть, одна из самых смелых паучков подползла к ней и спросила: «Может, мы еще немного посидим? – и добавила: – Так трудно заснуть, когда еще столько дневного света».

Бабушка на секунду задумалась над этой просьбой и сказала: «Хорошо, малыши, но обещайте, что вы не будете слишком много двигаться. У меня еще осталось немного места в желудке, а, как вы видите, в воздухе еще довольно много комаров. Пожалуйста, пусть они вас не замечают».

Довольные, что им удалось еще на немного отсрочить время ложиться спать, малыши пообещали не шевелиться. Но спокойно сидеть, ожидая, когда что-то произойдет, было не в их вкусе. Паучата были слишком неугомонными. У них еще не было бабушкиной выдержки. Через некоторое время одна из паучков начала терять терпение и сказала: «Пожалуйста, бабушка, не могла бы ты рассказать нам сказку? Не могла бы ты рассказать нам о некоторых уроках, которые ты получила в жизни?»

Поскольку бабушка пребывала в хорошем настроении, она сказала: «Конечно, разве не для этого существуют бабушки? О чем бы вы хотели со мной поговорить?»

Но никто из малышей не знал, что ответить, – все молчали.

Вскоре после этого бабушка сделалась нетерпеливой и сказала: «Хорошо, давайте я скажу вам, что я буду делать. Поскольку все мы тут женщины, было бы неплохо сказать что-нибудь о роли женщин в мире, в котором мы живем. Я полагаю, мне следует поговорить с вами об отношениях между мужчиной и женщиной. Начну с того, что, несмотря на внешнюю картину, – мы, женщины, счастливчики. По правде говоря, мы сильный пол. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?»

И снова бабушкин вопрос вызвал молчание. Когда реакции не последовало, она продолжила: «Я думаю, вы не знаете и, может быть, вам будет полезно, если я объясню, о чем сейчас думаю. Вы никогда не задумывались, почему у нас такое прозвище "паук – черная вдова"»?

И опять воцарилась мертвая тишина. После короткой паузы, размышляя о том, что бы сказать дальше, бабушка осознала, что в паутине фактов многие истины задыхаются. Малыши, похоже, никогда особо не задумывались об этом. Тогда она собралась с духом и сказала: «Вы должны знать, что для нашего прозвища "черная вдова" существует очень веская причина. Как и во многом другом в жизни – все дело тут в сексе. И теперь вы уже довольно взрослые, чтобы знать, что мужчины-пауки нашего вида тянутся к нам. Им нравится находиться рядом. В то же время вы должны принять тот факт, что одновременно самцы нас боятся. Как женщины, мы можем доставлять им много неприятностей.

О, вас так удивляет, почему это так? Одной из причин, судя по фактам, может быть то, что мы, паучихи черной вдовы, намного крупнее. Кроме того, это может быть потому, что наш яд намного сильнее. Вам лучше помнить об этих различиях, когда вы станете старше. В моем случае мне пришлось дойти до этого самостоятельно. Конечно, у самцов есть и более серьезные опасения относительно нас. Иногда некоторым из них трудно иметь дело с женщинами в своем воображении. Но что бы ни происходило в их головах, я могу заверить вас, мои малыши, что самцы-пауки вскоре приблизятся к вам. И когда они это сделают, будьте внимательны, потому что некоторые из них попытаются лишить вас еды. Всегда помните, что жизнь – это нечто большее, чем просто секс. Мгновенное удовольствие всегда очень приятно, но вам нужно постоянно планировать свое будущее и думать о самостоятельном выживании, так как мужчины могут быть очень непостоянными.

Возьмем, к примеру, одного из ваших дедушек. Я до сих пор отчетливо помню, как он кружил вокруг моей паутины. Оглядываясь назад, я предполагаю, что он учуял меня. Как вы, возможно, знаете, наша паутина издает сильный запах, который зависит от того, что мы едим. Поэтому наш аромат может быть очень интригующим и привлекательным. Судя по этим запахам, твой дедушка, задумавший коварный план, знал, что я только что поела. Он полагал, что рассказ о моей прекрасной фигуре заставит меня забыть об этом. Но как же ошибался этот идиот! Поскольку у меня был полный желудок, время для соблазнения было неподходящим.

Вы все должны знать: когда подходит время, я хочу есть. И возможно, для вашего дедушки тогда было самое подходящее время, но не для меня.

Продолжая висеть рядом, он вообразил, что может использовать меня в своих интересах. Но ваша бабушка совсем не глупа. Она не из тех паучих, которыми можно легко воспользоваться. Напротив, школа тяжелых жизненных ударов научила меня хорошо заботиться о себе.

Вы понимаете, мои маленькие, что я пытаюсь вам сказать? Как бы эгоистичны ни были мужчины – ваш дедушка пытался лишиться меня еды, – по сути, это была неплохая попытка, но ему явно не везло, и этому не суждено было случиться. Он не понимал, что мы, женщины – создатели вдов, можем обладать лучшим из обоих миров. Как женщины, мы "многоруки". Мы способны делать много вещей одновременно. Я хочу вам сказать, что мы можем заниматься сексом и одновременно есть.

В то время я не поддавалась на лесть вашего дедушки, я знала, что он скоро вернется. Будет еще одна возможность оказаться рядом. Я знала, что то, что он видит в моей таинственной женственности, постепенно шаг за шагом втянет его внутрь. Без сомнения, здесь действовало и притяжение моей великолепной паутины. Надеюсь, вы понимаете, мои малышки, что ваша бабушка может быть чрезвычайно соблазнительной, когда захочет. Я прекрасно понимала, что он влюбился, он не сможет контролировать себя. Он собирался вернуться и запутаться в моей паутине.

Итак, малыши, я позволила вашему дедушке подождать, пока не проголодаюсь по-настоящему. Моим кредо всегда было: "Если не голоден, зачем утруждать себя сексом!" Ты всегда должна ждать подходящего момента. И как вы все знаете, мы, пауки черные вдовы, умеем ждать. Я показала всем вам, как долго можно оставаться неподвижной – пока за мной не начинают ухаживать. На самом деле я вела себя по отношению к вашему деду точно так же, как вела бы себя в ожидании обычной мухи. Медленно, но верно я втягивала его все глубже в свою паутину, дергая за все ниточки, уверенная, что когда он в ней окажется, то уже не сможет распутаться.

Я сказала вашему дедушке, что сожалела о том, что не могла увидеть его раньше из-за работы; моя работа – убийство. Как я и ожидала, поскольку он был совершенно без ума от меня, он был более чем готов принять любые мои извинения. Я одарила его фальшивой улыбкой и польстила ему, сказав, что он был самым красивым пауком-самцом, которого я когда-либо видела. Естественно, он попался на эту приманку. Мужчины бывают такими наивными! Мужчин так легко обмануть! На самом деле без особых усилий вы можете заставить многих из них поверить почти во все что угодно. Было очевидно: что бы я ни сказала, этого достаточно, чтобы соблазнить. Что бы я ни делала, ваш дедушка велся на это. Он полностью попался на мою удочку.

На самом пике нашего романтического соития, когда он уже был удовлетворен, но все еще находился в моих объятиях, ваш дедушка решил уйти. Он захотел освободиться, после того как все завершилось, как это любят делать многие мужчины. И, насколько мне известно, он, возможно, даже намеревался перейти к другой паучине. Можете себе представить! У многих мужчин хватает наглости! И, поверьте мне, я не считаю, что ваш дедушка был каким-то особенным. Иногда это заставляет меня

задуматься: могут ли в принципе мужчины иметь серьезные отношения? Есть ли будущее у союза между женщиной и женщиной?

Могу сказать вам однозначно – ваш дедушка не рассчитывал на то, что произойдет потом. Он пытался вырваться из моих объятий, но я держала его достаточно крепко, чтобы быть уверенной, что он никуда не денется. Честно говоря, было бы настоящим чудом вырваться из моих объятий и из паутины, которую я сплела. После недолгой борьбы я подарила ему один из своих ядовитых поцелуев. Должна признаться, иногда я бываю добросердечной – я дала ему сначала немного обезболивающего. Но, когда его действие закончилось, я всадила в него полную дозу своего яда, связала его шелковистыми нитями и высосала все жизненные силы. В некотором смысле я выкинула тело после того, как поглотила его сердце.

Неужели, вы считаете, малыши, что у меня холодное сердце? Вы думаете, мне следовало оставить вашего дедушку при себе? По правде говоря, я так не считала. Он сделал то, что должен был сделать. В конце концов, вы, малыши, живое тому доказательство. Но несмотря на то, что случилось с вашим дедушкой, я должна была строить планы на будущее. Мне нужно было поесть. Мне нужно было найти возможность отложить яйца. Кроме того, я могу сказать вам, что отсутствие таких пауков, как ваш дедушка, делает жизнь намного проще. И если уж говорить правду, выражаясь более вульгарно, ему следовало бы знать, что со мной шутки плохи. Я сделала, что сделала, поскольку была уверена, что он заслужил это. Опираясь на предыдущий опыт общения с мужчинами, я уверена, что, скорее всего, он вел бы себя так же, как и все прочие, которых я знала. И разве люди не говорят: "Кошелек или жизнь?" Вот что он получил. Я обманула его после того, как охмурила. Мы, самки пауков, дарим жизнь и забираем ее. Слишком часто, как я убедилась на собственном горьком опыте, то, что воспринимается за любовь, оказывается всего лишь иллюзией. Все, что я могу сейчас сказать, что мы оба, пусть и недолго, но хорошо провели время».

Женская мистика

«Честно говоря, если еще немного поразмышлять, то ваш дедушка был довольно глуп. Он должен был понять мои предостережения. В конце концов, у меня есть знак песочных часов на спине, который очень ясно объясняет, что, когда вы приблизитесь ко мне, вам может не повезти; короче говоря, ваше время очень быстро подойдет к концу. Итак, малыши, теперь вы знаете, почему вашего дедушки больше нет рядом.

К сожалению, мужчины нашего вида не всегда осознают, насколько изобретательными могут быть женщины. Они не всегда распознают нашу теневую сторону. Они не видят, они не наблюдают. Они не понимают, что мы, женщины, сложные существа. Мы можем воплощать в себе так много вещей, будь то созидание или разрушение, хитрость или обман, интриги, мудрость, терпение, свет, тьма и даже смерть. Большинству мужчин трудно понять всю сложность женской мистики».

А затем бабушка спросила: «Ну, малыши, что вы думаете о моей истории?»

Первая малышка не могла дождаться, чтобы вставить слово. Когда бабушка кивнула в ее сторону, позволяя говорить, она выпалила: «Ты действительно преподала нам несколько уроков в построении отношений, в том, что такое партнерство. Понятно, что, когда вы любите кого-то полностью, вы должны быть готовы отдать все, даже если это означает, как это было в случае с тобой и дедушкой, принести полную жертву. Вы должны быть в состоянии отказаться от своих эгоистичных мотивов. Вы должны быть способны полностью отдать себя. Вот что такое настоящая любовь. Именно так можно строить настоящие отношения».

«О малышка, ты так романтична, да к тому же и наивна. Но кто знает, судя по тому, что ты говоришь, вполне возможно, что ты станешь идеальной женой, – пробормотала бабушка. – В то же время ты можешь сильно разочароваться, если планируешь быть простым продолжением другого пола. Всегда помни, насколько важно женщине иметь собственную индивидуальность. И как я уже неоднократно говорила, вы всегда должны оставаться женщиной в собственном праве, особенно в наши дни. Не превращайтесь в «как бы» личность, принимая свои ценности и позиции от тех, к кому вы привязаны и с кем вы идентифицируете себя, кто, скорее всего, окажется вашим партнером.

То, что вам нужно в отношениях, – это зрелая зависимость, то есть способность выразить чувства в отношении собственных потребностей, но также и способность создавать пространство для себя. Кроме того, как и в любых зрелых отношениях, вы должны спросить, а есть ли у другого человека то, что вам нужно, – качества, которые вы действительно ищете. Я имею в виду те качества, которые вы видите у своих близких друзей. Это всегда хороший показатель того, будут ли отношения иметь перспективу в будущем.

Совершенно верно, ваш дедушка отдал все, загипнотизированный обезболиваемый сиренами похоти. Но в любых романтических отношениях всегда надо помнить о *coup de foudre* – будьте осторожны с любовью с первого взгляда. Иногда это превращается в нечто вроде психотического переживания: обе стороны хотят видеть только то, что им хочется видеть. Ведь влюбиться в себя довольно просто. Поэтому всегда важно присутствие хотя бы толики реальности – в противном случае все может превратиться в эмоциональные американские горки. И вы всегда должны точно понимать, какое качество ожидаете найти у другого.

В то же время вы должны иметь в виду, что наличие зрелых отношений может предоставить обоим возможность для личностного роста, если вы позволите этому случиться, а я этого не сделала. Я чувствовала, что он был недостаточно эмоционально зрелым. Хотя я и не выражала этого вслух, но на самом деле спрашивала себя, будет ли он способен оказать поддержку, если наступит трудный момент. Я также не думаю, что у нас были какие-то общие интересы, что крайне важно для того, чтобы отношения работали. Большую роль тут играет умение делать что-то общее вместе».

Вторая маленькая паучиха, казалось, была вдохновлена замечанием своей сестры об отношениях, и добавила: «Разве любовь не слишком часто напоминает паутину? Чем больше мы пытаемся выбраться из нее, тем больше чувствуем себя в ловушке. Не слишком ли много взаимосвязей – всего лишь неясные и причудливые процессы, часто выходящие за рамки диктата рациональности, эволюционных предписаний, культурного давления или даже нашей собственной сознательной воли, планов или намерений? Почему одни отношения складываются удачно, а другие нет, может быть довольно загадочным. Какой-то философ однажды сказал: "Женишься – ты пожалеешь об этом; не женишься, ты также пожалеешь об этом". А вот мне интересно, был ли он сам когда-нибудь женат. Учитывая тон, которым он это произнес, я сомневаюсь в этом».

«Проблема многих отношений заключается в том, что мы можем испытывать это чувство неполноты, создавая ложную веру в то, что партнер собирается дополнить нас, сделать целостными личностями. Но это часто не так. И если это не проблема сама по себе, существуют люди, которые одержимы идеей "исправить" другого. Они смотрят на своего партнера как на "проект". Часто причина, по которой они ведут себя таким образом, заключается в том, что во время взросления один или оба родителя нуждались в "исправлении". Они вели себя крайне деструктивно. Неудивительно, что это становится проблемой, которая их заботит. Я слишком часто наблюдала такие ситуации, подобные проектам превращаются в "невыполнимую миссию". Вместо этого происходит то, что партнеры в итоге начинают вести "партизанскую войну"».

«Я думаю, ты не так романтична, как твоя сестра. Но мне интересно, где ты всему этому научилась. Ты, наверное, насмотрелась, что происходит в других паутинах, – сказала бабушка. Но потом она добавила: – Но должно ли так быть?»

Пойманный в паутину, или предложение «комнаты с видом»

Такое замечание несколько смутило третью малышку-паука. Она изо всех сил пыталась собраться с мыслями: в ее голове их было чересчур много. Внезапно ей показалось, что у нее наступил момент озарения, и она произнесла: «Не правда ли, что большинство отношений – это какая-то азартная игра? Разве ни печально, что большинство мужчин просто не понимают женщин? Слишком часто им кажется, что их сигналы пересекаются. Разве не говорится, что мужчины с Марса, а женщины с Венеры? Иногда кажется, что оба пола живут на разных планетах. Слишком часто я слышала, как многие пары жалуются, что они распадаются. Это связано с такими проблемами, как чувство собственной неполноценности, контроль со стороны партнера, отсутствие близости или попытка управлять флиртующим поведением одного из партнеров. А еще в отношениях присутствует раздражение, вызванное недостатком справедливости, то есть тем, что один из партнеров выполняет большую часть работы, а другой не тянет свой вес. Конечно, бывают такие ситуации, когда один партнер чрезмерно критичен к другому – такая форма общения друг с другом не

способствует созданию хорошей атмосферы. Неудивительно, что все эти недоразумения могут превратить жизнь в настоящий ад».

«Совершенно верно, – согласилась бабушка. – Конечно, напрашивается вопрос, почему отношения между мужчиной и женщиной всегда должны быть такими запутанными!»

Четвертая малышка-паучок сказала: «Это верно, но разве у всех нас, когда мы снова заводим разговор об отношениях, не возникает хроническое, коварное и похожее на ожидание засады чувство, ощущение угрозы, страх быть пойманными в какую-то паутину? Кажется, что во многих отношениях довольно трудно предложить друг другу "комнату с видом" – предоставить достаточно пространства. Иногда отношения могут быть довольно душными. Это заставляет меня задуматься над тем, почему некоторые люди вообще не хотят находиться в отношениях. Может быть, причина кроется в том, что они боятся никого не найти? Были ли они вынуждены действовать в спешке? Может быть, поддавшись социальному давлению, некоторые из них решили, что им лучше быстро запереть партнера, любого партнера, альтернативой было бы то, что один из них мог бы остаться один навсегда. Но если это является мотивацией, то люди рискуют оказаться в ловушке».

Устрашающие материнские фигуры

«Слушая бабушкину историю, я хотела бы добавить, что в мире пауков женский пол имеет большое значение. А услышав про то, что произошло с дедушкой, я могу представить, что многие мужчины других видов часто воспринимают нас, женский пол, не только в реальности, но и в своих фантазиях, как устрашающие материнские фигуры. Неудивительно, что им нравится иметь комнату с красивым видом. В их воображении мы подобны Великим Матерям из минувших времен – это архаичный психический образ. И такая реакция вполне объяснима. Когда мужчины были молоды, когда они постоянно общались со своими матерями, скорее всего, они ими командовали. На этом жизненном этапе женщины выглядели бы грозными, в то время как мальчики чувствовали себя очень маленькими. И этот интернализированный образ матери навсегда сохранится в психике ребенка. Эта материнская фигура обладала способностью не только давать, но и удерживать; она могла быть хорошей, но и одновременно плохой. Какой же сбивающей с толку и пугающей фигурой может быть мать».

«А разве это не парадокс? Мужчины испытывают этот страх перед женщинами, живя в мире, в котором доминируют мужчины, создавшие сами себя. Несмотря на власть, которой могут обладать мужчины, многие из них, кажется, смотрят на нас – и это не обязательно сознательный процесс – как на могущественный символ неволи. И действительно, в частности, как пауки черные вдовы, мы имеем право заманить наших жертв в ловушку и ограничить их свободу, прежде чем лишит их жизни. Секс с черной вдовой может быть поистине смертельным. В отличие от других существ, когда ситуация носит скорее метафорический характер, когда женщины могут представлять угрозу в воображении».

«Интересно, как много ты, кажется, знаешь об отношениях между мужчиной и женщиной. Это заставляет меня задуматься, где и как ты приобрела все эти знания. Как бы то ни было, несмотря на все мужские усилия, прилагаемые к доказательству обратного, имейте в виду, и я уже говорила об этом ранее, мужчины действительно являются слабым полом».

Понимание того, что происходит под поверхностью

Пятая малышка, несколько обеспокоенная тем, как развивался разговор, сказала: «Как пауки, должны ли мы использовать других, чтобы заставить их съежиться, а затем выбросить их? Разве обязательно чтобы отношения заканчивались именно так, даже в браке? Из того, что я видела, глядя на своих родителей, отношения слишком часто портятся, потому что мы не распознаем сигналы, которые посылаем друг другу. Я считаю, что одна из причин заключается в том, что у многих из нас присутствует фантазия, что все думают одинаково. Но это совсем не так. Каждый из нас мыслит совершенно по-разному. Но восприятие другого таким образом приводит только к смешанным сигналам. Мы должны научиться ценить то, насколько все мы разные. Самки и самцы пауков общаются по-разному и могут придавать разные значения одним и тем же словам.

Более того, мы должны не только следить за явным поведением, но и понять, что происходит под поверхностью. Как мы все знаем, то, что вы видите, не всегда является тем, что есть на самом деле. Разве это не правда, что каждый нормален до тех пор, пока вы не узнаете его лучше? Нам следует понимать, что движет другими людьми, то, о чем говорит другой. Нам необходимо разобраться в его тонких сигналах. И когда другие пытаются объяснить нам, что они собой представляют, они могут даже не знать этого сами. Лозунг "Познай самого себя" является императивом. Но из того, что я видела, большинство людей имеют очень слабое представление о том, что заставляет их "тикать". Но, если мы этого не выясним, нас ждет большой сюрприз. Бабушка, только подумай, как ты удивила дедушку! Но кто знает, может быть, при правильной интерпретации дедушка все еще был бы с нами».

Затем малышка довольно легкомысленно добавила: «Конечно, главный урок, который следует усвоить, заключается в том, что тебе лучше никогда не связываться с черной вдовой!»

«Мужчины бывают такими невежественными», – довольно холодно ответила бабушка.

Изучая нашу теневую сторону

Шестая маленькая паучиха была скорее бродягой, однако весьма проницательной. «Я хотела бы подробнее остановиться на том, что только что было сказано. Нас, черных вдов, часто изображают скрывающими абсолютную реальность под покровом иллюзии. Наши паутины демонстрируют так много красоты, дают так много обещаний. Но в то же время они совершенно иллюзорны, – как ясно дала понять бабушка, – и являются

паутиной обмана. Они делают нас ткачами, символами хитрости. Мораль всего этого не должна быть искажена внешними обстоятельствами. К сожалению, мы все знаем, насколько легко люди обманываются, когда вы говорите им то, что они хотят услышать. Просто подумайте о мире, в котором мы живем: вся эта лесть, все эти фальшивые улыбки. Но мы также знаем, если вы не будете осторожны, ваша жизнь может быть высосана из вас.

Иногда, как в случае с нашими паутинами, мы сами этого не замечаем, но там очень опасно. Я пытаюсь сказать, развивая вопрос о том, насколько хорошо вы знаете себя, – что у каждого есть теневая сторона, тот аспект нашей личности, который мы расцениваем как недостойный или неприятный, и поэтому пытаемся его отвергнуть или подавить. Но, зная самих себя, мы не должны этого делать: будучи в состоянии жить подлинной жизнью, мы можем извлечь важные уроки из наших темных сторон. И все же путь туда требует уязвимости; он требует, чтобы у нас было мужество позволить темным частям нас выйти на свет. И мы обязаны сделать это, если мы готовы понять, что же мы на самом деле из себя представляем. И если мы достаточно смелы, чтобы справиться с нашей теневой стороной, то это поможет нам примириться с другими частями нашей личности. Именно в этом заключается подлинность. Конечно, некоторые из вас могут возразить, что для паука рода черной вдовы подлинность всегда будет оставаться несколько сомнительным предложением».

«Моя дорогая малышка, какое непростое наблюдение. Вот так и ум у тебя! Ты крайне проницательна. Ты обладаешь всеми необходимыми качествами, чтобы стать психологом. Не пытайся быть остроумной, ты, кажется, проявляешь мудрость не по годам. Ты добьешься больших успехов», – проворчала бабушка.

Схема внутри дарвиновской борьбы

Седьмая девочка-паучок, настроенная несколько философски, взглянув на ситуацию под другим углом, произнесла: «Я бы хотела изменить ход дискуссии и поговорить о различных видах отношений власти. Наблюдая за бабушкой, я поняла, что, когда какое-нибудь слабое существо попадает в ее паутину, существует высокая вероятность, что оно уже оттуда не выберется. Но это не относится к крупным насекомым, скорее всего, они прорвутся и сбегут. Мы можем говорить о равенстве в жизни, но на самом деле сила слишком часто бывает права. Жизнь не всегда справедлива и честный процесс часто трудно найти. Конечно, бабушка, я слышала, как ты говорила: "Привыкай к этому, будь настоящей, это жизнь!" Но разве так должно быть? Слишком многие не заслуживают того, что получают, в то время как многие не получают того, что заслуживают».

«Вам лучше принять факты из жизни, что даст вам более реалистичное представление о том, как преуспеть в этом мире. Жизнь может быть вполне дарвиновской», – ответила бабушка.

«Разве мы не слышали выражения "быть как паук в паутине", имея в виду нашу способность претворять великие схемы и планы, – сказала

восьмая маленькая паучиха. – Я думаю, что для того, чтобы стать успешным пауком, чтобы достичь высот в различных сферах жизни, вам лучше быть в некотором роде интриганом. Проще говоря, в какой-то мере вам нужно быть макиавеллистами. Как бы эгоистично это ни звучало, вам следует сосредоточиться на собственных интересах, чтобы выжить в этом мире. Другими словами, чтобы добиться успеха, вам придется манипулировать, вводить в заблуждение и эксплуатировать других для достижения собственных целей. Возможно, именно это и требуется, чтобы продвинуться вперед. И точно так же, как в случае с бабушкой, чтобы добиться своего, вам придется льстить, лгать и искажать факты, когда это необходимо. Чтобы оказаться там, где вы хотите быть, вам, возможно, придется продемонстрировать очарование и уверенность в себе. Все это часть игры. Но что бы вы ни делали, вам лучше не раскрывать своих истинных намерений. И пока вы строите планы на будущее, просчитывая, каким образом вы смогли бы оказаться на вершине паутины, вам нужно оставаться сосредоточенными на собственных амбициях.

Также вам лучше забыть о сочувствии, сострадании и эмоциональной привязанности. Эти чувства никуда вас не приведут. Они лишь собьют вас с пути истинного. Примите тот факт, что, возможно, вам придется причинять другим вред, чтобы достичь своих целей. А что касается принципов, то каковы они? Лучше быть гибким, если вы понимаете, что я имею в виду. Нравится вам это или нет, но настанут времена, когда вам нужно будет отказаться от этих принципов. В этом отношении мы должны поблагодарить нашу бабушку за то, что она оказалась таким замечательным примером для подражания», – закончила свою речь маленькая паучиха.

«Тебе придется защищаться, – согласилась бабушка. – Чтобы добиться успеха, нужно быть в некотором роде макиавеллистом. Как пауки, вы должны иметь дело с тем, что может оказаться слишком запутанной паутиной. Будет много случаев, когда вы окажетесь в очень непростых ситуациях. Поэтому, чтобы иметь возможность успешно управлять паутиной, забудьте о таких лидерских качествах, как скромность, подлинность, честность, доверие и бескорыстие. Гораздо эффективнее быть лживым, эгоцентричным, жадным и заботиться только о себе. Нравится вам это или нет, но таковы факты жизни».

**Семь главных факторов успеха – комплексность,
доверие, сострадание, забота, смелость,
критическое мышление и коммуникация**

«Позволю себе не согласиться. Мне действительно интересно, нужно ли прибегать к такому поведению, чтобы стать успешным в качестве паука, – заговорила девятая малыш-паучок. – Я понимаю, что в сравнении с моей сестричкой я могу показаться идеалисткой, но мне не по душе весь этот макиавеллизм. По моему мнению, успешное эффективное управление паутиной сводится к семи ключевым факторам: сложности, доверию, состраданию, заботе, мужеству, критическому мышлению и общению – для простоты я предпочитаю называть их семью главными факторами.

Слушая бабушкины рассказы, я пришла к выводу, что нам следует искать лидеров, которые способны справиться со сложностями, обладающих терпением и использующих многогранный подход для решения проблем. Такие лидеры будут истинными торговцами надеждой, принимая во внимание их призрачный, но основанный на реальности взгляд на вещи. Более того, я пришла к пониманию того, как уверенность в себе стимулирует любопытство и способствует большей открытости ума. Уверенность расширяет наши взгляды на новые возможности обучения, в то время как сострадание, как это ни странно для черной вдовы, может позволить нам влиять на других. Не ограничиваясь этим, нам нужно страстно заботиться о том, что мы делаем, и тогда наша страсть будет вдохновлять других. Но также у нас должно быть мужество для наших убеждений. Помимо всего сказанного, я уверена, что для того, чтобы быть действительно успешным в управлении паутиной, необходимо научиться критическому мышлению. Это сделает нас более эффективными во всем, что мы создаем. И наконец, чтобы быть похожими на бабушку, нам нужно улучшить коммуникативные навыки – способность излагать идеи кратко и связно, чтобы мы могли обучать наших детей и внуков, когда настанет время».

Бабушка ответила: «Это слишком многословно. Я думаю, что ты чрезмерно идеалистична, по крайней мере, для черной вдовы».

Дилемма выбора – плетение паутины нашей жизни

Десятая малышка сильно колебалась, раздумывая, что бы ей сказать. Она задавалась вопросом, как ей подытожить большое количество идей, вышедших на передний план. Слушая остальных, она думала о том, что происходит повсюду. Наконец, ей удалось взять себя в руки и прошептать: «Ясно, что мы, как пауки, плетем паутину, чтобы заработать себе на жизнь, но мы также несем ответственность и за плетение паутины собственной жизни. Мне показалось, что бабушка пыталась нам сказать о том, что паутина, которую мы плетем, может либо служить нам, либо поработить нас. Наша паутина будет напоминанием о выборе, который мы делаем, чтобы построить свою жизнь. Для каждого из нас всегда существует дилемма выбора, особенно в том, что касается любви и работы. И как бы нам этого ни хотелось, мы должны сделать этот выбор, опираясь на мудрость. Нам не стоит бояться этого делать. Это позволит увидеть, как пути судьбы пересекаются в разнообразной паутине жизни. Таким образом, мы должны быть очень осознанными в выборах, которые мы делаем; нам нужно быть умными в той жизни, которую мы сами выплетаем.

И чтобы быть немного философски настроенным – давать предписания, как жить осмысленной жизнью – я могу представить себе, что существует пять столпов "бытия", которые очень сильно влияют на то, как мы переживаем то, что имеет для нас значение, то, что будет всегда важным. Начнем с того, что смысл жизни зависит от чувства *принадлежности*, подразумевающего глубину наших межличностных отношений; он зависит от нашей способности устанавливать и поддерживать связи с другими, включая нашу способность к генеративности – готовности воспитывать и

направлять более молодых, внося тем самым свой вклад в следующее поколение. Только посмотрите, как бабушка о нас заботится, как она собрала нас вместе. Смысл имеет и некоторое отношение к тому, в какой степени мы способны определить *цель*, выяснить, как наилучшим образом мы можем применить те дары, которыми обладаем. Конечно, как для черных вдов, наша цель – соткать паутину, которая станет паутиной нашей жизни. Кроме этого, смысл зависит от нашей способности найти удовольствие в применении наших талантов – его использование будет способствовать укреплению чувства самоэффективности и *компетентности*. Это связано с тем, как мы можем овладеть всем, что мы так страстно любим; какие виды деятельности будут наполнять нас энергией. Посмотрите, как мы ткем и переплетаем, когда наши паутины разваливаются! У нас такой богатый опыт в этом деле, и он превращает нас в настоящих ремесленников. К тому же смысл имеет отношение к нашему чувству *контроля* – степени, в которой мы уверены, что контролируем собственную судьбу. Опять же, все это связано с выбором, который мы делаем, с тем, как мы владеем собственной жизнью. И наконец, наш поиск смысла связан с *трансцендентностью*: как нам удастся связать себя с проблемами, которые больше нас самих, как мы можем целенаправленно вносить свой вклад в лес, в котором живем. Другими словами, это относится к тому, что каждый из нас может предпринять, чтобы сделать наш лес лучшим местом для развешивания паутины. Каждый из нас может внести свой небольшой вклад в это дело. В этом контексте смысл жизни можно рассматривать как опеку над миром».

Бабушка сказала: «Это была настоящая лекция! Я и понятия не имела, что среди нас есть такой многообещающий философ. Это очень впечатляет. Ты дала нам много пищи для размышлений».

Великая Мать

«Дорогие малыши, выслушав всех вас, мне стало ясно, что совсем скоро вам придется плести собственные паутины. И не за горами время, когда наступит ваша очередь поговорить с собственными малышами. Ваши наблюдения о жизни заставили меня понять, что часы тикают, отсчитывая время. Поскольку вы скоро пойдете своей дорогой, пришла пора рассказать вам кое-что о нашей истории – не только как черных вдов, но и как членов женского "племени". Как уже заметила одна из вас, мы, женщины, очень символично представляем Великую Мать, другими словами, Гею – первоначальную мать – Богиню Земли. Как духовное воплощение Земли она всегда являлась символом плодородия, природы и потока изобилия. В конце концов, разве все мы не зависим от земли в том, что касается пищи, крова и самой жизни? Поэтому мы можем рассматривать наши женские тела как священную метафору земли. И подобно Земле, жизнь творится в женских телах, так что деторождение можно сравнить с плодородием почвы. Таким образом, в очень мистическом смысле мы считаемся едиными с Землей. Так или иначе – и я снова указываю на силу

символизма – женское тело почитается как сосуд созидания, трансформации, защиты и возрождения.

Довольно интересно, что наши восемь глаз, восемь ног и форма тела в виде восьмерки делают черных вдов также символом бесконечности. Просто подумайте об этом: знак бесконечности – это восьмерка, повернутая набок. Поэтому, как и в случае с другим символическим изображением Великой Матери, мы, пауки, также представляем цикл жизни – ее начало и конец. И более того, как паукам, нам предопределено быть ткачами судьбы. Мы плетем узоры жизни. Мы заняты строительством, разрушением и восстановлением.

Конечно, как уже было ранее сказано, если взглянуть глубже, архетип Великой Матери – это просто остаток памяти наших отношений с собственной матерью. Воспоминания о взаимодействиях с прошлым, как правило, сохраняются надолго. И как все вы теперь понимаете, этот образ матери может быть грозным. Несмотря на то, что мужчины всегда пытались доминировать, женщины наделены способностью рожать, и в действительности мы являемся более сильным полом».

Мифология пауков в Греции, Египте и Западной Африке

«Вы знаете, о малыши, есть так много других историй о пауках в паутинах. В мифологическом смысле мы не только олицетворяем женское начало, но, как пауки, плетем проводящую нить во вселенную богов. Достаточно вспомнить греческий миф о деве Арахне и богине Афине, историю, которую я рассказывала вам давным-давно. Если вы помните, в этом мифе Арахна, талантливая дочь пастуха, бросила вызов Афине, богине мудрости, ремесел и войны, в состязании в ткачестве. В своем высокомерии Арахна утверждала, что она лучшая ткачиха. Конечно, такой вызов был бы оскорблением богов, что для древних греков являлось очень серьезным и даже смертельным грехом. А чтобы еще больше подлить масла в огонь во время состязания ткачей Арахна высмеивала верховных божеств Олимпа, показывая всем их темные стороны, изображая в своем творении их неверность и любовные похождения. Несмотря на то, что ее работа оказалась поистине блестящей, Афина пришла в ярость от того, что соткала Арахна. И в своем гневе она превратила ее в паука ("*арахни*" по-гречески), объявив, что отныне она и все ее потомки будут вечно висеть на нитях, но останутся искусными ткачами. Да будет так!

Возможно, вы помните, что я рассказывала вам о том, что в Древнем Египте пауки, подобные нам, олицетворяли Божественную богиню-мать Нейт. Как богиня созидания и ткачества, она, как повествуется в мифах, ежедневно заново ткала мир на своем ткацком станке. Помимо нее я, возможно, также упоминала западноафриканского и карибского трикстера духа Ананси, огромного паука, чья история похожа на повествования о трикстерах, упоминания о которых вы можете найти во многих культурах коренных американцев. Богиня Нейт была известна своим умом и склонностью к подрывной деятельности. Опять же это указывает на то, что мы, пауки, любим действовать – вспомните о том, что я сделала с бабушкой.

Мы делаем то, что для других может происходить только в их воображении».

Притяжение и отталкивание – опасная двойственность

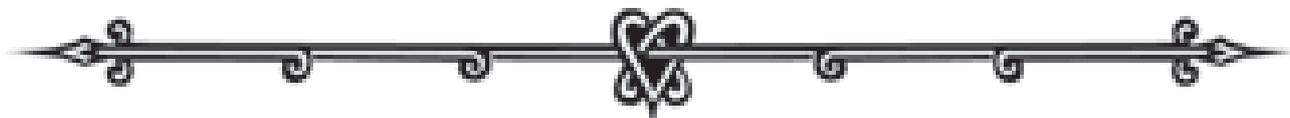
«Я уверена: всем вам теперь должно быть понятно, что наша черная вдова, образ Великой Матери, притягивает и отталкивает одновременно. Как я уже говорила, будучи женщинами, мы символизируем творчество, сексуальный союз, рождение, воспитание и плодородие. Нет никакого сомнения – мы наделены опасной двойственностью. Мы обладаем силой позитивной, но также и негативной трансформации. В бессознательном мы являемся не только символами безграничной мощи сил природы, воплощающих сексуальность и плодородие, но и устрашающей силой – силой разрушения. Естественно, что в образе Великой Матери всегда будет присутствовать теневое Я. Поэтому помните: то, что вы подавляете или вытесняете, всегда будет выражено!

Мы должны признать, что Великая Мать-Богиня – это одновременно богиня жизни и богиня смерти. На самом деле темная сестра-близнец Великой Матери – это Ужасная Мать, являющая собой страшную силу разрушения. Разве не все мы воспринимали маму нашего раннего детства как всеотдающую, но также и как всеудерживающую, как хорошую, так и плохую? Учитывая наши самые ранние переживания, данный архетип женского начала обитает в мире первичных инстинктов, часто представленных в виде человекообразной или даже животной формах. Таким образом, как черные вдовы, мы несем в себе очень символическую роль. Ярким примером архетипа Ужасной Матери, ее ужасающим альтер эго, является чернокожая индийская богиня Кали, наполненная силой смерти и разрушения, – страшный призрак с красными глазами, наполненными яростью, растрепанными волосами и клыками, торчащими изо рта.

Более того, мы, черные вдовы, также славимся не только как обманщицы, но и как ведьмы – сверхъестественные и нечестивые образы женского начала. Принимая на себя эту роль, мы живем вне границ цивилизации. Мы не всегда ведем себя в соответствии с общепринятыми нормами и ценностями и из-за этого подвергаемся остракизму. Мы можем им не соответствовать; мы можем не вписываться в традиционное, более идеализированное женское начало. Вместо этого мы можем нарушать и пересекать границы. Это и объясняет, почему нас называют ведьмами. Вы можете себе представить, малыши, как меня теперь называют друзья вашего дедушки, вспоминая то, что я с ним сотворила. Вам следует знать, что большинству мужчин не нравятся эти неукротимые силы, которыми обладают женщины. Таким образом, как бы они ни были привязаны к нам, они все же нас очень боятся. Малыши, я должна добавить, что опасное женское начало также тесно связано с мифологией так называемой зубастой вагины – зубастого влагилица, – в котором, как говорят, имеются зубы, что приводит к травматическим мужским ассоциациям – демаскулинизации и кастрации. Неудивительно, что самцы пауков настолько устали от нас.

Короче говоря, будучи женщинами, именно мы прядем шелковую паутину – нити жизни и судьбы, создающие паутину бесконечных возможностей. Мы – ткачи мечты о судьбе, вплетающие фантазии в реальность. Задача состоит в том, чтобы другие поняли нашу паутину и расшифровали красные нити, определяющие судьбу. Но, как показала история вашего дедушки, многие из этих других никогда не смогут справиться с такой задачей. Они живут, сохраняя неведение и недоумение, что, в конце концов, полностью всех их запутывает. Это еще раз подтверждает истинность высказывания романиста Вальтера Скотта: "Ох! какую запутанную паутину мы плетем, когда впервые практикуемся в обмане!"»²

Kets de Vries, Manfred F.R., Webs of Endless Possibility Life Lessons from the "Great Mother" as Told by a Black Widow and her ten Little Spiders (May 12, 2020). INSEAD Working Paper No. 2020/23/EFE. Источник публикации: <https://ssrn.com/abstract=3598938> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3598938> (Дата обращения: 04.05.2020)

² Вальтер Скотт. Мармион: Повесть о Флодденском поле. Песнь VI, строфа XVII.

Webs of Endless Possibility Life Lessons from the "Great Mother" as Told by a Black Widow and her ten Little Spiders

Manfred Kets de Vries
(Translation by Andrei Karpov)

Manfred Kets de Vries – professor of Leadership Development and Organisational Change at INSEAD. Past Founding Director of INSEAD's Global Leadership Centre. Executive coach and business consultant. Member of International Psychoanalytic Association, Canadian Psychoanalytic Society and Paris Psychoanalytical Society. One of the founders of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO). Program director of INSEAD's Top Management Programme "The Challenge of Leadership: Developing Your Emotional Intelligence", scientific director of the Executive Master's "Coaching and Consulting for Change".

This article offers a fairy tale but also a moral tale. It tells the story of a black widow spider and her ten little spiders – all female. After a number of behavioral observations about the habits of black widow spiders, under the guise of lessons from life, there is a dialogue between the ten little spiders and their "grandma" black widow. The article transforms into a moral tale touching upon a number of issues such as male-female relationships, leadership, meaning and the feminine mystique. Initially, the dialogue centers around the complex psychological dynamics of what makes partner relationships work – and what doesn't make them work. Often, it is described as the dialogue of the deaf, both parties not picking up the subtle signals. In addition, many of the dimensions of what makes for effective and ineffective partnerships are highlighted. Subsequently, the article (still using the "lessons learned" format) includes a number of observations about what's needed to create an effective leadership style, taking both a Machiavellian perspective and a more idealistic one. Furthermore, the essay contains a number of reflections on the forces that will make for meaning. Finally, some observations are offered about the role of the female in the imagination – a reference to the symbolism of the "Great Mother" image. Throughout the article, attention is given to the black widow symbolism in society – the discomfort of some men with the feminine mystique, often due to early ambivalent experiences with women. Men may have this fear of women while, at the same time, live in a self-created male dominated world. In the same way that black widows can be truly deadly, the feminine can – in the imaginations of these men – become something very threatening.

Keywords: Black widow spider, male-female relationships, feminine mystique, leadership, Machiavellianism, meaning, the Great Mother.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоанализ и нейрофизиология: перспективы взаимодействия в лечении обсессивно-компульсивного расстройства (МКБ код 42.0)

Д.А. Ольшанский

Дмитрий Александрович Ольшанский – Россия, Санкт-Петербург, частный психоаналитик.

Статья посвящена исследованию междисциплинарного поля между психоанализом и нейрофизиологией. На примере лечения обсессивно-компульсивного расстройства (МКБ код 42.0) автор сравнивает клинический подход психоанализа с методами нейрохирургии: глубоким мозговым стимулированием и лазерной абляцией.

Ключевые слова: психоанализ, нейрофизиология, нейропсихоанализ, мозг, обсессивно-компульсивное расстройство, Лакан

Зигмунд Фрейд высказывал надежду, что однажды выводы психоанализа могут быть доказаны и изложены языком нейрофизиологии. Очевидно, что он не только не противопоставлял науку о психике науке о мозге, но предполагал их синтез в отдаленном будущем. И вот сегодня нейрофизиология достигла достаточного уровня развития для того, чтобы суметь доказать открытия психоанализа. И психоанализ достиг того уровня развития, чтобы изъясняться языком строгой науки и отмежеваться от сомнительных умозрительных методов. Поэтому мы вплотную подошли к возможному если не синтезу, то диалогу этих наук, если только их представителям хватит терпения слушать друг друга.

Сложность диалога этих наук заключается в том, что между ними не существует ни общего языка, ни общего мировоззрения. Казалось бы, вопрос решается просто: любая наука, помимо своего профессионального словаря, должна уметь изложить выводы языком математики. Математика как наука об абстрактных объектах является общим знаменателем и универсальным языком для всех остальных отраслей науки. Иногда даже высказывается мнение, что сама математика наукой не является, так как ряду критериев научности не соответствует, но дает универсальный язык для всех остальных.

Однако никто этим не занимался. Психоанализ до 1970-х годов вообще не пересекался с математикой и не пытался что-либо доказывать на математических моделях. Лишь благодаря Лакану математика стала центральным понятием психоанализа, а его психическая топология заставила математиков ломать голову. Да и нейрофизиология, и медицина вообще, никогда не стремились объяснить свои выводы языком математики. И как доказать математически, что гамма-аминомасляная кислота приводит к ингибированию нервного импульса? Во-первых, не имеет смысла создавать математическую модель медицины, поскольку все медицинские гипотезы проверяются экспериментально, поэтому нет резона строить математическую модель мозга. Во-вторых, это технически невозможно – создать искусственную модель мозга. Словом, ни та ни другая наука никогда не искали общего знаменателя, поэтому его и нет.

Нейрофизиология продолжает исходить из гипотезы, что психика локализуется в коре головного мозга. Психоаналитики на это всегда возражали – мозг является лишь органом воспроизведения, так же как радиоприемник лишь транслирует музыку, но не сочиняет ее, поэтому, разобрав его на детали, мы ничего не узнаем о музыкальном таланте.

Психоанализ исходит из гипотезы, что психика является продуктом отношений – без Другого нет и субъекта, поэтому редуцировать ее только к самому носителю, а уж тем более к какому-то органу в теле, просто смехотворно. Коль скоро психика – результат отношений с Другим, то и клиника психоанализа предполагает личное общение и даже формирование невроза переноса между аналитиком и пациентом. Но ни та, ни другая гипотеза не являются доказанными безоговорочно.

Мало того что нет общей понятийной базы, так еще и происходит масса ложных узнаваний. Например, в нейрофизиологии бессознательным называют психические автоматизмы или подпороговое восприятие, поэтому нейрофизиологические исследования в области сознательных и бессознательных форм психической жизни занимаются совершенно не тем, что описывал Фрейд.

В работе «Сознание и его границы» Владимир Михайлович Бехтерев говорит: «Бессознательная сфера является тою сокровищницею нашей души, в которой хранится в скрытом состоянии большинство некогда ярко блиставших в сознании представлений и из которой происходит постоянное обновление сознательной сферы» (Бехтерев, 1888). Мысль потрясающая во многих отношениях. Во-первых, он говорит о бессознательной сфере, как об особой инстанции психического аппарата, а вовсе

не как о неосознаваемых процессах, протекающих в подпороговом модуле. Уже здесь появляется образ бессознательного как копилки означающих, активно используемый Лаканом. Во-вторых, не так уж далеко это от понимания Фрейда, который настаивал на том, что в бессознательном хранятся представления, то есть фактически записи опыта, отделенные от аффектов. Наконец, Бехтерев говорит здесь о процессе вытеснения и возвращения вытесненного, то есть в 1888 г. он во многом предвосхищает психоанализ, однако дальше их пути расходятся. Нейрофизиология оттеснила понятие бессознательного на окраины своего исследования, а психоанализ вовсе предпочел обходиться без понятия «сознание», объявив его гипотезой, в которой наука не нуждается.

Итак, что может быть общим между нейрофизиологией и психоанализом? И та и другая наука сходятся в том, что человек – совокупность структур. Только одни отождествляют их со структурами головного мозга, а другие – со структурами означающих. Нейрофизиология работает с нейронными сетями, психоаналитики – с символическими. Разница заключается в том, что первые из них материальны, поэтому возможно медицинское и даже хирургическое применение этих знаний, а психоанализ работает с абстрактными величинами, что позволяет сблизить его с математикой. То есть одно другому не противоречит: структура головного мозга не исключает наличия бессознательного, структурированного множества означающих. Поэтому мы не должны ставить вопрос так: либо нейрофизиология, либо психоанализ – но видеть качественно разные парадигмы.

Один из моих тезисов заключается в том, что психоанализ – это раздел математики, поэтому **бессознательное следует рассматривать как математическую функцию соответствия между двумя множествами – представлениями и знаковыми системами, которой может овладеть как конкретный человек, так и искусственный интеллект.** Поэтому теоретически возможно создать искусственное бессознательное, которое позволит машине пользоваться всем тем спектром функций, которые считались исключительно человеческими: воображение, депрессия, фантазия, невроз, сублимация, творчество.

Мы имеем дело с разным эпистемами, но мы видим, что нейрофизиология и психоанализ говорят довольно похожие вещи: «Личность появляется в результате деятельности головного мозга» (Дик Свааб, 2014), – или «субъект представляет собой результат воздействия означающих» (Жак Лакан, 2004). Нейрофизиология и психоанализ сходятся в том, что человек произведен от структуры и не имеет какой-то заданной константной данности, врожденной, одинаково у всех, подлинной самости или подлинного Я, как говорит психология. Поэтому вопрос о моих истинных желаниях и желаниях, навязанных обществом, о моей подлинной самости и ложной самости – вопрос ненаучный. Личность представляет собой результат работы структур, а не врожденный набор функций.

Поле для взаимодействия психоанализа и нейрофизиологии может стать практика. Можно оставить в стороне дебаты о понятиях в тот момент, когда перед нами конкретный клинический случай, который позволяет

сравнить клинические методы работы друг с другом и оценить их эффективность. Благо, что и нейрофизиология, и психоанализ располагают огромным количеством доказательного материала, поэтому ни одна гипотеза не остается умозрительной и может быть подтверждена клинической практикой.

Возьмем в качестве примера невроз навязчивости. Причину обсессивно-компульсивного расстройства психоанализ видит в том, что некое означающее ассоциативным путем связывает множество представлений и аффектов, которые за ним изначально не стояли. В результате такой психической перегрузки возникает обсессия, которую пациент пытается разрядить путем навязчивого компульсивного ритуала, таким образом надеясь распределить энергию и снять напряжения с очага раздражения. Например, в классическом случае Фрейда «*Rattenmann*, Человека-крысы» (Freud, 1909) аналитик четко прослеживает такое означающее *Rat*, которое захватывает самые различные области представлений, появляется в связи с разными сферами жизни и вызывает страх у пациента, парализует любые его начинания: карточные долги (*SpeilRATte*), женитьба (*heiRATten*), совет (*RAT*), крыса (*RATten*). То есть аналитик обнаруживает эпицентр обсессии в этом означающем *Rat* и при помощи интерпретации отделяет представление от аффекта, снимает перегрузку внутри психического аппарата и создает равномерное распределение энергии (Mahony, 1986). Именно так работает психоаналитическая интерпретация в случаях истерии, неврозов навязчивости, фобий. Позднее Лакан назвал этот метод клиникой означающего. Конечно, простое устранение симптома вовсе не является задачей психоанализа. Мы знаем примеры, когда симптом не только не нужно устранять, но стоит укреплять его или даже создавать заново. Поэтому и простое устранение невротических симптомов не входит в непосредственные задачи психоанализа.

Современная нейрофизиология описывает возникновение обсессивно-компульсивного расстройства как нарушение между корой, таламусом и стриатумом (полосатым телом), то есть в кортико-стриато-таламической системе. Нейрофизиология связывала обсессивно-компульсивное расстройство с нарушением того, что «процесс передачи информации между нейронами регулируется, в частности обратным захватом нейротрансмиттеров в нейроны – нейротрансмиттер частично возвращается в выпускающий нейрон, где ликвидируется моноаминоксидазой, что контролирует его уровень в синапсе. Предполагается, что у больных ОКР происходит повышенный обратный захват серотонина, и импульс не доходит до следующего нейрона». Фрейд описывал нечто похожее, говоря о том, что концентрация удовольствия в навязчивости препятствует дальнейшему движению и вызывает застой либидо или, говоря словами Лакана, наслаждение прерывает метонимию означающих. Если слово *Rat* перегружено аффектами, то это препятствует дальнейшему распределению либидо: пациент не может вернуть долг (*SpeilRATte*), потому что это ассоциативно связано с гомосексуальным страхом и сценой пытки крысами (*RATten*), по этой причине он откладывает и откладывает это действие. Равно как бесконечно откладывает свадьбу (*heiRATten*), не доводит

начатое до конца, словно боится завершения. Нейрофизиология описывает это явление так: «импульс не доходит до следующего нейрона», – психоанализ говорит: «прерывается цепочка означающих».

Коль скоро при ОКР происходит повышенный обратный захват серотонина, фармакотерапия предлагает лечить это расстройство селективными ингибиторами обратного захвата серотонина. То есть антидепрессантами, что вызывает колоссальные побочные эффекты. Невроз навязчивости лечить антидепрессантами неадекватно, так как это может сказываться на когнитивных функциях и качестве жизни пациента. Во-вторых, в кортико-стриато-таламических путях также активно используется дофамин, поэтому некоторые ученые полагают, что причиной нарушения может быть дисбаланс между уровнями серотонина и дофамина. И дальше предлагается сложная и малоэффективная фармацевтическая терапия по восстановлению баланса серотонина и дофамина.

Но как показывают исследования – в результате такой терапии от 40 % до 60 % симптомов сохраняются (*Eddy, 2004*).

То есть медицина пока не имеет однозначного ответа на вопрос о генезисе ОКР, но использует для лечения сильнодействующие препараты (в некоторых случаях нейролептики и галоперидол), эффективность которых колеблется в радиусе 50 %. Вряд ли можно считать успешной такую терапию, когда мы не знаем, что именно лечить, но используем убойные препараты, эффективность которых серединка на половинку. Пациент не может вовремя отдать карточный долг, поскольку это вызывает у него неприятные гомосексуальные ассоциации, а его предлагают лечить галоперидолом, который поможет ему с вероятностью 40–60 %. Понимая это, даже врачи вынуждены были признать, что эффективность психотерапии при лечении ОКР выше, чем фармацевтический метод (*Öst, 2015*).

Нейрохирургия предлагает несколько методов для лечения ОКР, одним из которых является «Глубокое стимулирование мозга» (*Deep Brain Stimulation*), (*Neurostimulation, 2013*). Согласно опубликованным данным, этот метод на 25 % эффективнее прежней терапии (*Hamani, 2014*).

Эксперимент Маллета 2008 (*Mallet, 2008*). Группа врачей во главе с доктором Л. Маллетом работала с пациентами с ОКР, не восприимчивыми к ингибиторам обратного захвата серотонина, то есть антидепрессантами на них вообще не действовали. Все они прошли поведенческую терапию, которая тоже не принесла желаемых результатов. Пациентам в возрасте от 18 до 60 лет, страдавшим ОКР в тяжелой форме более 5 лет, было предложено хирургическое лечение, которое заключалось в имплантации двусторонних электродов в область субталамического ядра.

Эксперимент Дениса 2010 касался вживления электродов в прилежащее ядро и также показал эффективность выше на 39 % (*Denys, 2010*).

Другим методом нейрохирургии является **цингулотомия** или «Лазерная абляция» (*Laser ablation*). Фактически то же самое, но при помощи лазера для процедуры не требуется разрезов и реабилитационный период сведен до минимума. Хирургическое вмешательство представляет собой прижигание лазером определенного участка коры передней части поясной извилины. Целями для деструкции при цингулотомии являются

нервные волокна поясного тракта, расположенные над мозолистым телом в том месте, где он проходит через переднюю поясную извилину. Метод используется и для лечения болевого синдрома. Аналогичным образом предлагается лечить фобии и депрессии, а также проводятся исследования нейрохирургического лечения психозов.

Мы видим, что психоанализ и нейрофизиология пользуются здесь принципиально разными объяснительными моделями и клиническими техниками, но цель перед ними одна и та же: снять сверхнагрузку с нейрона и распределить энергию так, чтобы импульс проходил беспрепятственно. Одни предлагают интерпретировать батарею означающих с целью переозначить и перераспределить либидинальную нагрузку, другие предлагают разделить пучок нейронов лазером или электростимуляцией, дабы равномерно распределить нейронные импульсы. Делается ли это при помощи клиники означающего в психоанализе? *Deep brain stimulation* или *Laser ablation* в нейрохирургии – вопрос не столько технический, сколько этический.

Если проблему можно решить хирургическим путем более быстро, эффективно, с минимальными последствиями, то встает вопрос о статусе психиатрии и фармакотерапии. Зачем нужен длительный прием препаратов, которые приводят к понижению качества жизни и падению когнитивных функций, если симптом можно устранить намного проще? А вот нужно ли его устранять – это вопрос этики. Он решается только в русле интересубъективных отношений, которые лежат в поле психоанализа. Если подтвердятся все те гипотезы, которые предлагает сегодня нейрофизиология, то фармакотерапия просто перестанет существовать.

И если подтвердятся все те гипотезы, которые предлагает психоанализ, то перестанет существовать психотерапия. Если клиника означающих будет доказана математически, а отношения представлений и знаковых систем можно будет представить в виде искусственной модели, никакого смысла в психотерапии, с ее стремлением адаптировать человека к фиктивному представлению о норме, попытками устранить симптом или переключить внимание пациента в другую сферу, заняться чем-то другим, сформулировать альтернативную, менее угрожающую трактовку происходящего, которая совпадает с его жизненным опытом и представлениями других людей, не останется.

Спорно выглядит психотерапевтическая точка зрения, которая работает над тем, чтобы просто устранить компульсивные действия пациента, и считает, что цель достигнута, когда он перестает совершать свои навязчивости. Когда в качестве причин ОКР называют присущее всем людям свойство волноваться перед важными событиями в своей жизни, или то, что люди часто страдают от навязчивостей, когда воспринимают ситуации более опасными, чем они есть на самом деле – это выглядит просто смешотворно, поскольку психотерапия в этом случае полностью игнорирует наличие индивидуального психического аппарата и исходит из заблуждения, что психика у разных людей может быть устроена одинаково, то есть это абсолютно умозрительное предположение. Тот факт, что многие люди не могут завершить важные для себя дела, не могут вовремя

прийти на свидание или сдать диплом до дедлайна и испытывают при этом беспокойство, еще не значит, что причина у всех одна и та же, и что устраняется она просто адаптацией к фиктивному понятию «нормы». Схожесть в поведении пациентов, отслеженная статистически, еще ничего не говорит нам о причинах этого поведения. Точно так же, как закономерность, что все яблоки падают сверху вниз, не доказывает, что это естественное свойство всех яблок, а также никоим образом не приближает нас к открытию закона тяготения. Равно и психотерапия наблюдает и описывает схожесть поведения пациентов с ОКР, но ни на йоту не приблизилась к пониманию психических причин. Вразумительный ответ на этот вопрос дают нам только науки о структурах головного мозга и структурах означающих.

В отличие от умозрительных дисциплин, наука работает с вещами конкретными и объективными: нейрофизиология – с нейронными цепями, психоанализ – с цепью означающих. На этой почве возможен дальнейший диалог между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бехтерев В.М.* Сознание и его границы. Казань: Типография Императорского университета, 1888.
2. *Лакан Ж.* Семинары: Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964) / Пер. с фр. А.К. Черноглазова. М.: Логос/Гнозис, 2004.
3. *Свааб Д.* Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера / Пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
4. *Denys D., Mantione M., Figeet M. et al.* Deep brain stimulation of the nucleus accumbens for treatment-refractory obsessive-compulsive disorder // *Archives Of General Psychiatry.* 2010: 67(10). P. 1061–1068.
5. *Eddy KT, Dutra L, Bradley R, Westen D* A multidimensional meta-analysis of psychotherapy and pharmacotherapy for obsessive-compulsive disorder. // *Clinical Psychology Review.* 2004: 24(8). P. 1011–1030.
6. *Freud S.* Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose. Wien, 1909.
7. *Hamani C., Pilitsis J., Rughani A. et al.* Deep Brain Stimulation for Obsessive-Compulsive Disorder: Systematic Review and Evidence-Based Guideline // *Neurosurgery.* October 2014: 75(4). P. 327–333.
8. *Mahony P.* Freud and the Rat Man // Yale University Press, 1986.
9. *Mallet L, Polosan M, Jaafari N. et al.* Subthalamic nucleus stimulation in severe obsessive-compulsive disorder // *The New England Journal of Medicine,* 2008: 359(20). P. 2121–2134.
10. *Neurostimulation: Principles and Practice.* Sam Eljamel (Editor), Konstantin Slavov (Editor). N.Y.: Wiley-Blackwell, 2013.
11. *Öst L.G., Havnen A., Hansen B. et al.* Cognitive behavioral treatments of obsessive-compulsive disorder. A systematic review and meta-analysis of studies published 1993–2014 // *Clinical Psychology Review.* 2015: 40. P. 156–169.

Psychoanalysis and Neurophysiology: Perspectives of Interaction in the Treatment of the Obsessive-compulsive disorder (ICD code 42.0)

D.A. Olshansky

Dmitry A. Olshansky, Russia, St. Petersburg, private psychoanalyst.

The article is devoted to research of interdisciplinary field between psychoanalysis and d neurophysiology. On the example of the cure of obsessive-compulsive disorder (ICD code 42.0) author compares the clinical approach of psychoanalysis with neurosurgery methods: deep brain stimulation and laser ablation.

Keywords: psychoanalysis, neurophysiology, neuropsychanalysis, brain, obsessive compulsive disorder, Lacan.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Куда бежит Эсти? Психоаналитическая рефлексия о мини-сериале «Неортодоксальная»

С.В. Белухина

Светлана Васильевна Белухина – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт (ЕСРР), организационный консультант, сертифицированный член АПКБК. Автор <http://headology.ru>; со-автор <http://cultcompany.ru>

Статья представляет собой художественно-психоаналитическое исследование мини-сериала Unortodox / «Неортодоксальная», вышедшего на Netflix в марте 2020 года. Это история молодой женщины, воспитывавшейся в традициях нью-йоркской хасидской ортодоксальной общины и сбежавшей оттуда в поисках самовыражения. Сюжет рассматривается в контексте событий сегодняшнего дня, а именно самоизоляции, в которой находятся люди всего мира для того, чтобы выжить в условиях угрозы COVID-19. Они повсеместно сталкиваются с ритуальностью как способом совладания с тревогами, связанными с угрозой жизни и исчезновения.

Статья имеет обзорный характер, обозначает направления, которые можно дополнять и дорабатывать с целью расширения возможностей развития мышления и подвижности психики участников психоаналитического процесса.

Ключевые слова: обсессивно-компульсивное поведение, ритуалы, герметичные сообщества, ортодоксальность, геноцид евреев, страх аннигиляции, слияние, психическое убежище, сексуальное использование, атака на связи, женский Эдипов комплекс, сфинкс, творчество, холдинг, мышление, символический родитель, ранние коммуникации, родительская пара, речевая игра, речь, слово, пение, бионианская теория развития мышления.

Введение. Действие происходит где-то и нигде

В период самоизоляции COVID-19 цивилизованный человек в один момент потерял свои привычные свободы и переместился за некую черту, на территорию уж слишком хорошо знакомую каждому с детства – в царство ограничений и запретов.

Политические, профессиональные и светские сообщества схлопнулись до размеров небольших общин, определяемых теперь вместимостью зоом-конференций или проводимостью интернет-каналов.

В плену карантинных ритуалов не до импульса к знанию, даже простое любопытство тут не приветствуется, потому что любопытной варваре... маска не поможет. Вот мы и соблюдаем правила, сидим по домам, часто моем руки, носим индивидуальные средства защиты, хотя толком не понимаем, действительно ли все это помогает от вируса...

Эсти, героиня нового мини-сериала «Неортодоксальная», тоже многого не понимает в тех бесчисленных ритуалах и практиках, которым подчинена ее жизнь в общине сатмарских ультраортодоксальных хасидов в Нью-Йорке.

Это община выживших и до сих пор выживающих евреев, непроницаемая для внешнего мира. Сатмарские хасиды, сплотившиеся в районе Уильямсбург, – малый этнос, подвергавшийся истреблению в холокост, как и другие евреи по всему миру. Особенностью именно этой группы является их культурная самоизоляция, которая служит в том числе «программированию» молодых пар на то, чтобы заводить как можно больше детей.

Когда-то предполагалось, что это поможет им восполнить утраченное, переработать травму исчезновения этноса, возродиться и на психическом уровне справиться со страхом аннигиляции. Но сегодня этот феномен

можно рассматривать уже как своеобразную психологическую защиту, где ритуалы служат не для эмоциональной переработки, а ведутся с целью компульсивной разрядки тревог через действия (Фрейд, 1920, 1921; Кернберг, 2014).

Не только Эсти находится в неведении относительно значения огромного количества разнообразных ритуалов Уильямсбурга, зрителю тоже многого не объясняют. Например, не ясно, зачем мебель в домах покрыта пластиковой пленкой, какая роль у фольги на кухне в праздник, почему женщины сбрасывают волосы на голове, а потом носят чужие в виде парика... и многое-многое другое. Мы можем погуглить и найдем некоторые объяснения этим культурным особенностям, но Эсти не может, у нее нет даже телефона. В общине запрещена не только связь – не позволено все новое. Главная задача – сохранить старое.

Пиф-паф, ой-ой-ой, убегает зайчик мой

В рецензиях на сериал часто говорится, что это история побега. И действительно, Эсти, забеременев, наконец, после бесчисленных ритуальных и болезненных попыток зачать (у нее вагинизм), бежит из общины. Отправляется она не куда-нибудь, а в Берлин.

Сегодня этот город – центр свободы, творчества и созидания. Но когда-то он был другим, другой общиной, в которой быть не арийцем означало гибель. Теперь здесь собираются раскрепощенные, созидательные, чувственные и чувствующие люди со всего мира.

Наша героиня встречается в Берлине группу музыкантов, которые принимают ее в свою компанию. Она совершает омовение в озере, где когда-то гибли евреи, и принимает правила нового мира и новой игры.

В Берлин когда-то давным-давно уехала и мать Эсти, и до войны где-то здесь жили их предки. Поэтому, кажется, Берлин действительно то место, где героиня лицом к лицу встретится с трагедией народов, своего и того, который когда-то был так жесток, а также со своей давней болью – обидой на мать за то, что та бросила ее в младенчестве.

Встреча с матерью происходит не сразу. Эсти выжидает. Ее новые друзья-музыканты знакомят ее с Берлином, рассказывают о свободе выбирать, как жить и любить, объясняют, насколько просторно можно себя чувствовать в пределах нотного стана, оркестра или студенческой общины, помогают подготовиться к прослушиванию в консерватории.

Если она его пройдет, то сможет заниматься музыкой, о чем всегда мечтала, но что женщинам Уильямсбурга делать было запрещено, поскольку ничто не должно отвлекать их от роли жены и матери...

Вероятно, оттого что надежда на женщину в хасидской общине возложена колоссальная, женская суть и понимается там так узко. От подобной узости мышления, от ужасного использования женщины в целях сохранения этноса и бежит Эсти. «Я не машина для рождения детей», – заявляет она.

Но вдруг побег Эсти – это не только уклонение от отведенной ей священной роли женщины, вдруг это начало «путешествия» к себе настоящей? Пусть оно как путешествие еще и не может быть осмыслено ни ею, ни теми, кто отправляется за ней в погоню, – мужем Янки и его другом Мойше. Того путешествия, которое ответит на вопрос, чего хочет Эсти? Хочет ли она замуж, ребенка, спасти свою нацию или же она хочет (и имеет право) обрести голос? Жаждет ли она слияния, фалличности, звучности или же хочет, чтобы в ее психическом мире кроме ортодоксальной удушающей общины появилось что-то еще? Например, живая теплая мать, которая бы спела такие нужные ей колыбельные... Научила бы носить платья. А также чтобы рядом был достаточно хороший родитель, по Винникотту, – теплый и креативный Берлин для них обеих...

Удивительно (а кто-то скажет – предсказуемо), что любящая мать обнаруживается именно в Берлине. И это не только родная мать-лесбиянка,

уже восполнившая свою потребность в материнской любви в отношениях с женщиной-немкой, но и мать – консерватория, и мать – студенческая община.

Со своей родной матерью Эсти встречается в тот драматический момент, когда Мойше оставляет пистолет, которым ей угрожал, на детской площадке и уходит со словами: «ты вернешься [в общину], я же вернулся». Тогда напуганная Эсти бежит сломя голову к матери и находит у нее приют. Она узнает, что мать не по своей воле бросила ее, а давным-давно проиграла общине в суде дело об опекуновстве.

Поэтому далекий и близкий Берлин сейчас может стать такой важной остановкой для Эсти. Здесь она попытается найти свой оркестр и собственные музыкальные инструменты, чтобы сыграть или спеть печальную песню своего народа и личной трагедии.

Интересно, что первый сценарий сериала назывался как раз *The Orchestra* / «Оркестр». Это позволяет нам вспомнить Винникотта, который сравнивал холдинг младенца с «ансамблем» внимания, которым ребенок окружен с самого рождения (Винникотт, 1998).

Такой холдинг – условие того, что перед тем, как во внутреннем мире Эсти родится та, кто может дать впоследствии жизнь новому человеческому существу, произойдет все необходимое, что позволит по-настоящему родиться ей самой. Психически.

До того как будет рожден символический родитель, способный вместить и переработать огромную психологическую травму целого этноса, должен родиться человек, который отважится совершить обязательный экзистенциальный поход с целью ответить на вопрос всегда присутствующей в душе Сфинкс: «Кто ты такой/такая?»

Очевидно, что ни один человек не сможет сделать это в одиночку. Нужен другой, нужны друзья, попутчики – дети всего мира, теперь понимающие и разделяющие огромную трагедию XX века и осознающие, насколько ортодоксальными и ригидными все мы порой можем быть в те или иные периоды жизни или в те или иные моменты развития человеческой цивилизации (Боллас, 1993).

В начале было Слово, и слово это было правильное...

Греческое слово «ортодоксия» состоит из двух корней, которые можно перевести как «правильно полагать» или «иметь правильное мнение». По этой причине ортодоксами называют преимущественно религиозных людей, которые следуют консервативному типу мышления: не приемлют новаторства, изменений, не предпринимают попыток эту жизнь переосмыслить, довольствуются «однажды сказанным словом», однажды принятыми подходами, хотя эти подходы уже могут и не отвечать вызовам усложнившейся современности.

Героиня фильма выросла в таком сообществе, и, конечно, все это и есть она. Но она, дитя этой культуры, является еще и кем-то другим.

Когда мы смотрим на эту крошечную девочку с большой головой, огромными глазами, субтильным телосложением и узким тазом, мы не

ошибемся – к замужеству и той роли, которую ей отвела община, она пока не готова. Так изображают изумительных эльфов и персонажей японского аниме. С первых кадров Эсти разговаривает с нами своей неординарной наружностью, а вовсе не с помощью слов. И становится любопытно, почему же на эту роль выбрали актрису с такой необычной внешностью? На каком языке хочет говорить с нами режиссер? Это уже его Слово или еще что-то довербальное?

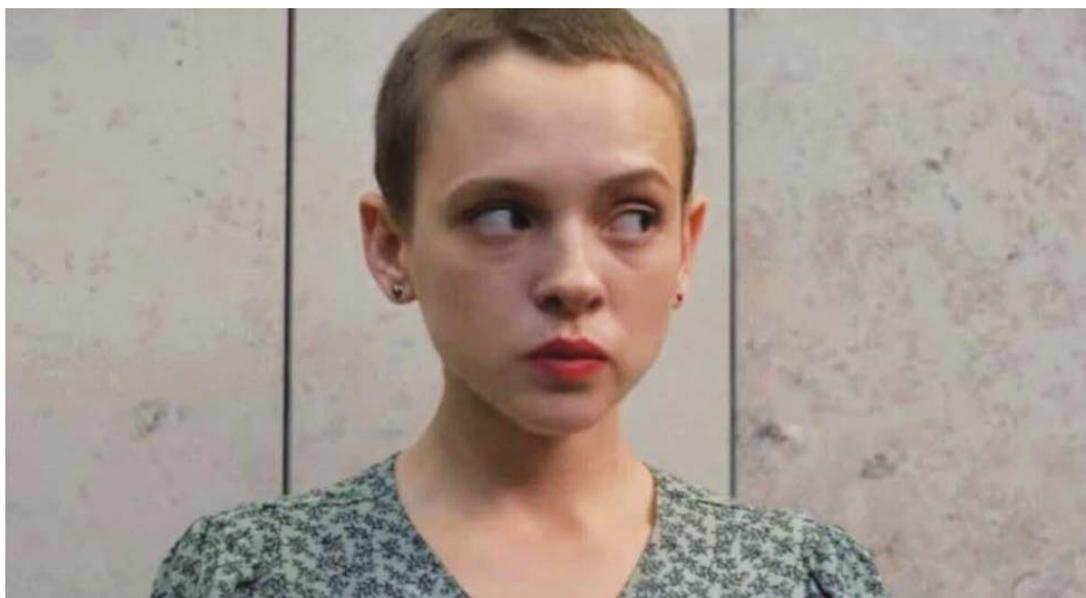
Интересно также подумать о роли Слова в хасидской общине. Видно, что речь там наделена исключительной функциональностью и не предназначена для выражения чувств. Она нужна, чтобы оповестить, доложить или пересказать.

Но может ли такая речь называться Словом? Речь узкая, чистая и герметичная. Ее чистота строго охраняется, туда не должны проникать неологизмы, не допустимы речевая игра и слова, передающие негативные эмоции: гнев, горечь, зависть.

*«Человек является частью языка,
который старше его и который продолжит
существовать и после того,
как время справится с его слугой».*
Б. Янгфельд

Все чувства, кроме правильных, в сообществе остаются в подполье или, по-другому, «в узкой чистой вагине Эсти», не высказанные, не смягченные, причиняющие исключительную боль и поэтому не позволяющие родиться ничему новому.

После пышной свадьбы, наполненной атмосферой стыда и неловкости, героиня не может радостно следовать завету плодиться и размножаться. Она испытывает боль и со временем узнает, что страдает вагинизмом. Двигаться дальше ей нестерпимо в прямом и переносном смысле.

И вот перед нами еще одно сообщение, требующее расшифровки. На уровне тела.

Отсутствующая с младенчества мать, пьяница-отец, косная община, скудная культура – кто поможет Эсти объяснить себя? Если же наполняющих коммуникаций не хватало в детстве, то как у нее в зрелом возрасте сформируется способность быть в контакте со своим телом, со своим умом? Не только травма поколений, но и ее персональная детская травма брошенности – вот причина того, что она не может полноценно перерабатывать эмоциональный опыт, справляться с телесными напряжениями, аффектами, импульсами и тревогами (*Bion, 1962*).

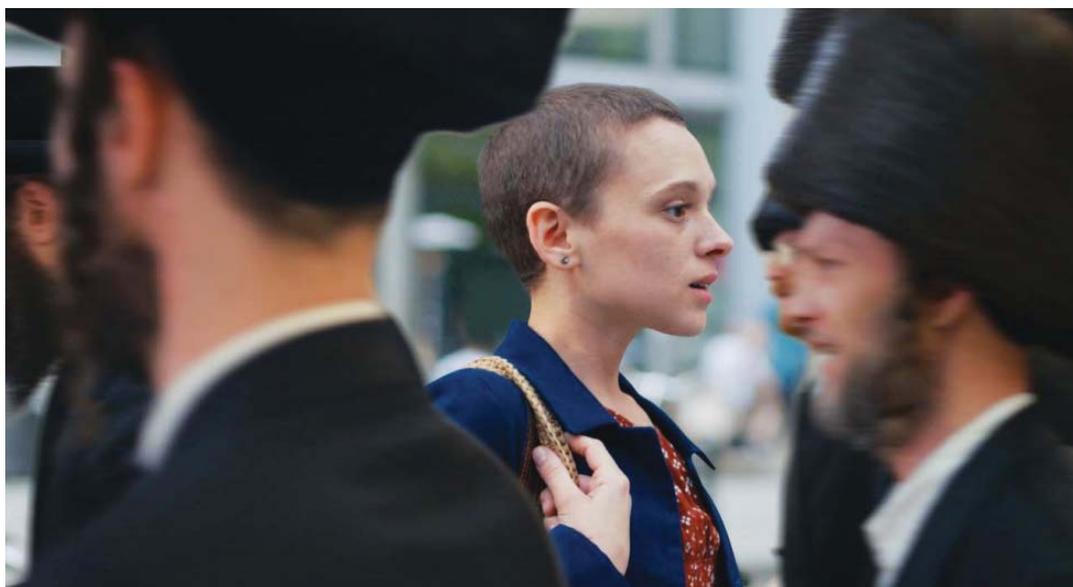
В психоаналитической ситуации обычно аналитик помогает восполнить эти пробелы и достроить недостающее. А Эсти нельзя к психоаналитику. Ей нельзя даже к светскому гинекологу. В общине, правда, есть свой, доморощенный, но ее приемы совсем не помогают героине.

Тот факт, что Эсти все же смогла зачать от насильственного болезненного контакта с мужем – жестокая метафора попытки маленького этноса сохраниться и заново родиться через боль. Но какой ценой? Может ли маленькая женщина выдержать такое напряжение и преобразовать всю эту боль в любовь, если она сама была лишена убаюкивающего слова?

В период общинного затворничества Эсти ощущает, что чем-то очень отличается от других женщин, однако никак не может назвать свои чувства. Нет обозначений, нет символов. Она решается сказать о том, что она не совсем обычная (что бы это ни значило) мужу Янки. Это акт большого доверия и надежды. Однако Янки такое же дитя общины, как и она сама, и мало чем может помочь ей.

В этой герметичной культуре, как мы видим, отсутствует возможность хоть как-то назвать переживания, отличные от общепринятых и правильных, почти нет шанса признать существование сложных, амбивалентных чувств.

Еще одна речевая смелость Эсти в фильме – она решается загадать свежести загадку: «Если вы ожидаете, что я буду относиться к вашему сыну

как к Королю, то поскольку я его жена – значит ли это, что я – Королева?» Но это максимум речевой игры, которую она может себе позволить.

Телесность, эмоциональность, голос, возможность играть смыслами – все это у нее отняли.

Какие песни лечат?

То Слово, которое предназначено для переосмысления и переутверждения человеком себя в этом мире, в общине сатмарских хасидов табуировано. Слово эмоциональное невыносимо, а разрешено только функциональное, используемое как навязчивое повторение.

Мужчины читают и пересказывают Тору и поют, как бы сейчас сказали, позитивистско-экзальтированные песни. Эти компульсивные напевы состоят из отдельных не связанных между собой слогов, и они – не нежная колыбельная, нет. Даже мантры или аффирмации звучали бы поживее. Женщинам петь вообще запрещено.

Так можно ли в таких условиях осмыслить пережитый травматический опыт? На уровне отдельной личности, на уровне группы?

Ведь травма – понятие, которое сообщает нам о том, что мы должны в культурном дискурсе или в народной песне чутко слушать то, что не передать словами, что-то довербальное... Нам нужно позволить себе удивляться, быть шокированными тем, что такой исторический опыт сложно или в принципе невозможно описать, поскольку внутри травматического безумия находится неартикулируемое событие, которое ищет способ быть выраженным (*F. Davoine, J-M. Gaudilliere, 2004*).

Гениальный психотерапевт и мыслитель У. Бюн, который пережил войну и много работал с посттравматиками, говорил: «Мысль всегда ищет мыслителя». Рядом должен быть тот, кто уже умеет воспринять, кто может слышать странную песню бессознательного.

В одном из флешбеков, которыми наполнена берлинская часть истории Эсти, мы видим, как она застаёт бабушку за тем, что та украдкой поет

еврейскую песню и плачет о погибших. Вначале Эсти строго осуждает бабби за пение, но не этот ли случай потом помогает героине решиться на нарушение запретов, чтобы начать тайком брать уроки фортепиано у учительницы нехасидки?

И уже в Берлине в один из дней мы видим, что Эсти очарована песней. Она заслушивается хоровым пением в католическом костеле... Может ли быть так, что в этом пении ее чуткое ухо уловило что-то очень похожее на песню бабушки?

Вероятно. Поэтому на прослушивании Эсти не будет играть на фортепиано, как собиралась. Она будет петь. Именно голос станет ее главным инструментом и проберет зрителя до дрожи, когда она чувственно и глубоко исполнит песню своего народа, одетая в платье, что подарила ей мать.

В финале четвертой серии мы удивимся тому контрасту между Эсти, что выходит из берлинского аэропорта, где рядом с ней шумно и эмоционально обнимаются мать и сын, тогда как она выглядит зажатой и скованной, и той Эсти, что поет со сцены свою песню.

Лети, лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг... возвращайся, сделав круг

Современный человек может свободно выражать себя и свои чувства на разных офлайн (на самоизоляции пока только онлайн) площадках, просто надо знать «нотную грамоту». Отчасти поэтому немного странно сейчас вспоминать, что когда-то это право нужно было отвоевывать. Тем более диким кажется, что кому-то, как Эсти, приходится делать это и сегодня. Но карантин и новые правила выживания напоминают об этом, как и сериал «Неортодоксальная».

Часто новое – лишь хорошо забытое старое... Раньше ультраортодоксальный Берлин, целью которого было сохранить чистоту арийской нации, теперь столица творческого самовыражения людей со всего мира, а в центре прогрессивного Нью-Йорка находится ультраортодоксальное еврейское сообщество...

Но и свобода писать и говорить в современном мире тоже в какой-то момент стала чем-то непреложным, а значит уже в какой-то мере «правильным», превратилась в новый канон, который в очередной раз поставлен под сомнение инфодемией 2020 года.

Новые давно забытые каноны... Неудобные (или удобные?) джинсы-скини вместо широкой юбки, серьга в ухе вместо никаба и флуоресцентный штамп-пропуск в дэнс-клуб вместо запретов Шаббата... Все это странные символы, которым мы придаем то или иное значение. Они в один момент могут стать основой новой ортодоксальности, когда задача выживания стоит на первом месте (Еремин, 2015).

Да и сама речь, Слово, к сожалению, могут использоваться не с целью развития, а с целью сохранения старого, чтобы закапсулироваться, забаррикадироваться в различных психических бункерах и убежищах (*Bion, 1957, Steiner, 1993*).

«Разница между героем на войне и дезертиром заключается в том, в какую сторону он бежит, когда пугается».
У. Бион

Культура снабжает нас схемами воспитания, выживания, поведенческими кодами, языком и многим другим. Как писал Фрейд (1921): «Каждый индивид является составляющим элементом больших масс и – через идентификацию – субъектом многосторонних связей...» Так как? Эсти обретает себя через этап путешествия или находит лишь новую «правильную» общину, просто расположенную в другом месте? Не станет ли Берлин ее новым психическим убежищем?

Как нам понять, когда мы из неортодоксальных и открытых превращаемся в закоренелых ортодоксов? Есть ли у нас способ это распознавать или мы по-прежнему находимся в удушающем обществе Сфинкс, будто стоим у доски, не выучив урок: *«Скажи мне, кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех? Никто из всех существ, живущих на земле, не изменяется так, как он. Когда ходит он на четырех ногах, тогда меньше у него сил и медленнее двигается он, чем в другое время?»*

Все мы знаем ответ и историю Эдипа, – но каким будет ответ Эсти? Вспомните ее загадку про Королеву, которую она загадала своей свекрови. Вопрос ли это Эдипова комплекса, как его понимает классический психоанализ, или какого-то другого?

«Поразительно, но женский Эдипов комплекс завершается не так, как мужской, – писала Жанин Шассге-Смиржель, – у женщины есть тенденция к увековечиванию Эдиповой ситуации <...> Но однажды женщина все же склоняется к выбору в пользу того, чтобы принадлежать мужчине, быть созданной для него, а не быть самоцелью; быть частью, "ребром Адама",

а не увековечивать свою верность и привязанность к матери. Мы, и мужчины и женщины, рождены женщиной <...> И миф о Происхождении, на наш взгляд, передает как раз наше общее желание освободиться от нее» (*Chasseguet-Smirgel J., 1964*).

Ответ же на загадку ортодоксальности/неортодоксальности – он, по-видимому, в движении. *Никто из всех существ на земле не изменяется так, как он [человек]*, – такие там есть слова.

Загадка Сфинкс в современном мире – уже не загадка о том, кто такой человек. Это загадка о том, как оставаться человеком, пребывать им. И это возможно только благодаря изменению, психологическому движению и экзистенциальному путешествию, которое предпринимает каждый отдельный человек в своей жизни и все человечество в истории.

Это возможно благодаря путешествию не в том значении, которое, по Тулию, кончается возвращением, а в том, которое к середине «Улисса» познал Джойс, тому одностороннему движению, которое знакомо Бродскому, и которое уносит человека «от» и за границу пространства, тому необратимому ходу, который первым в истории литературы обозначил Вергилий: «Его герой никогда не возвращается; он всегда уезжает» (*Янгфельд, 2012*).

Печальные и красивые слова об этом есть у Бродского: «Возвращение делается невозможным не только из-за скверной политической системы, а по другим, более глубоким психологическим причинам. Просто человек двигается только в одну сторону. И только – от. От места, от той мысли, что пришла ему в голову, от самого себя <...> и это всегда покидание того, что уже испытано <...> Все большее удаление от источника, от вчерашнего дня <...>» (*Янгфельд, 2012*). Пребывая в тревоге неопределенности, без памяти, без желания, человек идет навстречу новому (*Bion, 1962*).

В заключение можно сказать, что все вышеперечисленное делает сериал «Неортодоксальная» емким контейнером, по Биону. В мире современной культуры – это событие, вмещающее множество смыслов, трансформаций. Данная киноработа придает значение и называет самые разные

чувства, обозначает парадоксальность нашего опыта переживаний, страхов, желаний, систем обозначения и напоминает о важности оставаться открытыми для продолжения путешествия, исследования, игры, жизни.

Карантин и самоизоляция закончатся, у нашего ежедневного сериала будет продолжение. Мини-сериал «Неортодоксальная» тоже подрастет, у него будет новый сезон, и, возможно, он будет уже об истории молодой пары.

Беги, Эсти, беги, маленький кролик... Лети, планета Земля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Д.* Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
2. *Еремин Б.* Фашистское состояние мышления – психоаналитическая перспектива. М.: Избранные труды ЕСРР «По ту сторону принципа удовольствия», 2015.
3. *Еремин Б.* Семинары «Мышление Биона», 2017–2019.
4. *Карут К.* Архив, событие и историческая травма, 2015.
5. *Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2014.
6. *Маццакане Ф.* Семинары «Игра Бессознательных», 2020.
7. *Маццакане Ф.* В аналитической игре. М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
8. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: Либроком, 2013.
9. *Ферро А.* Психоанализ: создание историй. М.: Независимая фирма «Класс», 2006.
10. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия (1920) // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: ООО Фирма СТД (Учебное издание, Т3).
11. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я» (1921); Фрейд З. «Я» и «ОНО». Труды разных лет. Книга 1 – Тбилиси: Мерани, 1991, с. 71–138.
12. *Фрейд З.* Навязчивость, паранойя и перверсия // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Том 7». М.: Фирма СТД, 2006. 308 с.
13. *Эко У.* Сказать то же самое, но другими словами. М.: АСТ, 2015.
14. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. Alexandria, 2007.
15. *Янгфельдт Б.* Язык есть Бог. Corpus, 2012.
16. *Bion W.* (1957) Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities // The international journal of psycho-analysis. Vol. 38. P. 266–275.
17. *Bion W.* (1962) Learning from Experience, London.
18. *Bollas C.* (1993) The fascist state of mind, in Being a Character, London: Routledge.
19. *Chasseguet-Smirgel J.* (1964) La culpabilite feminine (De certains aspects specifiques de l'Edipe feminin). In: Recherches psychanalytiques nouvelles sur la sexualite feminine, Payot, Paris. HP. 129–180.
20. *Davoine F., Gaudilliere J-M.* (2004) History Beyond Trauma, London: Other Press.

21. *Lopez-Corvo R.* (1997) *God is a Woman* – Janson Aronson Inc, Northvale-NY-London.
22. *Steiner J.* (1993) *Psychic Retreats: Pathological Organisations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients.* Routledge.

Where you going, Esty? Psychoanalytic reflection on the mini-series "Unorthodox"

S.V. Belukhina

Svetlana Vasil'evna Belukhina – Master of Psychology (HSE), Psychoanalytically-oriented psychotherapist (ECP), Organizational consultant, Certified member of the APCBC. Author: <http://headology.ru>; co-author: <http://cultcompany.ru>.

This paper is an art-psychoanalytic study of the mini-series Unortodox / "Unorthodox", which released on Netflix in March 2020. It is the story of a young woman who was brought up in the isolated Hasidic ultra-orthodox community and ran away in order to find a way to express yourself creatively in modern world. We put this story in the context of today's social events: the self-isolation undertaken by people around the world for the purpose of survival under the threat of COVID-19. In a context where people use ritual as a way to deal with anxiety and fear of vanishing. The article implements a brief psychoanalytic analysis, identifying some key areas that can be developed and refined in order to enhance the creative thinking of the participants in the psychoanalytic process.

Keywords: obsessive-compulsive behavior, rituals, hermetic communities, orthodoxy, genocide of Jews, fear of annihilation, merging, psychic retreats, sexual use, attacks on linking, female oedipal complex, sphinx, creativity, holding, the development of thinking, symbolic parent, early communications, parent couple, speech play, speech, word, singing, bionian theory of thinking.

От Эроса сына к Эросу отца. Психоаналитическое видение пути героя фильма «Интерстеллар»

К.Ю. Шафрановская

Ксения Юрьевна Шафрановская – слушатель программы «Психоанализ и Психоаналитическая Психотерапия», практикующий психотерапевт.

В предлагаемой статье автор предлагает рассмотреть и стать соучастником внутриспсихического путешествия героя фильма «Интерстеллар».

Самость, рассматриваемая в данной статье, приближена к юнгианской концепции и отличима от понятия Самости в классическом психоанализе, а также от Самости в представлении школы объектных отношений и селф-психологии.

Данная статья так же затрагивает идеи аргентинского психоаналитика Игнасио Матте Бланко о «симметричности бессознательного».

Ключевые слова: реальность, самость, эго, эрос, путеводная точка сознания, физика, квантовое поле, космос, синхроничность, безвременность, мать-земля, отец-небо, линейность переживания, бесконечность процессов, раппорт, знание, мифология, космос, черная дыра, феномен, гравитационные сигналы, эндосоматический, измерение, психика, пространство, любовь, знание, время.

«Для нас... единственной приемлемой точкой зрения представляется та, что признает обе стороны реальности – количественную и качественную, физическую и психическую – совместимыми друг с другом и способна охватывать их обе одновременно. Было бы лучше всего, если бы физику и психику (т.е. материю и ум) можно было бы рассматривать как взаимодополнительные аспекты одной и той же реальности».

Лауреат нобелевской премии, физик Вольфганг Паули

От Эго к Самости – с чего «зачинается» герой фильма «Интерстеллар» – Купер?

Interstellar в переводе с английского на русский – *межзвездный*. Межзвездный, то бишь – между звездами.

Что такое звезда? Звезда – это материя, «удерживаемая в состоянии равновесия силами собственной гравитации и внутренним давлением». Человек – тоже материя, состоящая из различных элементов: биохимии, физики и психики. Между этими инстанциями существуют некие отношения. Как можно посмотреть на эти отношения, которые находятся внутри и снаружи главного героя, Купера?

Путь Купера, как психический путь его внутреннего становления, проходит через три инстанции: любовь, знание и время.

Купер – человек, в котором происходит конфликт сына, отца и человека ищущего, конфликт физики и психики (материи и ума). Возможно ли сказать, что конфликт Купера – конфликт между Эго и Самостью, ищущий своего разрешения в противоборствующих силах внутриспсихического мира?

Эго – «комплексный фактор, с которым соотносятся все сознательные содержания и который образует центр поля сознания» и *Самость* – «принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики, включающей в себя Эго, как понятие супраординатное». (К.Г. Юнг).

С точки зрения Юнга, содержание сознания Эго стоит на двух китах: *соматическом* и *психическом*. «Соматическая основа выводится из эндосоматических ощущений, которые обладают психической природой и ассоциированы с Эго, а значит являются сознательными». В свою очередь «эндосоматические ощущения генерируют эндосоматические раздражители, немногие из которых способны преодолеть порог сознания» (К.Г. Юнг). Можно сделать вывод, что эндосоматические раздражители переходят за порог сознания и действуют бессознательно. Если подойти к Эго с этого ракурса, то Эго является частью психического и включает в себя присутствие воли человека. Эго – исходная путеводная точка поля сознания. Но исходная точка для чего?

Самость – «первичный образ. След, оставшийся в каждом человеке от коллективного бессознательного. В той степени, в какой личность по причине своей бессознательной составляющей может быть сознательной лишь отчасти, понятие самости является лишь отчасти потенциально эмпирическим и до этой степени постулативным. Другими словами, оно включает в себя, как "переживаемое" (*experienceable*), так и "непереживаемое" (*inexperienceable*)» (К.Г. Юнг, «Психологические типы»).

Купер, работающий на ферме и живущий на земле, где природные явления уничтожают плоды и стоит угроза вымирания для всего человечества, в сознательной своей части, в опыте своего «переживаемого» имеет человеческую волю: выкормить детей и дать им образование на «пыльной земле».

Но есть что-то большее, «непереживабельное» – работа гравитации в спальне его дочери. Дочь, как часть пока «непереживабельного» опыта, часть Самости самого Купера, дает подсказку, что это «призрак».

Совпадает ли личность Купера с Эго в то время, когда он видит гравитационные сигналы в спальне у его дочери, Мерфи?

«Личность, как целокупный феномен» (Юнг) не может полностью совпасть с Эго, потому как есть бессознательные компоненты, которые порой являются более значимыми элементами в его жизни.

Можно представить себе, как *некие* обстоятельства появляются в жизни человека. Воля человека сталкивает его с требованиями обстоятельств жизни и мира. И здесь можно увидеть некий предел воли. Купер столкнулся со своей человеческой волей, которая является частью его психического мироустройства, разгадав координаты гравитационного сигнала и проследовав по ним до тайного офиса НАСА, но навряд ли только воля подтолкнула его на согласие с предложением НАСА пилотировать космический корабль, который никогда не летал в другие галактики.

Что двигало Купером в тот момент, когда он согласился лететь в неизвестность, покинув землю и семью?

*«Как внешние события случаются с нами, так и Самость ведет себя с Эго, как объективная данность, которая практически не поддается изменениям посредством свободной воли»
(К.Г. Юнг)*

От Эроса-Земли к Эросу-Космосу

«Я просто верю, что какая-то часть человеческой Самости не подвластна законам пространства и времени» К.Г. Юнг

Коренные народы давали Вселенной имена, поскольку пытались объяснить некие явления: Мать-Земля и Отец-Небо. В раннеантичной мифологии жизнь на Земле возродилась благодаря Эросу. «Эрос схватил свои животворные стрелы и пронзил холодную грудь Земли, и мрачная ее поверхность вмиг покрылась пышной зеленью». Купер-Сын сажает в Мать-Землю семена кукурузы, которая прорастает, но тут же уничтожается Отцом-Небом. Можно наблюдать этот акт, когда созданные небом бури уничтожают то, что было порождено от тайного брака сына и матери. Психическое Купер-Сына не может более рождать плоды со своей матерью. Этот тайный брак (сына с матерью), как и его плоды, должен быть разрушен.

Купер-Сын покидает Землю-Мать. Путь к психическому измерению Купера-Мужчины пролегает через «червоточину», через Мать-Космос (архаическую мать), то бишь через первичный психический рай, через черную дыру, которая втягивает и поглощает, чтобы пройти через тернии своего психического рождения-обновления.

Была ли эта неудовлетворенная тоска Купера-Сына по миру, по путешествиям, которые он не мог совершить на земле? Тоска по тому,

чтобы «воткнуться» в такое пространство, которое бы не бежало ему навстречу, которое требовало бы завоевания и могло бы принести плоды? Бросил ли он вызов своей маскулинности, тем самым поспорив со всем своим бытием?

В фильме мы ничего не знаем о матери Купера. Она умалчиваемая тайна, о которой можно лишь догадываться. Но можно сопоставить его внутренние отношения с матерью через проекцию на Землю-Мать.

Купер-Сын оставляет Землю-Мать. Безусловно, мать внутреннюю, мать-имаго. Вечный архетип символического брака матери и сына трансформируется.

Мать для сына – «первый носитель продуцирующей проекции фактора» (К.Г. Юнг). На Востоке фактор, создающий проекцию, называют «пряха». Пряха в русском языке означает женщину, занимающуюся ручным прядением. «Пряха» порождает иллюзию, плетет ее. Данный образ указывает на женское, а следом – на материнское имаго. Фемининный элемент материнского имаго – Эрос, «функция отношений»; маскулинный элемент отцовского имаго – Логос, «познание и различение».

Эрос Купера-Сына уже не пассивный в тот момент, когда он решает управлять космическим кораблем (как у ребенка, который желает быть поглощенным матерью, быть втянутым ею) – это Эрос, «который способен забыть Мать». Купер-Сын переходит в психическое Купера-Мужчины постепенно. Он садится на космический корабль, приземляется на разных планетах, ища человеческую жизнь, чтобы встретиться с ней в своей психической вселенной, двигаемый Эросом – влекущей силой, стремлением посвятить себя поиску, прийти к тому, к чему был призван и причастен.

О безвременности и синхроничности

«Люди вроде нас, которые верят в физику, знают, что различие между прошлым, настоящим и будущим – это лишь упрямо сохраняющаяся иллюзия» Альберт Эйнштейн

Можно ли сказать, что Купер попал в самый центр своего психического? Но психического – чего?

В бессознательном нет линейности «переживания» (где «переживание» – не способ проживать, а способ мыслить). Если обратиться к концепциям чилийского психоаналитика Игнасио Матте Бланко, то в бессознательном происходит субъективное переживание бесконечности процессов. События прошлого, настоящего и будущего сходятся в многомерном пространстве бессознательного.

Купер попадает в книжный шкаф в спальне своей дочери, находясь в пятимерном пространстве, коего человеческое сознание еще не знает. Перемещаясь по бесконечным лабиринтам неизведанного, видя, как события его прошлого и настоящего соединяются, Купер ищет выход, но не понимает, на каком же языке, в какой точке языка могло бы быть соединение и связь его, Купера из будущего, в настоящем через прошлое.

Здесь можно обратиться к еще одной идее Игнасио Матте Бланко – «симметричность бессознательного», где часть равна целому. Если изобразить на листе бумаги два круга, один больше другого в два раза, то каждый круг внутри себя имеет бесконечное множество точек. Для воспринимающего Я очевидно, что два круга имеют разный размер, но для бессознательного, оперирующего бесконечными множествами, разницы в кругах нет. Становится неважным, какой круг больше, потому что каждый из них бесконечен. Отсюда можно сделать вывод: из бесконечного числа множеств выбор может пасть на любую точку.

Но чем обусловлен этот выбор? Как Купер смог передать бинарный код дочери из своей безвременности в свое прошлое?

Раппорт (от фр. *Rapporteur* – возвращать, приносить обратно) – взаимное согласие, эмоциональная связь между аналитиком и пациентом. «...нужен закрытый раппорт, настолько закрытый, чтобы врач не мог глаз отвести от высот и низин человеческого страдания. Данный раппорт заключается прежде всего в постоянном сравнении и взаимном постижении, в диалектической конфронтации двух противоположных психических реальностей» (К.Г. Юнг).

Раппорт Купера с дочерью – это связь с внутренней глубинной частью психики Купера, возможно, с компонентом какой-то части его Детского Я, части творческой, способной вступить в игру, разгадать ее.

«Продукт творчества находится между наблюдателем и креативностью автора» Д. Винникотт.

Через раппорт, глубинную связь с дочерью, как с частью психического мира Купера, вдруг формируется идея передачи бинарного кода – с помощью азбуки Морзе. Творческая часть психического мира Купера – его дочь – вступает в связь с автором, из которой создается фактически новый мир – станция «Купер» на орбите Сатурна.

Архетипический опыт стал опытом Реальным, когда Купер оказался на станции, которую построила его дочь. Диалектика взаимодействия Купера нашла свое разрешение через три аспекта: Любовь, Знание и Время.

Через *Любовь*, как превращение инстинкта в Дух, как «подруги смерти», по Фрейду, – катексиса тропизма. «Непереживабельное» становится «переживабельным», Купер-Сын «умирает», давая пространство трансформации Куперу-Мужчине.

Через *Знание*, как возможность быть узанным собой через мифологическое (происхождение), психоаналитическое (психосексуальность) и относительное (тем, что в психоанализе называется «нейтральным» – способностью аналитика быть за пределами конфликта).

Через *Время*, как простое совпадение, где происходящее, наблюдатель и наблюдаемое – точка соучастия, одна из множеств.

«Но не кажется ли вам жалким то, что, пока Наука, с ее выводком астрономов, ведут безошибочно к открытию нашей незначительности, по контрасту с этими гигантскими силами – новыми и сверхновыми звездами, черными дырами и прочим – кто-нибудь непременно применит психический эквивалент перевязочного пакета первой помощи и швырнет в нас обратно в пуховый уют невежества. Правда, грустно?» (У. Бион).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. «Научение через опыт переживания» / Уилфред Бион. М.: «Когито-Центр», 2008.
2. Винникотт В.Д. «Игра и реальность» / Дональд В. Винникотт. М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2017.
3. Руднев В. «Логика бреда» / Руднев Владимир. М.: «Когито-Центр», 2015.
4. Такет Д., Райнер Э. / Дэвид Такет, Эрик Райнер. «Введение в переформулировку фрейдистского бессознательного и концептуализацию внутреннего мира в работах Матте-Бланко.
5. Эйнштейн А. «Мир, каким я его вижу» / Альберт Эйнштейн. М.: АСТ Москва, 2013.
6. Юнг К.Г., Паули В. «Атом и архетип. Переписка Паули и Юнга, 1932–1958» / Карл Густав Юнг, Вольфганг Паули. Castalia, 2018.
7. Юнг К.Г. «Эон» / Карл Густав Юнг. М.: АСТ Москва.
8. Юнг К.Г. «Психологические типы» / Карл Густав Юнг. М.: «Академический проект», 2019.

From the Eros of Son to the Eros of Father. Vision of path of the hero in movie «Inetrstellar» in a psychoanalitic's view

K. Yu. Shafranovskaya

Ksenia Yurevna Shafranovskaya – student of the master's program psychoanalysis and psychoanalytic psychotherapy, practicing psychotherapist

The author in this article proposes to consider and become co-participant of intrapsychic journey of the hero of the movie «Interstellar».

The Self, considered in this article, is close to the Jungian concept and is distinguished from the concept of the Self in a classical psychoanalysis, as well as from the Self un the representation of the school of Object Relations and self-psychology.

This article also touches the ideas of the Argentinian psychoanalyst Ignacio Matte Blanco about the «symmetry of the unconscious».

Keywords: reality, self, ego, eros, the waypoint of consciousness, physics, quantum field, space, synchronicity, timelessness, mother-earth, father-heaven, linearity of experience, infinity of processes, rapport, knowledge, mythology, black hole, phenomenon, gravitational signals, endosomatic, measurement, psyche, space, love, knowledge, time

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Какой будет наша жизнь после пандемии?

Манфред Кетс де Врис
(Перевод с англ.: Андрей Карпов)

Манфред Кетс де Врис – профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и паст-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Executive коуч и бизнес-консультант. Действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), Канадского психоаналитического общества (CPS), Парижского психоаналитического общества (SPP). Один из основателей Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Директор программы ИНСЕАД для топ-менеджмента «Вызов лидерства: развитие эмоционального интеллекта», научный руководитель Executive магистерской программы ИНСЕАД «Консалтинг и коучинг для изменений».

В статье исследуется проблема развития общества после окончания пандемии коронавируса. Автор предлагает два сценария постпандемического будущего – пессимистический и оптимистический.

Автор утверждает, что сегодня важным является вопрос о последствиях пандемии коронавируса. Вернемся ли мы к нормальной жизни, когда кризис закончится? Да и захотим ли? Автор задается вопросом: какие главные уроки мы вынесем из ситуации с пандемией COVID-19?

Ключевые слова: COVID-19, последствия пандемии, кризис общества, сценарии постпандемического будущего.

Обнажив кризис общества, пандемия, вызванная вирусом COVID-19, призывает нас переосмыслить наше будущее

Роман Альбера Камю «Чума» начинается с гибели крыс, затем следует цунами человеческих смертей. Власти города сначала неохотно признают эпидемию, но вскоре вынуждены серьезно отнестись к ситуации. После введения военного положения запрещается въезжать в город или покидать его. Невозможность общаться и видеться с близкими давит на всех

– на некоторых даже сильнее, чем угроза смерти. Закон и порядок нарушаются. Чума продолжает опустошать город, поэтому похороны превращаются в быструю процедуру без церемоний и эмоций. Первая «сыворотка», своего рода вакцина, оказывается неудачной. В конце концов, работающая версия вакцины позволяет снять карантин.

Разве эта история не кажется нам знакомой? Очень похожий сценарий разворачивается прямо на наших глазах. Камю пытался описать, как люди реагируют на совершенно нелепый смертный приговор и продолжают с ним жить – смерть является частью жизненного цикла. Возможно, Камю также пытался показать, как мало нужно для того, чтобы общество распалось.

В 1947 году (дата выхода романа Камю) мы получили мощное напоминание о непредсказуемости человеческой жизни, а также о том, как развивается человечество. Увы, никто не обратил на это внимания. Фильм «Заражение», снятый режиссером Стивеном Содербергом в 2011 году, стал современным предупреждением о хрупкости положения человечества. Многие из сцен буквально описывают происходящие сегодня события. В фильме рассказывается о появлении вымышленного вируса, который в конечном счете убивает миллионы людей по всему миру. Вспышка заставляет чиновников из Центра по контролю за заболеваниями Всемирной организации здравоохранения ломать голову над происхождением вируса, определением способов его распространения и поиском лекарства. В фильме, как и в реалиях нынешнего кризиса, показывается, как много возникает сомнений и колебаний, прежде чем кто-либо осознает всю серьезность ситуации. В картине демонстрируется борьба простых людей за выживание.

Будет ли для нас уроком нынешняя пандемия?

Сегодня важным является вопрос о последствиях пандемии коронавируса. Вернемся ли мы к нормальной жизни, когда кризис закончится? Да и захотим ли? Какие главные уроки мы вынесем из ситуации с пандемией COVID-19?

Хочется надеяться, что лекарство от коронавируса будет найдено. Но как бы ни развивались события, мы должны помнить, что угроза инфекционных заболеваний никуда не делась. Пандемии – это не просто продукт художественного воображения нескольких авторов. Откровенно говоря, мы переживаем реальный переломный момент.

Наш ответ на нынешнюю пандемию окажет колоссальное влияние на будущее человечества. Ярче всего коронавирус высветил существующие политические, экономические и социальные проблемы. Он также обнажил кризис лидерства. Пандемия дает импульс к радикальным преобразованиям в экономике, нашем социальном поведении и переосмыслении роли государства в жизни людей.

Я бы хотел рассмотреть два сценария ожидающего нас будущего: довольно пессимистичный и более-менее оптимистичный. Мы можем увидеть, что эти сценарии частично пересекаются.

Пессимистический сценарий

Во время кризисных ситуаций большинство людей склонны к регрессу в состояние большей зависимости. Это обычно приводит к поиску лидеров, способных успокоить коллективные страхи и тревоги. Данная ситуация объясняет парадоксальный феномен: в такие моменты популярность даже крайне некомпетентных лидеров может расти. Действительно, способны ли лидеры самых могущественных стран мира справиться с этой задачей? Можно ли им доверять? К сожалению, слишком многие из наших лидеров оказались совершенно неэффективными. Но когда люди находятся в состоянии психологической регрессии, это может сойти им с рук.

Когда дела идут плохо, сообщества склонны самоустраняться, вместо того чтобы решать возникшую проблему. Наше чувство беспомощности усиливает привлекательность политиков, призывающих к национальной идентичности, к возвращению идеи национального государства. Мы можем ожидать, что политика идентичности начнет набирать обороты. Фактически данный сценарий уже реализуется, если мы посмотрим, как различные страны пытаются приобрести предметы первой необходимости для борьбы с пандемией.

К сожалению, этот пессимистический сценарий очень четко вписывается в программу тоталитарного контроля – повод, которым пользуются автократические лидеры. Для них пандемия – удобный предлог для направления растущего у людей чувства беспомощности в русло автократии. Население может стать более склонным к передаче большего контроля в руки правительств. Как правило, когда мы охвачены страхом, мы с большей готовностью отказываемся от гражданских свобод. Даже когда лидеры притворяются демократическими, при определенных условиях в них может проявиться внутренний автократ. Возникает также повод для поиска козлов отпущения. Но ничто так не объединяет людей, как внешняя угроза. Таким образом помимо процессов регрессии на первый план могут выходить и параноидальные реакции.

Инфраструктура, технологии и законодательная база для военного положения существуют уже давно. Нам следует задуматься над тем, как эти исключительные меры могут легко стать постоянными. Я имею в виду такие вещи, как отказ от личной свободы (вплоть до внесудебных или бессрочных задержаний), введение цензуры прессы и интернета (якобы для борьбы с дезинформацией), запрет свободных собраний, отслеживание местонахождения каждого в любое время и введение ограничений на передвижение. Это может даже включать в себя предоставление государству большего контроля над нашими телами (что отражается в обязательной вакцинации и иных медицинских процедурах).

Помимо этого, при пессимистическом сценарии может снижаться чувство общности людей ввиду происходящих в различных сферах социальных изменений: преобладание электронной коммерции (больше никаких покупок в обычных магазинах), отказ от офисных помещений, введение онлайн-обучения и игр, а также удаленный просмотр спортивных

и развлекательных мероприятий. Идея общества, основанного на тесных социальных связях и чувстве единства с другими, может стать пережитком прошлого.

Многие из описанных процессов уже осуществляются, но появление COVID-19 значительно ускорило их введение в практику и может сделать их постоянными. Мы должны спросить себя: каким количеством наших жизней и гражданских свобод мы готовы пожертвовать ради чувства большей безопасности? Хотим ли мы жить в мире, где люди редко могут собираться вместе? Если социальная дистанцированность становится нормой, сможем ли мы смириться с вероятным ростом депрессий, вызванных изоляцией, параноидальных реакций, наркомании и самоубийств?

Оптимистический сценарий

Кризисы не только способствуют активизации сил регресса и паранойи, они также могут активизировать бóльшую солидарность. Известно, что когда люди объединяются, могут происходить чудеса.

Сейчас мы находимся на пороге принятия многих важных решений. Пандемия должна побудить нас задуматься о силе нашей коллективной воли.

Увы, пандемия явилась причиной потери огромного числа рабочих мест, но может ли она стать возможностью, которая позволит направить нашу энергию на другие виды деятельности? Какие сектора экономики следует восстановить, а без каких мы могли бы обойтись? Размышляя о растущем беспокойстве о нашей планете, о катастрофических последствиях глобального потепления, задаешься вопросом: действительно ли нам нужны все эти поездки на работу, все эти воздушные перелеты?

С эволюционной точки зрения, здоровье исходит от сообщества. Человеческая жизнь не может процветать в изоляции: быть частью сообщества крайне важно для нашего психического здоровья. К сожалению, сегодня мы стали более атомизированными, чем когда-либо прежде. Должны ли мы продолжать следовать этим путем? Пандемия может открыть возможности для восстановления нарушенных связей и способствовать созданию более крепких, сплоченных обществ. Скоординированные усилия ученых всего мира по поиску вакцины от коронавируса свидетельствуют о том, что такое объединение возможно.

Нынешняя пандемия может дать нам импульс к решению проблем, о которых мы всегда хорошо знали, но предпочитали их игнорировать. Это может быть нашим шансом решить вопрос с ростом числа дисфункциональных лидеров, сократить социально-экономическое неравенство, по-настоящему бороться с зависимостями и работать над тем, чтобы предотвратить экологический коллапс. Первым делом мы должны принять реальность: мы существуем во взаимосвязанном мире. Мы должны развивать более «глобальное» мировоззрение, при котором мы мыслим масштабно, широко, но действуем локально.

Прежде всего, кризис коронавируса открывает возможности к созданию более сострадательных обществ, признающих, насколько все мы связаны, и что мы должны бережно относиться к нашей планете в интересах будущих поколений. Вождь индейцев сквомиш Сиэтл однажды сказал: «Человечество не сплело паутину жизни. Мы лишь одна из нитей внутри нее. Что бы мы ни делали с паутиной, мы делаем это с самими собой. Всё взаимосвязано».

Источник публикации: <https://knowledge.insead.edu/blog/insead-blog/what-will-life-be-like-after-the-pandemic-13886#comment-35581> (Дата обращения: 06.06.2020)

What Will Life Be Like After the Pandemic?

Manfred Kets de Vries

(Translation by Andrei Karpov)

Manfred Kets de Vries – professor of Leadership Development and Organisational Change at INSEAD. Past Founding Director of INSEAD's Global Leadership Centre. Executive coach and business consultant. Member of International Psychoanalytic Association, Canadian Psychoanalytic Society and Paris Psychoanalytical Society. One of the founders of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO). Program director of INSEAD's Top Management Programme "The Challenge of Leadership: Developing Your Emotional Intelligence", scientific director of the Executive Master's "Coaching and Consulting for Change".

The article considers the issue of development of society after the end of the coronavirus pandemic. The author suggests two scenarios for the post-pandemic future: a rather pessimistic and a more optimistic one.

The author claims that the issue of the consequences of the coronavirus pandemic is of high importance today. When the crisis subsides, will we go back to normal? Will we even want to? The author raises the question: what are the main lessons we will learn from the situation with the COVID-19 pandemic?

Keywords: COVID-19, consequences of the pandemic, crisis of society, scenarios of the post-pandemic future.

Семь способов, с помощью которых руководители компаний могут подготовиться к постпандемическим временам

Манфред Кетс де Врис
(Перевод с англ.: Андрей Карпов)

Манфред Кетс де Врис – профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и паст-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Executive коуч и бизнес-консультант. Действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), Канадского психоаналитического общества (CPS), Парижского психоаналитического общества (SPP). Один из основателей Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Директор программы ИН-СЕАД для топ-менеджмента «Вызов лидерства: развитие эмоционального интеллекта», научный руководитель Executive магистерской программы ИНСЕАД «Консалтинг и коучинг для изменений».

В статье описываются эффективные методики по разработке топ-менеджерами плана действий по управлению компанией в ситуации экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса.

На примере двух вымышленных компаний автор демонстрирует эффективный и неэффективный подходы ведения бизнеса в условиях серьезного экономического спада и приводит семь способов, с помощью которых руководители компаний могут подготовиться к постпандемическим временам.

Ключевые слова: COVID-19, экономический кризис, лидерство, управление компанией, антикризисные стратегии, постпандемический мир.

Избегайте импульсивных реакций при составлении плана на будущее

«Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния...». Этими словами начинается «Повесть о двух городах» Чарльза Диккенса, в которой словно

описывается противоречивое время, в которое сегодня живем мы. В ней также описывается, как компании могут по-разному реагировать на пандемию коронавируса.

Возьмем, к примеру, вымышленную компанию «А». Когда разразилась пандемия, в ее высшие управленческие эшелоны проник страх. В течение многих лет руководство компании выкупало акции, чтобы улучшить ее финансовые показатели и гарантировать большие бонусы для руководителей. Это сократило финансовую свободу компании, побудив генерального и финансового директоров пойти на значительное снижение расходов, включая отмену всех мероприятий по обучению и развитию персонала. Они также использовали беспокойную экономическую ситуацию в качестве предлога для увольнения без каких-либо объяснений значительного количества сотрудников, которые им не нравились. Их действия привели к тому, что в компании воцарилась атмосфера Судного дня.

В вымышленной компании «Б» руководители высшего звена реагировали совершенно иначе. С учетом уроков, извлеченных из последней рецессии, они сформировали достаточные финансовые резервы, которые позволили им никого не увольнять. Вместо этого они ликвидировали сверхурочные часы, ввели программы неоплачиваемых отпусков для сотрудников и воспользовались инструментами государственной поддержки. Они заморозили заработную плату и сократили собственное вознаграждение. Зная, что рецессии открывают исключительные возможности для привлечения талантливых специалистов высокого уровня, они держали ухо востро. Они не попадут в ловушку нехватки специалистов, обладающих ключевыми компетенциями. Хотя при данных обстоятельствах было бы проще сократить расходы на обучение, высшее руководство решило сохранить его ключевые элементы, чтобы лучше подготовить своих сотрудников к будущему.

Эффективные методики по разработке плана действий

Какая компания окажется в лучшем положении, когда экономический кризис завершится? Будет ли это компания «А» или «Б»? Какие факторы должны учитывать топ-менеджеры, чтобы справиться с кризисом? На что им следует обратить особое внимание?

Основываясь на моем десятилетнем опыте тренера по менеджменту и бизнес-консультанта, я бы хотел предложить несколько практических шагов, которые следует предпринять руководителям компаний для того, чтобы оказаться в выигрышной позиции, когда экономическая ситуация улучшится.

Разрабатывайте различные сценарии

При наличии большого количества неизвестных компаниям было бы разумно разработать несколько сценариев. Я бы советовал рассмотреть, по крайней мере, три варианта – от лучшего до крайне пессимистического. Оценка влияния этих сценариев на компанию и ее конкурентов

поможет выявить уязвимые места, требующие принятия незамедлительных мер. Это также поможет руководителям донести до сотрудников организации обоснованность и мотивирующую функцию действий, предпринимаемых ими в ответ на кризис.

*Рассмотрите возможность совершения сделок
по продаже и приобретению активов*

Избавление от непрофильного бизнеса может помочь фирме сфокусировать усилия на том, что она делает лучше всего. Наряду с продажей активов, приобретения, сделанные во время рецессии, также могут принести большую выгоду, так как затраты, связанные с покупкой, будут существенно ниже. Дальновидные компании будут накапливать наличные средства и ликвидные ресурсы. Экономический спад представляет для них прекрасную возможность укрепить свои позиции. Игра в ожидание может поставить под угрозу способность фирмы извлечь выгоду из возможностей, возникших в результате неизбежного отскока.

*Уделите особое внимание вовлеченности
и корпоративной культуре*

В сегодняшние трудные времена руководители компаний должны дать сотрудникам чувство смысла. Часть этого процесса включает в себя напоминание им о более широкой картине – о том, каких целей пытается достичь компания. Своими действиями топ-менеджеры должны продемонстрировать, что им не все равно, и мы работаем над этим все вместе.

Экономические спады – критические периоды, когда особенно важно пересматривать и укреплять корпоративную культуру организации. Это включает в себя выведение на передний план основных ценностей и моделей поведения, которые сотрудники должны учитывать при принятии ключевых кадровых решений, например таких, как прием на работу, увольнение, продвижение и развитие.

*Привлекайте сотрудников к совместной
разработке плана развития вашей фирмы*

Отличный способ избежать возможного снижения морального духа – привлечение персонала компании к помощи в исправлении ситуации. Это подталкивает сотрудников к осознанию того, что они обладают силой изменить ситуацию. Топ-менеджерам следует вдохновлять сотрудников всех уровней на то, чтобы они предлагали действенные идеи, которые могли бы сэкономить деньги компании или лучше подготовить ее к будущему. Если все же значительное сокращение рабочего времени неизбежно, пусть руководители на разных уровнях организации возьмут на себя ведущую роль в разработке наилучшего способа осуществления этой задачи. Привлекайте их к разработке планов перемещения людей в те сферы, где они больше всего нужны.

Будьте осторожны с увольнениями

Даже во время серьезных экономических спадов было бы неразумным торопиться с увольнением персонала. Если это в принципе возможно, то гораздо лучше следовать более изобретательными путями компании «Б». Если все же сокращение рабочей силы неизбежно, то это должно быть сделано достойно. Пребывая в состоянии паники, топ-менеджеры компании «А» потеряли из виду человеческую сторону предприятия. Компания с таким бездушным отношением к увольнениям, скорее всего, закончит тем, что оставшиеся сотрудники будут страдать от «синдрома выжившего». Его симптомы включают страх, гнев, а также потерю лояльности и приверженности ценностям компании из-за увольнений коллег, воспринимаемых как несправедливость. При первой же возможности высококвалифицированные сотрудники устремятся к выходу.

Не пренебрегайте обучением и развитием

Устойчивые организации не прекращают обучение и развитие в периоды серьезных спадов. Они рассматривают сложившуюся ситуацию как прекрасную возможность для повышения боеспособности и сохранения боевого духа. При правильном обучении и развитии сотрудники смогут понять потенциальные сдвиги в бизнесе, оценить, какие будущие технологии необходимы для повышения эффективности, снижения издержек и повышения конкурентоспособности бизнеса. Программы развития часто способствуют появлению лучших идей и наиболее инновационных проектов.

Общайтесь, общайтесь, общайтесь

Общение – это прекрасная деловая практика в любые времена. Но в кризисах ключевым становится управление круговертью слухов. Конечно, высшее руководство компании должно найти тонкую грань между тем, что говорить можно, а о чем лучше молчать. Но если вы сомневаетесь, то лучше ошибиться, находясь на стороне правды и открытости.

Несмотря на стресс, который могут вызвать потенциальные увольнения, для руководителей сейчас не время прятаться в своих кабинетах. Они должны стремиться к открытому, последовательному и честному общению, чтобы установить доверие. Они также должны уметь обращаться с чувствами людей. Способность сопереживать и ценить сотрудников, готовых взять на себя большую ответственность, укрепляет лояльность и доверие – те нематериальные ценности, которые могут сильнее всего пострадать во время кризиса.

Держать удар с честью

Туннельное видение – естественная реакция в трудные времена. Однако кризисы – именно тот период, когда лидерам необходимо бросить вызов

своим старым, укоренившимся привычкам и проявить интерес к многочисленным возможностям, которые могут возникнуть. Фирмы, умеющие реагировать проактивно, когда другие просто реагируют, выстоят после бури.

Компания «Б» заняла такую проактивную позицию. Ее руководители извлекли уроки из прошлого опыта, дали отпор паническим реакциям и сосредоточили внимание на долгосрочной перспективе. Они продолжили инвестировать в своих сотрудников, помогая им в приобретении навыков, необходимых для адаптации к новым условиям ведения бизнеса.

Настоящие лидеры сделают все от них зависящее, чтобы их компания вышла из кризиса обновленной и готовой к встрече с будущим. Они находят в себе уверенность и мужество осуществить глобальные изменения, необходимые для того, чтобы пережить этот драматический спад. Они понимают, что в этот период как никогда важно уделять особое внимание корпоративной культуре и работе с персоналом. Это именно тот тип лидерства, который пройдет тест Уоррена Баффета: «Только когда наступит отлив, вы узнаете, кто плавал голым».

Источник публикации: <https://knowledge.insead.edu/blog/insead-blog/seven-ways-leaders-can-prepare-for-post-pandemic-times-14326> (Дата обращения: 10.07.2020)

Seven Ways Leaders Can Prepare for Post-Pandemic Times

Manfred Kets de Vries

(Translation by Andrei Karpov)

Manfred Kets de Vries – professor of Leadership Development and Organisational Change at INSEAD. Past Founding Director of INSEAD's Global Leadership Centre. Executive coach and business consultant. Member of International Psychoanalytic Association, Canadian Psychoanalytic Society and Paris Psychoanalytical Society. One of the founders of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO). Program director of INSEAD's Top Management Programme "The Challenge of Leadership: Developing Your Emotional Intelligence", scientific director of the Executive Master's "Coaching and Consulting for Change".

This paper describes effective methods for developing an action plan for top managers to manage a company in a situation of economic crisis caused by the coronavirus pandemic. Using two fictitious companies as an example, the author demonstrates effective and ineffective approaches to doing business in the face of a severe economic downturn and outlines seven ways that Leaders can prepare for post-pandemic times.

Keywords: COVID-19, economic crisis, leadership, company management, anti-crisis strategies, post-pandemic times.